В стремлении к Божественному идеалу

В этом году 18 июня мы отмечаем 210 лет со дня рождения нашего выдающегося земляка – Ивана Александровича Гончарова. Удивительна и редкостна судьба его творческого наследия: интерес к произведениям Гончарова не только не угасает, но с годами всё более растёт, как и актуальность проблем, поднятых им ещё в XIX веке. Может быть, потому что писатель говорит о вечном, о самом ценном для человека, что важнее хлеба насущного и ценнее сытой жизни? Что вообще есть человеческая жизнь? Возможно ли построить её вне зависимости от практических интересов – так, чтобы возвыситься над объективной реальностью и устремиться к добру и свету?

Иван Александрович Гончаров пытается ответить на эти вопросы – прежде всего, самому себе – с предельной честностью. Он убеждён, что существуют «тонкие потребности духа», и призывает к сохранению «первоначальной чистоты» и «аромата души и сердца» (письмо к И.И. Льховскому от 1853 года). Этот посыл пронизывает содержательную суть «Обыкновенной истории», «Обломова», «Обрыва» – во всех своих произведениях И.А. Гончаров приоткрывает створки окна, откуда виден свет всеобъемлющей любви.

Не потому ли ленивец и сибарит Обломов так очаровывает читателя уже третий век подряд, что весь он пропитан этим светом, манящим в рай?

Обречённые на земные страдания, мы не можем не думать о великом предназначении души. Не просто о нравственном развитии думать, а о движении к Божественному идеалу, незыблемому во все времена. Ведь человек был создан для блаженства, для жития в раю. Оторванный от рая, он теряет твёрдость духа и, лишившись главной опоры, не может устоять перед соблазнами мира. И великий Гончаров открывает нам ту самую опору, которая помогает преодолеть житейские бури. Поэтому из века в век мы будем вновь и вновь обращаться к его виртуозной прозе и воспринимать её как доказательство бытия Божия.

Ольга Шейпак

Гончаров. Фрески

О фресковом подходе к художественному тексту

Несколько лет назад я начал выстраивать новую методику подхода к художественному тексту. То, что удалось сделать, я назвал фресковым методом. Или, по-другому, фресковым литературоведением. Попробую немного рассказать об этом своём опыте, отразившемся в книге «Гончаров. Фрески».

Постижение русской литературы обретает сегодня значимость государственной важности. Духовные просчёты общества, подмена исконных ценностных установок, дающих надёжную нравственную опору, переменчивой вкусовщиной, потеря элементарных критериев оценки искусства и особенно литературного текста – всё это ведёт к утратам глобальным, к сужению кругозора в поколенном масштабе. Правдиво и смело пишет о положении дел в постижении отечественной словесности молодым читателем Ю.В. Лебедев: «Классика… не развлечение. К ней неприложимы расхожие читательские оценки… Приобщение к высокой литературе – не забава, а напряжённый труд. Если тебе не нравится, например, Некрасов или Гончаров, значит, ты ещё духовно не дорос до них. Сделай усилие, надломи свой эгоизм, свою самоудовлетворённость и самоуспокоенность. Классика ведь никогда не льстит нашему самолюбию, не потакает порокам и слабостям человеческим. Она зовёт человека вперёд…»

Художественный текст, постигаемый читателем-исследователем, так или иначе зовёт к нравственному восхождению, вступает в диалог со своим толкователем. И в творческом процессе этого диалога рождается новое знание о смысловой насыщенности литературного произведения. Не случайно современная наука о литературе всё активнее и результативнее включает в свой обиход наработки смежных дисциплин – читателеведения, музееведения, книговедения, коммуникативистики. Отрадно, что библиотеки и литературные музеи перестают быть сегодня статичными хранилищами книжного и историко-литературного опыта, всё чаще становятся открытыми диалоговыми площадками, форумами, конференц-залами, включаются не только в популяризацию литературы, но и в её глубинную истолковку. И современное литературоведение, когда оно динамично и открыто переменам, успешно взаимодействует с мультиэстетическими явлениями гуманитарного мира. Литература и живопись, литература и музыка, литература и театр неразделимы. Более того, великая сфера естественных и точных наук пересекается с историей литературы гораздо чаще, и ментальный смысл этого пересечения гораздо значимее, чем принято полагать. Можно ли всерьёз изучать роман И.А. Гончарова «Обломов», не имея представления, например, о гениальной опере «Норма» Винченцо Беллини? Или другой пример. Допустимо ли заниматься фундаментальными исследованиями сказки «Конёк-горбунок» П.П. Ершова, не учитывая того обстоятельства, что автор «Конька-горбунка» был учеником отца Менделеева, Ивана Павловича, а впоследствии – наставником его сына, Дмитрия Ивановича, открывшего, как известно, Периодическую систему химических элементов? Таблица Менделеева является миру в 1869 году, в этом же году И.А. Гончаров ставит точку в романе «Обрыв», в этот же событийный год полностью публикуется роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир». Тогда же закладывается фундамент храма Христа Спасителя в Самаре, уничтоженного в 1932-м. И тогда же Россия официально объявляет остров Сахалин местом каторги и ссылки – до героического путешествия А.П. Чехова на остров каторжан остаётся долгих 20 лет.

События литературные, исторические, политические, научные не только взаимозависимы, но и весьма противоречивы, они смешиваются и напластовываются, отражают столкновение старого и нового, образуют несколько фонов. Однако искать подобную «нелинейную» форму необходимо, поскольку этого требуют вызовы информационного мира, инфор-

Приезд в имение. Ч. 2, гл. 1

Райский и Марфинька. Ч. 2, гл. 3

В статье использованы иллюстрации Петра Пинкисевича к роману «Обрыв», переданные родственниками художника в дар Историко-мемориальному центру-музею И.А. Гончарова

Савелий и Марина. Ч. 2, гл. 12

Марк Волохов. Ч. 2, гл. 15

Марфенька и Викентьев. Ч. 2, гл. 18

мационная плотность тех самых диалоговых звеньев, возникающих при изучении художественной словесности. Этого требует аргумент к восхождению, придающий сегодняшнему отечественному литературоведению интеллектуально-просветительский и духовнообразующий статус.

Возможно, настаёт время, когда школьнику и студенту, учителю и вузовскому преподавателю, аспиранту и докторанту, просто читателю понадобятся альтернативные парадигматические модели освоения информации. Новые формы учебников и разного рода вспомогательных пособий и практикумов.

И вот как раз фресковый метод – попытка создания одной из таких новых перспективных форм.

Как известно, фреска (от итал. fresco – свежий) – живописная стенная роспись по сырой штукатурке. В традиционных техниках фрески сначала создаётся фон с помощью особого состава, а позже на этом фоне начинает вестись роспись. Но в чём же смысл метафорического перенесения жанра фрески на структуру и содержание учебно-методического пособия по изучению литературы? И почему именно Гончаров был выбран в качестве объекта исследования? Попробую ответить на эти вопросы.

Фресковый метод в литературоведении, как и в живописи, начинается с создания фона. И при написании книги «Гончаров. Фрески» первейшей тактической задачей стало моделирование многоплановой фоновой поверхности, совмещение ряда биографических событий из жизни Гончарова с событийной канвой русской действительности 40–60 годов XIX века – времени создания основных гончаровских шедевров. Чрезвычайно важно было при этом опираться не только на «веховые», исторически маркированные события, но и не забывать о «второстепенных» эпизодах истории, о «боковых аллеях», усадебных тропинках и просёлочных дорогах русской жизни. Отличительная черта фресковой исследовательской философии состоит в том, что «магистральное» и «второстепенное» рассматриваются наравне, изначально имеют одинаковый исследовательский потенциал. Для фрескового подхода значима деталь, интересна микропись и нюансировка. Факт, окрашенный субъективным взглядом. Поданный в риторическом ключе, способный привлечь внимание, заинтересовать, добавить эмоциональных красок к портрету писателя и времени.

Объясню наглядно. Вот Иван Гончаров возвращается в родной Симбирск в июле 1834 года, успешно завершив обучение в Московском университете. Перед нами информация, которая не годится для фресковой системы. Из различных источников добываем дополнительные сведения: оказывается, молодой писатель хотел произвести на домашних впечатление, показаться дома «столичным франтом» и истратил большую часть денег на платье от лучшего портного. На перекладных лошадей средств не хватило, и ехать пришлось на неуклюжей бричке без рессор. Вдобавок то лето выдалось жарким и щедрым на грозы, и Гончаров приехал домой совершенно измождённым, о чём не без иронии вспоминал позже. Стандартная информационная строка, чуть-чуть расширенная за счёт обстоятельств и нюансов, превратилась в маленькую, но яркую картину, в историю, которую можно рассказать интересно, занимательно, в зримый эпизод из жизни романиста. Фресковый метод так и работает – он нацелен на воссоздание в максимально сжатой по объёму форме запоминающегося, как бы отпечатывающегося в памяти события. Для фрески существенны, как мы уже сказали, подробности, сопутствующие факту, – время суток, особенности пейзажа, погодные условия, детали одежды. Всё, из чего складывается атмосфера. Или ещё эпизод. В 1862 году писатель назначается главным редактором официальной газеты министерства внутренних дел «Северная почта». Обычно эта информация истолковывается как примета некоего консерватизма Гончарова, его «карьерного взросления», то есть внимание сосредоточивается на социально-политическом портрете романиста. Но если приложить минимальные поисковые усилия, то благодаря разысканиям работников Дома-музея Гончарова в Ульяновске мы узнаём, что в начале 1860-х в жизни Ивана Александровича произошло и ещё одно немаловажное событие – в его доме на Моховой появилась Мимишка, или, по-другому, Миха Трезоровна – маленькая собачка, в которой автор «Обломова» души не чаял. Гончаров признавался в письмах, что если его

любимица захворает, то и номер газеты не выйдет в срок. Данный информационный разворот позволяет увидеть писателя в неожиданном свете. Одна из насущных задач фрескового подхода как раз и состоит в том, чтобы найти нетривиальные изобразительные планы, дать возможность почувствовать писателя и его время живыми. А помочь в этом могут литературные музеи и библиотеки: фресковый подход рассчитан на самое активное интегрирование в учебно-методический и научно-исследовательский процесс фондовой информации литературных музеев и библиотек России.

Фресковый метод не столько констатирует события, фиксирует даты и формулирует оценки, сколько воссоздаёт картины эпохи, литературной истории и непосредственно художественного текста. Если даже относительно подготовленная аудитория услышит, допустим, о «Мариенбадском чуде», то эта информация не возымеет должного эффекта – да, известно, что, находясь в Мариенбаде, автор «Обломова» за короткое время создал «летнюю поэму любви», вдохновенно рассказал о чувствах Ильи Ильича и Ольги Сергеевны. Информация верна, однако лишена того самого «чуда». Мы ***не видим*** окрылённого труда Гончарова. Но совсем другое восприятие возникнет, если подкрепить изложенные сведения всего лишь несколькими строками письма Гончарова к своему другу и соратнику Ивану Льховскому: «…сижу в её комнате, иду в парк, забираюсь в уединённые аллеи, не надышусь, не нагляжусь. У меня есть соперник: он хотя и моложе меня, но неповоротливее, и я надеюсь их скоро развести… Но теперь, теперь волнение моё доходит до бешенства: так и в молодости не было со мной. Я едва могу сидеть на месте, меряю комнату большими шагами, голова кипит: я бы даже, кажется, мог сочинить что-нибудь… Женщина эта – моё ж создание, писанное конечно, – ну, теперь угадали, недогадливые, что я сижу за пером?» Теперь перед нами не абстракция, а полная жизни картина, образ самого вдохновения, чудесный миг творческого озарения.

В контексте фрескового подхода особым смыслом наполняются цитаты из писем, высказывания, дневниковые записи, фрагменты выступлений, дарственные надписи. Голоса во фресковом мире служат той же цели – создать картину исторического отрезка. Вот начинает свою судьбоносную работу печатный станок Вольной русской типографии в Лондоне, вот завершается 349-дневная оборона Севастополя, и Лев Толстой делает пронзительную, кричащую запись: «Враги видели, что что-то непонятное творилось в грозном Севастополе. Взрывы эти и мёртвое молчание на бастионах заставляли их содрогаться…» Вот на музыкальном вечере у инспектора Петербургского университета А.И. Фитцума встречаются блестящий композитор и пианист М.А. Балакирев и военный инженер, увлекающийся музыкой, Ц.А. Кюи, а чуть позже, на одном из вечеров у композитора А.С. Даргомыжского, друзья познакомятся с М.П. Мусоргским – так возникнет великое содружество в истории русской музыки – *«Могучая кучка»*. Фёдор Достоевский внимательно вчитывается в материалы дела Герасима Чистова, опубликованные газетой «Голос». Пётр Ершов пишет Дмитрию Менделееву из Тобольска в Москву: «Ради ваших атомов, из которых всё и в которых всё, не скупитесь дарить меня Вашими письмами. Если позволите, я сообщу Вам рецепт, который облегчит Вам исполнение моей просьбы. Возьмите почтовый листок и каждый день, отходя ко сну, черкните и мне, что слышно нового. Когда листок наполните… суньте его в конверт и отправляйте Ершову в Тобольск…»

Фрески, представленные в книге, имеют определённую структуру, которая может несколько варьироваться в зависимости от темы. Вероятно, подобная структура с некоторыми дополнениями и модификациями может работать и применительно к другим авторам.

Структура фресок позволяет оперировать информацией разных уровней сложности: например, во фреске «Обломов» новые для себя и полезные для дальнейшей работы с текстом сведения смогут отыскать и студенты вуза, и аспиранты, специализирующиеся на литературе XIX века, и те, кому ещё только предстоит познакомиться с наследием Гончарова.

Фресковая модель ориентирована на практическую работу с текстом. И это очень важно, так как подобным образом восполняется суще-

Тычков. Ч. 3, гл. 2

Вера и Райский. Ч. 4, гл. 8

Вера и Волохов. Ч. 4, гл. 12

Татьяна Марковна. Ч. 5, гл. 14

Тушин и Волохов. Ч. 5, гл. 16

Райский в Риме. Ч. 5, гл. 15

ственный учебно-методический пробел: в большинстве пособий по русской литературе теория преобладает над практикой.

Каждая фреска по-своему отличается от предыдущей или последующей: исследовательскими акцентами, внутренней сюжетикой, научной интригой, характером гипотез, предлагаемых для осмысления и доказывания, наконец, характером пространственности и освещения. Например, фреска, посвящённая роману «Обломов», замкнутая поначалу в скорлупу домашних стен, приглушённая по цвето-световому колориту, обретает яркие световые тона и краски, расширяет свои идейно-пространственные границы, когда речь заходит о «Сне Обломова», увертюре всего романа.

Сердце каждой фрески находится в разделе «Научно-исследовательская мастерская: методология, материалы, инструментарий, задания». Комментированный разбор текста, проводящийся совместно с читателями, – главная задача фрескового подхода. Учиться мыслить в процессе анализа, видеть архитектонические законы, по которым строится художественное целое, находить общее во внешне разрозненных явлениях, учитывать социокультурный контекст эпохи, в том числе возможные переклички автора с другими писателями, – вот некоторые приоритеты текстуального анализа во фресковой научно-исследовательской мастерской. Такой подход, собственно, открывает возможности для ***трёхмерного чтения***, позволяющего читателю не пролистывать торопливо страницу за страницей, а погружаться в текст, быть внутри текста.

Исключительно по творческому принципу построены задания, рассчитанные на активное практическое освоение материала. Например, визуализировать, исходя из «подсказок» текста, образ неназванной невесты Александра Адуева и сделать словесный набросок её возможного психологического и социального портрета; завершить, опираясь на текст, план переустройства имения, вынашиваемый Обломовым, и смоделировать его недостающие части; выполнить лингвостилистический и краткий почерковедческий разбор письма от старосты из Обломовки; отметить на карте Петербурга «обломовские точки», сопоставить их с гончаровскими адресами и навигировать передвижение героев по городу. Литературоведческая фреска не противостоит тестовой модели, но представляет из себя альтернативный путь изучения литературного материала.

Сам склад гончаровской прозы, её поэтика, её насыщенный смыслами ритм, её символика и, главное, художественная пластичность выражения имеют определённое живописное и, более того, фресковое начало. Гончаров не просто создавал тексты, а, как заметил критик И.Ф. Анненский, «жил и творил главным образом в сфере зрительных впечатлений: его впечатляли и привлекали больше всего картины, позы, лица; сам себя называет он рисовальщиком. Интенсивность зрительных впечатлений, по собственным признаниям, доходила у него до художественных галлюцинаций. Вот отчего описание преобладает у него над повествованием, материальный момент над отвлечённым, краски над звуками…»

Хотелось бы надеяться, что фресковая форма окажется плодотворной для исследования и других писателей. Обращаясь к творчеству Гончарова, неизбежно держишь в уме ***универсальные возможности*** фрескового метода. Фрески Николая Гоголя. Фрески Льва Толстого. Фрески Бориса Зайцева. Фрески Андрея Платонова. В первую очередь, фреска – это, обобщённо говоря, свет, расположение световых лучей, создающих особую динамику и перспективу. А изучение света и освещённости в художественном мире того или иного писателя само по себе весьма и весьма перспективно.

Фресковая организация может оказаться полезной и для теоретических разработок в области жанра, сюжета, композиции и, разумеется, ритма художественной прозы. Был бы очень рад, если бы это начинание оказалось полезным, нашло бы своё продолжение, уточнение, совершенствование в работах коллег, а значит, повлияло бы на сегодняшнее и завтрашнее отношение читателя и исследователя к художественному тексту, к великому чуду – чтению книги.

Иван Пырков,
д.ф.н.,
профессор кафедры русского языка
и культуры речи
Саратовской государственной
юридической академии

Симбирск Гончарова в графике Н.Е. Дронникова

Из собрания Ульяновского областного краеведческого музея

Мой идеал – художник Возрождения.
Отсюда скульптуры, живопись фигуративная и абстрактная,
книги по искусству и истории России, портретная галерея…
Я изображал движение и дух творчества…

Николай Дронников. Из «Автобиографии»

Райский, живо принимая впечатления, меняя одно на другое, бросаясь от искусства к природе,
к новым людям, новым встречам, – чувствовал, что три самые глубокие его впечатления,
самые дорогие воспоминания – бабушка, Вера, Марфинька <…>
Эти три фигуры являлись ему, и как артисту, всюду. Плеснет седой вал на море, мелькнет снежная вершина горы в
Альпах – ему видится в них седая голова бабушки.
Она выглядывала из портретов старух Веласкеза, Жерар Дова, – как Вера из фигур Мурильо,
Марфинька из головок Грёза, иногда Рафаэля…
Три фигуры следовали за ним и по ту сторону Альп, когда перед ним встали другие три величавые фигуры:
природа, искусство, история…

Иван Гончаров. «Обрыв»

Н.Е. Дронников. «Автопортрет». Бумага, гуашь. 2001 г. УОКМ. Внизу подпись: «Н. Дронников. Симбирск. 21.09.01. Музею Гончарова от меня и от Саши Симона»

Николай Егорович Дронников – русский художник, с 1970-х годов живущий во Франции. По словам самого творца, «искусством занялся рано, брат был первый учитель»: «Прямо из училища 1905 года брат ушёл на Курскую дугу и не вернулся». «Николай начинал как скульптор, – писал поэт В.И. Амурский. – Гипсовый мальчик, пускающий кораблик в ручье, – скульптура “Весна” была показана на общегородской выставке Дома пионеров столицы, открывшейся в июне 1941 года, за неделю до войны… Именно эту “Весну” Дронников считает “началом всех своих начал”. От неё ведёт свой календарь как художник». Широко известен циклом портретов знаменитых современников, которые делал исключительно с натуры. «*Единые и разные* – Окуджава, Высоцкий, Некрасов, Максимов, Бродский, Солженицын, Синявский, Максим Шостакович, Баршай, Ашкенази, многие другие, – продолжает В.И. Амурский, – составившие дронниковскую галерею “Портретов современников”, часть оригиналов которой находится в его “домашнем музее”, а часть разошлась по различным собраниям, – поистине уникальное явление в художественной русской жизни в эмиграции последней волны во Франции…»

Работа камерной выставки «Н.Е. Дронников: искусство книги». 19-26 октября 2021 г., Историко-мемориальный центр-музей И.А. Гончарова. Из фондов УОКМ.

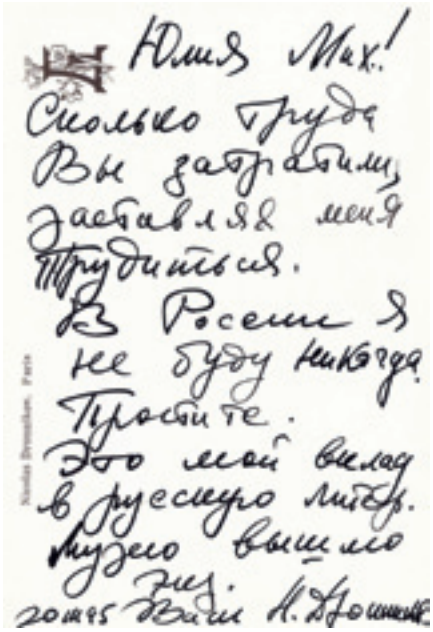
Свои рисунки, портреты, воспоминания Н.Е. Дронников часто оформлял в книги, которые «делались не в какой-то прекрасно оборудованной типографии, а в собственной скромной мастерской» малыми тиражами от 33 до 500 экземпляров. Мастер издавал произведения художников Ларионова и Гончаровой, воспоминания о встречах с Шагалом, сборники избранных стихов Бунина, Сирина, Бальмонта, Северянина…

Сотрудники Музея И.А. Гончарова не раз обращались к творчеству Н.Е. Дронникова, оказавшего неоценимую помощь в разыскании потомков семьи Гончаровых.

19–26 октября 2021 года в Историко-мемориальном центре-музее писателя в рамках Года книги в Ульяновской области работала камерная выставка «Н.Е. Дронников: искусство книги». Автор выставочного проекта Е.Б. Клевогина отметила: «Имя Николая Егоровича Дронникова тесно связано с потомками семьи Гончаровых. благодаря этому художнику была установлена связь музея И.А. Гончарова в Ульяновске с французской ветвью потомков Гончаровых во Франции. Николай Егорович был близким другом Саша Симона – правнучатого племянника И.А. Гончарова, французского журналиста и писателя». На выставке, в частности, были представлены переданные в фонды музея издания Н.Е. Дронникова, посвященные С. Симону и Симбирску-Ульяновску. История поиска сотрудниками потомков семьи Гончаровых по линии брата писателя, Николая Александровича, тесно связана также с именем старшего научного сотрудника Ю.М. Алексеевой (1945–2013) и отразилась в музейной переписке с художником, немногочисленных статьях и интервью[1].

В кратких, но пронзительных письмах и посланиях на самиздатовских открытках Николай Егорович в ответ на обстоятельную корреспонденцию Юлии Михайловны на протяжении ряда лет подчёркивал невозможность путешествия на родину. Например, читаем в письме из Парижа, датированном пасхальным воскресеньем 1992 года: «Я очень благодарен Вам о всех деталях поездки, но… много всего, плюс операция мне. А другого пути доставки портретов я не вижу. Я очень расстроен». На открытке собственного производства

Н.Е. Дронников – Ю.М. Алексеевой. Открытка. Париж, 20 марта 1995 г. УОКМ



с надписью «SACHA SIMON» – краткое послание, датированное 20 марта 1995 года, с горьким признанием: «В России я не буду никогда». Сетования художника на здоровье, дальность поездки, трудность перевозки багажа навевают метания и сомнения Ивана Александровича Гончарова, с великим трудом уступившего заказчику и художнику в период создания знаменитого «третьяковского» портрета писателя. Эта ситуация живо описана литературоведом Ю.М. Лощицом в серии «ЖЗЛ»: «Того самого портрета, который, прояви Иван Александрович еще чуть-чуть упорства и нежелания, так никогда и не был бы написан. Заказчик и художник наседали, упрашивали, отступали на время, чтобы зайти с неожиданной стороны. А "модель" увертывалась, придумывала всевозможные отводы, отговорки. <…> Итак, почти четыре года ушло на безуспешные переговоры. Никаких надежд у Крамского и Третьякова больше не было… И вот через несколько месяцев после резкого объяснения с Крамским он [Гончаров – *И.М.*] стоял в слабо освещенном углу выставочного помещения и разглядывал картину Ивана Николаевича, которая называлась "Христос в пустыне". <…> Словом, картина его поразила… Неизвестно, как именно они объяснились при встрече, но 23 февраля 1874 года Крамской радостно сообщил в Москву: "Портрет И.А. Гончарова имеет большое вероятие быть написанным мною"».

До визита Н.Е. Дронникова в Россию переписка с сотрудниками велась около 10 лет: с 1991 по 2001 год. Сегодня письма художника хранятся в архиве Музея Гончарова. Согласно справочной информации, размещённой на сайте Национальной библиотеки Чувашской Республики, Н.Е. Дронников «в России стал выставляться с 2000 г.»: «Первая персональная выставка, приуроченная к 70-летию художника и организованная его другом, народным поэтом Чувашии Г. Айги, прошла в Чувашском государственном художественном музее (г. Чебоксары), а вторая – в 2001 г. – в г. Ульяновске».

Н.Е. Дронников и Ю.М. Алексеева. Ульяновск, 2001 г. УОКМ

Экспозиция была представлена в Литературном музее «Дом Языковых» в рамках фестиваля «Ульяновск – культурная столица Приволжского федерального округа-2001». На выставке, получившей название «Живопись. Графика. Книги», демонстрировались живописные и графические произведения художника, материалы, связанные с потомками рода Гончаровых во Франции.

Пребывание Н.Е. Дронникова на родине Гончарова, знакомство с музеем писателя и его сотрудниками, прогулки по высоким волжским берегам нашли творческое отражение в целой серии различного рода интерпретаций увиденного в России: в графических работах, книжном искусстве, поэтических экспериментах. В фондах краеведческого музея хранится переданный художником комплект открыток «Обрыв», датированный 2001 годом и созданный в Париже по мотивам путевых впечатлений автора.

Н.Е. Дронников. Обложка комплекта открыток «Обрыв». Бумага, типографская печать. Париж, 2001. УОКМ

Самиздатовская серия «Обрыв» включает в себя цветную обложку и 21 графическую работу. Размер открыток: 14,5х11 см. Акварельная обложка с названием серии выполнена в традиционных для искусства данного автора цветах – белом, голубом, синем и коричневом. Это отметил ещё искусствовед В.М. Рожнятовский: «По признанию Дронникова, два "знаковых" для его творчества цвета – это голубой и коричневый: тёплый и холодный, как два мира или две жизни». В цветовом композиционном построении заглавного рисунка отразилась излюбленная манера художника, когда «передать всё нужно в один миг». «Когда любое движение, касание связано с тем ощущением целого, которое удерживает весь образ», – заметил в свою очередь доктор искусствоведения С.М. Даниэль. Размытая форма то ли плывущего облака в голубом пространстве над синей толщей волжской воды, то ли до синевы тёмной растительности обрыва на фоне уходящей вдаль, сливающейся с небом Волги – всё те же бесконечные движения, динамика, сиюминутная смена образов и настроений, воплотившиеся на обложке серии.

Н.Е. Дронников. «Обрыв Гончарова». Бумага, типографская печать. Париж, 2001. УОКМ

Постоянная работа художника со шрифтом, классическим печатным, перемежаемым авторскими надписями, роднит комплект открыток с иллюстрированной книгой. «Дронников задействует слово как изобразительный элемент, – продолжает В.М. Рожнятовский. – <…> прямо по фону вдруг возникают сопроводительные надписи – не бросающиеся в глаза, но создающие микромир картины. В результате проявления такой почти детской непосредственности в построении композиции фон становится многослойным, достигается перспективная глубина. <…> Еще одним постоянным знаковым включением выступает подпись художника, или чаще монограмма автора – "ДК". Особенно монограмма – автор задействует её и как цветовое пятно в композиции, и как компонующую деталь в объёмном построении».

Н.Е. Дронников. «Киндяковка». Бумага, типографская печать. Париж, 2001. УОКМ

Гончаровская беседка, крутизна волжского берега, знаменитая Киндяковка-Винновка – хорошо знакомые каждому жителю города архитектурно-природные объекты, прототипичные топонимике романа «Обрыв»[2], – схвачены художником с поразительной быстротой, переданы несколькими изогнутыми линиями в максимально упрощённых формах. «Выписывание» образов, тщательная детализация здесь противоречат единству замысла всей серии – передать неуловимую изменчивость, сиюминутность бытия, неповторимую красоту отдельно взятого момента.

Н.Е. Дронников. «Симбирск». Бумага, типографская печать. Париж, 2001. УОКМ

Открытки с авторскими наименованиями «Симбирск», «Киндяковка», «Винновка» создают ощущение скученности, убористости пространства за счёт изображения

прилепившихся один к другому домиков. Но согбенная одинокая фигура, царственно возвышающаяся ель, линия обрыва или рябая поверхность воды добавляют воздуха, движения, простора. Как тут не вспомнить зрелые «душные» наблюдения Райского в гончаровском «Обрыве»: «Он с пристрастным чувством, пробужденным старыми, почти детскими воспоминаниями, смотрел на эту кучу разнохарактерных домов, домиков, лачужек, сбившихся в кучу или разбросанных по высотам и по ямам, ползущих по окраинам оврага, спустившихся на дно его, домиков с балконами, с маркизами, с бельведерами, с пристройками, надстройками, с венецианскими окошками или едва заметными щелями вместо окон, с голубятнями, скворечниками, с пустыми, заросшими травой дворами». Но перед Борисом встают и иные картины, смягчённые нежными впечатлениями юности: «Волга задумчиво текла в берегах, заросшая островами, кустами, покрытая мелями. Вдали желтели песчаные бока гор, а на них синел лес; кое-где белел парус да чайки, плавно махая крыльями, опускаясь на воду, едва касались ее и кругами поднимались опять вверх, а над садами высоко и медленно плавал коршун. Борис уже не смотрел перед собой, а чутко замечал, как картина эта повторяется у него в голове; как там расположились горы, попала ли туда вон та избушка, из которой валил дым; поверял и видел, что и мели там, и паруса белеют. Он долго стоял и, закрыв глаза, переносился в детство, помнил, что подле него сиживала мать, вспоминал её лицо и задумчивое сияние глаз, когда она глядела на картину… Он пошёл тихонько домой, стал карабкаться на обрыв, а картина как будто зашла вперёд его и легла перед глазами». Малиновские впечатления художника Райского не диссонируют с симбирскими видами художника Дронникова, а являются как будто их молниеносным отражением на бумаге.

Силуэты местных обитателей, в основном стариков и старух, схвачены в моменты их насущной деятельности. «…художник пишет с натуры, отсекает лишнее ради особенностей: даже не черт лица или фигуры, но скорее – повадки изображаемого», – подтверждает В.М. Рожнятовский. Массивность фигур и нарочитость явленных поз на удивление органично вписываются в местный пейзаж, сопрягая человека то с природными объектами, то с деревенскими застройками.

Н.Е. Дронников. «Инза». Бумага, типографская печать. Париж, 2001. УОКМ

А вот прохожий поворачивает голову – и художник схватывает тонкие, резкие черты лица, колкость и тревожность взгляда. Данная открытка завершает серию «Обрыв». И этот взгляд, будто брошенный назад, к тем событиям и впечатлениям, позволившим создать серию волжских набросков, не является ли запечатлённым взглядом самого автора?

Места и люди, любовно зарисованные, разбросанные по открыткам комплекта с символическим наименованием «Обрыв», для Н.Е. Дронникова оказались навсегда связанными с именем великого симбирянина и его малой родиной. Неслучайно в письме сотрудникам музея от 10 сентября 2001 года, предваряющем приезд художника в Ульяновск, он благодарно замечает: «Поклониться с обрыва Волге Гончарова – это Ваша заслуга».

Ирина Маршалова,
кандидат филологических наук,
заведующая сектором научной работы
Историко-мемориального центра-музея
И.А. Гончарова

[1] «Дольше всего продолжались поиски потомков по линии брата романиста. Было известно, что единственная внучка Николая Гончарова, Елизавета Александровна, в 1907 году вышла замуж за француза Поля Симона и уехала жить во Францию. Юлия Михайловна обращалась в советское посольство этой страны с просьбой помочь найти потомков Елизаветы и Поля Симонов, направляла статьи в русские газеты Франции, но не было никаких результатов. Летом 1991 года музей Гончарова посетил потомок симбирских дворян Мещерских, живущий во Франции. Юлия Михайловна обратилась к нему с просьбой помочь найти Симонов. Мещерский разместил объявление в парижской газете для русских эмигрантов, и… на объявление откликнулся Николай Дронников, русский художник, живущий во Франции. Он сообщил адрес Кристиан Симон, дочери своего друга Саша Симона. Завязалась активная переписка Симонов и Julie, как они называли Юлию Михайловну. В июне 1992 года Поль, Изабель, Элизабет и Клер Симон впервые приехали в Ульяновск на празднование 180-летнего юбилея писателя. Это была волнующая и незабываемая встреча. Симоны стали большими друзьями не только Музея, но и многих ульяновцев. А фонды музея И.А. Гончарова теперь располагают большой коллекцией документов, фотографий и личных вещей представителей этой семьи». – *Наталья Михайлова*. Она разыскала потомков семьи Гончаровых. URL: https://ulpressa.ru/2015/12/18/ona-razyiskala-potomkov-semi-goncharovyih/

[2] «Когда роман “Обрыв” вышел в печати, современники узнали в имении Бориса Райского Малиновке имение симбирских дворян Киндяковых. “Киндяковский” материал, симбирские мотивы и образы действительно ощущаются в романе. В роман вошли роща, сад, пруды, оранжерея, дома Киндяковых, деревня Винновка, названная Малиновкой. Симбирск же обозначен Гончаровым как город С. <…> О том, что Гончаров в “Обрыве” описал Киндяковку, было известно и за пределами Симбирска. Об этом упоминал Н.А. Державин: «Местность, связываемая с гончаровским “Обрывом”, находится в полутора верстах от города и известна у симбирских жителей под названием Киндяковки, полученным ею от фамилии прежних её владельцев. Перси-Френч заботливо сохраняет рощу, парк, усадьбу и обрыв к Волге в том виде, в каком все это было во время посещения Киндяковки Гончаровым и в каком всё это изображено им в своем бессмертном романе». – Виртуальная выставка «По симбирским местам “Обрыва”». URL: http://www.uokm.ru/obryv/besedka.html

В литературном краеведении города 2022 год проходит под знаком 210-летнего юбилея автора «Обломова» и «Обрыва» и 200-летия создателя повестей «Деревня» и «Гуттаперчевый мальчик».

Гончаров и Григорович: при всей разнице характеров...

Иван Александрович Гончаров и Дмитрий Васильевич Григорович – современники, уроженцы Симбирского края. Представим этих писателей словами, которые характеризуют отношение каждого из них к своему призванию. В 1859 году Гончаров писал И.С. Тургеневу: «Я откровенно люблю литературу, и если бывал чем **счастлив** в жизни, так **это** своим **призванием»**.

Д.В. Григорович также признавался: «Я всегда с чувством глубочайшей благодарности обращаюсь к Промыслу, направившему меня с юности к литературным занятиям. Любовь к литературе была моим ангелом-хранителем; она приучила меня к труду, она часто служила мне лучше рассудка, предостерегая меня от опасных увлечений; ей одной, наконец, обязан я долей истинного счастья, испытанного мною в жизни...».

Широко известна групповая фотография писателей авторов журнала «Современник», созданная фотографом Сергеем Левицким в 1856 году. На ней запечатлены молодой Лев Толстой в военном мундире, недавно вернувшийся с Крымской войны, также выдающийся драматург Александр Островский, ещё без бороды, рядом с ним сидит беллетрист Александр Дружинин, а следом – два великих Ивана: Тургенев и Гончаров. В центре стоит писатель Дмитрий Григорович. Все молоды, полны планов, у каждого впереди большая творческая жизнь. И каждый внесёт свой вклад в создание великого явления мировой культуры – русской классической литературы. Гончаров писал в своей «Необыкновенной истории» об атмосфере ожидания перемен, сложившейся в России в это время: «В начале 1855-го года, именно в феврале, я вернулся через Сибирь в Петербург. Там я застал весь литературный кружок в сборе... Говорили много, спорили о литературе, обедали шумно, весело – словом, было хорошо».

На фотографии Левицкого Гончаров скромно сидит с краю, чуть позади Тургенева. В это время он автор только одного крупного произведения – романа «Обыкновенная история» и «увертюры ко всему роману», по словам самого автора, главы ещё не написанного «Обломова» – «Сон Обломова».

Дмитрий Григорович в момент создания снимка находится в зените славы, он уже создал свои самые известные произведения «Деревня» и «Антон Горемыка», которые открыли новую тему в русской литературе. Музыкальный критик Юрий Карлович Арнольди оставил такие впечатления от встречи с ним: «Высокий, стройный брюнет, с красивым, открытым, прямо все высказывающим лицом, и с теплым взглядом, соответствующим душевной улыбке антично очерченных губ».

Гончаров и Григорович на протяжении почти всей своей литературной деятельности близко общались друг с другом. Но сразу следует отметить – между ними не было тёплых дружеских отношений. Об этом свидетельствуют страницы «Литературных воспоминаний» Григоровича, посвящённые Ивану Александровичу, которые писались в 1892–1893 годах. В них освещена литературная жизнь 1840–50-х годов. Приведём небольшой отрывок из «Воспоминаний»: «В безусловном поклонении произведениям Гончарова скрывается доля какого-то непонятного лицемерия – боязнь смело высказывать своё мнение. Сколько раз случалось мне говорить с приверженцами Гончарова и просить их откровенно сказать, много ли раз перечитывали они от начала до конца «Обыкновенную историю» и «Обрыв»; большая часть призна-

Дом-памятник И.А. Гончарову на Венце

валась, что ни разу не перечитывала этих романов; другие признавались, что начинали перечитывать, но показалось как будто что-то скучновато… В результате изо всего написанного Гончаровым остаётся «Сон Обломова» – действительно прекрасное литературное произведение; но разве в сочинениях Толстого и Тургенева не найдется произведений настолько же прекрасных в литературном и художественном отношении?».

И.А. Гончаров не оставил подобных воспоминаний, хотя в очерках, написанных в 1870–1880-е годы, обращался к осмыслению литературного процесса, участником которого он был. По природе своего таланта, склонного к типизации и обобщению, Иван Александрович не даёт портретных характеристик писателей своих современников, а представляет литературный процесс, отдавая должное каждому писателю. Д.В. Григоровичу он определил важное и достойное место в истории русской литературы середины XIX века. В своих очерках он пишет: «Тургенев в «Записках охотника», Григорович в «Бобыле» и «Антоне Горемыке»… почин правдивого воспроизведения народной жизни в искусстве принадлежит этим художникам, и данные ими образцы останутся навсегда в истории литературы». (Очерк «Предисловие к роману «Обрыв»). В другом очерке: «Тургенев («Записки охотника»), Писемский, Григорович обессмертили нравы русского крепостного крестьянина…» (Очерк «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв»). И даже в частном письме к П.М. Третьякову от 5 (17) октября 1870 по поводу создания своего портрета для галереи Гончаров не забывает упомянуть Григоровича: «Кажется, я Вам писал, но повторюсь опять, что во всей литературной плеяде, от Белинского, Тургенева, графов Льва и Алексея Толстых, Островского, Писемского, Григоровича, Некрасова, может быть, и я имею некоторую долю значения, но, взятый отдельно и в оригинале, и на портрете, я буду представлять неважную картину».

Справедливости ради следует отметить, что оба писателя вращались в одном кругу, участвовали в литературных чтениях, заседаниях, званых обедах. Но в памяти мемуаристов не осталось ни одной конфликтной ситуации между ними.

В «Необыкновенной истории», над которой Гончаров работал во второй половине 1870-х годов, объясняя атмосферу литературного кружка, он писал: «Мне казалось, и я потом убедился в этом, что одна литература бессильна связать людей искренно между собою, но что она скорее способна разделять их друг с другом. Во всех сношениях членов кружка было много товарищества, это правда, размена идей, обработка понятий и вкуса. Но тут же пристальное изучение друг друга – много и отравляло искренность отношений и вредило дружбе».

Остановимся несколько подробнее на становлении Дмитрия Григоровича как писателя. Его первичным образованием занимались мать Сидония Петровна (родная сестра Камиллы Ле-Дантю) и бабушка Мари Ле-Дантю (бывшая гувернантка дочерей генерала Ивашева), разговаривая с ним только по-французски. Григорович вспоминал впоследствии: «Пяти лет бабушка посадила меня за книжку. Книжка эта была французская азбука, присланная из Парижа». В 1858–1859 годах длительное путешествие по России предпринял Александр Дюма-отец, а затем издал книгу «Впечатления от поездки в Россию» где с большой теплотой описал встречи с Григоровичем и их сотрудничество. Они вместе побывали в Петергофе и Ораниенбауме. Григорович увлёк французского коллегу рассказами о творчестве Пушкина, Полежаева, Лажечникова, Крылова, познакомил с Некрасовым и Панаевым. С помощью Григоровича Дюма переводил на французский язык стихи Пушкина, Вяземского, Некрасова, а также роман И.И. Лажечникова «Ледяной дом». Дмитрий Васильевич получил любезное приглашение Дюма побывать у него в Париже. В книге «Корабль “Ретвизан”» Григорович подробно описывает путешествие в Париж, встречу с Дюма, оригинальный дом и замок писателя, встречи и беседы с Дюма-сыном.

Первым фактором становления русской личности Дмитрия Васильевича стало окружение и общение с простым русским народом от пожилого и мудрого Николая, камердинера отца, до игр с деревенскими ребятишками. Григорович так писал об этом в «Литературных воспоминаниях»: «До восьми лет в моих руках не было ни одной русской книги; русскому языку выучился я от дворовых, крестьян и больше от старого отцовского камердинера Николая. Он любил меня, …как будто отец мой, перед памятью которого он благоговел, завещал ему утешать меня, любить и ласкать. О нём можно сказать то же, что Филарет (Патриарх Московский и всея Руси, XVII в.) говорил о русском народе: в нём свету мало, но теплоты много. По целым часам караулил он, когда меня пустят гулять, брал на руки, водил по полям и рощам, рассказывал разные приключения и сказки… за весь холод и одиночество моей детской жизни я отогревался только, когда был с Николаем. Когда было решено везти меня в Москву и наступила минута расставанья с Николаем, я, как исступленный, с криком бросился к нему на шею, истерически рыдал и так крепко обхватил его руками, что пришлось силой меня оторвать».

Судьба постоянно сводила Григоровича с людьми, увлечёнными литературным трудом. Он признавался, что к занятию литературой привлёк его пример Некрасова: «Пример молодого литератора, жившего исключительно своим трудом, действовал возбудительно на моё воображение».

В неполные 23 года Григорович берётся за большую повесть «Деревня» и в конце 1846 года печатает её в «Отечественных записках». Повесть сразу дала Григоровичу литературное имя, а в 1847 году в «Современнике» публикуется знаменитый «Антон Горемыка». В начале 1860-х годов

литературная деятельность Григоровича почти прекращается, начинается новый этап в его жизни. Он становится секретарём «Общества поощрения художеств» и поднимает музейное дело в России. В 1867 году Дмитрия Васильевича назначили художественным экспертом русского отдела на Всемирной Парижской выставке. В 1868 году избрали почётным членом Академии художеств. В 1888 году он уже член-корреспондент Петербургской Академии наук. В 1890-е годы Григорович был председателем петербургского Театрально-литературного комитета. В середине 1880-х годов он снова берётся за перо и пишет повести «Гутаперчевый мальчик», «Акробаты благотворительности». Повесть «Гуттаперчевый мальчик» (1883) о несчастном жребии маленького акробата-сироты была воспринята критикой как «маленький шедевр» и вошла в классику русской детской литературы.

Гончаров и Григорович, при всей разнице характеров, темперамента, имели в жизни то общее, что определялось временем и сложившимся укладом. Каждый рано потерял отца (Иван Александрович в 7 лет, Дмитрий Васильевич в 8 лет), они, как и многие в то время, ещё совсем детьми покинули родной дом и получали образование в казённых учреждениях. В каждом было непреодолимое стремление к творчеству. И Гончаров, и Григорович из-за сложившихся жизненных обстоятельств вынуждены были служить и достигли высоких чинов: Гончаров вышел в отставку действительным статским советником, членом Государственного совета по делам печати. Д.В. Григорович стал кавалером ордена Святого Станислава I степени, почётного в Российской империи, за многолетнюю службу секретарём «Общества поощрения художеств». Кавалеры этого ордена приравнивались к чину действительного статского советника. Гончаров и Григорович были членами Русского географического общества, созданного в 1845 году.

Вдохновлённый путешествием И.А. Гончарова в Японию в составе русской дипломатической миссии под руководством Е.В. Путятина и книгой очерков-путешествия «Фрегат “Паллада”», военно-морской министр великий князь Константин Николаевич обратился к русским писателям с предложением принять участие в заграничных походах кораблей с тем, чтобы оставить затем летопись этих походов. Среди немногих писателей на призыв военно-морского министра откликнулся Д.В. Григорович. В 1858–1859 годах он совершил путешествие вокруг Европы и описал его в ряде очерков, носящих общее заглавие «Корабль “Ретвизан”».

Гончаров и Григорович состояли в жюри по присуждению Грибоедовской премии лучшей в сезоне пьесе, поставленной императорскими или частными театрами в Петербурге и Москве. Премию вручали 30 января (11 февраля по новому стилю) – в день гибели Александра Грибоедова. Впервые она была вручена в 1883 году А.Н. Островскому за пьесу «Красавец-мужчина». По поводу этого вручения И.А. Гончаров не согласился с мнением Д.В. Григоровича и А.Н. Пыпина, чтобы в этом году не присуждать премию никому. Гончаров полагал, что она может быть присуждена А.Н. Островскому. В результате Григорович согласился с Гончаровым.

Несомненно, большой интерес Гончарова вызывало родство Дмитрия Васильевича с Камиллой Ле-Дантю. Мать Григоровича Сидония (урождённая Вермон) была сводной сестрой Камиллы Ле-Дантю. Романтическая история любви юной Камиллы, дочери гувернантки в доме генерала П.Н. Ивашева, к сыну генерала, кавалергадскому ротмистру Василию Ивашеву была знакома Гончарову с юношеских лет. Ивашевы имели свой дом в Симбирске и подолгу жили в нём. После разгрома восстания декабристов, в 1831 году Камилла уехала в Сибирь и вышла замуж за ставшего каторжанином Василия Петровича. Забегая вперёд, стоит отметить, что деятельная бабушка-француженка Мария-Сесиль после смерти своей дочери, а вслед за ней и зятя, в 1841 году привезла из Сибири по разрешению государя своих троих внуков, детей декабриста: Марию, Веру и Петра. И.А. Гончаров коротко пересказал эту романтическую историю в черновом варианте рукописи очерка «На родине»: «В С. [Симбирске] проживал отставной генерал И. [П.Н. Ивашев], сын которого, гвардейский капитан был серьёзно замешан в заговоре декабристов и сослан на каторгу в Сибирь. Тут был и роман. К нему в ссылку вызвалась ехать любившая его в тайне гувернантка в доме отца, дотоле не смевшая мечтать о браке с сыном богатого семейства. Предложение её было принято. Она отправилась и вышла за молодого И. замуж. Рассказывают, что, приехав на место и увидев жениха в арестантском костюме вместо блестящего мундира, она упала в обморок».

Судьбу Камиллы Ле-Дантю и других жён декабристов, которыми Гончаров восхищался, он хотел отразить в первоначальном сюжете своего последнего романа. В очерке «Необыкновенная история», восстанавливая историю замысла романа «Обрыв», писатель отмечал: «Вместо нигилиста Волохова, каким он вышел в печати, у меня тогда был намечен в романе сосланный под надзор полиции, *по неблагонадежности*, вольнодумец… Потом, по первоначальному плану, Вера, увлекшись Волоховым, уехала с ним в Сибирь…»

Покинув Симбирск двадцатитрёхлетним юношей, Гончаров до конца жизни остался неразлучен с родным городом, где прошло его детство, куда он неизменно приезжал на каникулы московским студентом и позже, уже известным писателем. В Симбирске Гончаров работал над первой частью «Обломова», задумал роман «Обрыв», работал над ним в свой последний приезд, в 1862 году. Очерки последних лет «Поездка по Волге», «Уха» родились на основе симбирских впечатлений писателя.

В 1870-е годы Гончаров писал: «Я сам и среда, в которой я родился, воспитывался, жил – и всё это помимо моего сознания само собой отразилось силой рефлексии у меня в воображении».

Следует признать: взаимоотношения писателей-современников имеют особую важность. Они воссоздают живой облик писателя-художника и дают возможность представить духовно-интеллектуальный климат времени и панораму литературной жизни России XIX века.

Антонина Лобкарёва,
ст. научный сотрудник
Историко-мемориального центра-музея
И.А. Гончарова

Гончаров и Франция

Обратившись к теме «Гончаров и Франция», можно найти немало интересных пересечений, связей, позволяющих вспомнить важные события в жизни писателя.
Сам Гончаров в автобиографиях и воспоминаниях не раз отмечал, что с детства был знаком с французской литературой, знал язык, читал по-французски, переводил.

И.А. Гончаров. Фото С.Л. Левицкого. 1856

Первоначальное образование будущий писатель получил в небольшом частном пансионе в селе Архангельском Ставропольского уезда Симбирской губернии. Содержал его сельский священник Фёдор Степанович Троицкий, женатый на иностранке. Она-то и положила основу изучению Гончаровым французского и немецкого языков. Здесь, пишет романист, «под рукой была разрозненная небольшая библиотека» – «невообразимая смесь, прилежно читавшаяся, почти выученная наизусть». Среди произведений иностранных авторов Гончаров называет Расина, Вольтера, Руссо, «Саксонского разбойника» Ипполита Вожуа, а также романы модных тогда французских писательниц Коттен и Жанлис, по его словам, «в чудовищных переводах».

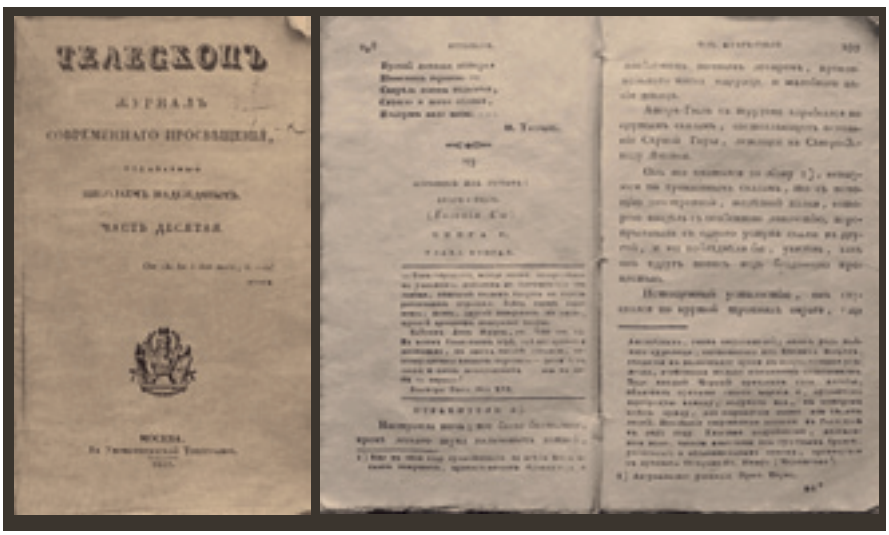
В десять лет Гончаров был отправлен в Москву для обучения в Императорском коммерческом училище. Оно оставило тяжкий след в жизни романиста, но здесь была довольно обширная библиотека, где среди прочих Гончаров читал отдельные тома Вольтера, «Элоизу» Руссо. В последние годы в училище зачитывался произведениями французских беллетристов господствовавшей тогда школы – Виктора Гюго, Жюля Жанена, Александра Дюма, Эжена Сю, которых читал в подлиннике. Это чтение «без системы», «без руководства» получило надлежащее направление в годы учёбы на словесном отделении Московского университета, благодаря историческому и критическому изучению отечественной и иностранной литератур.

Интересное свидетельство увлечения Гончарова французскими авторами в университетские годы мы находим на страницах его очерка «На родине». Вспоминая о своём крёстном отце, Николае Николаевиче Трегубове, писатель замечает, как, будучи студентами, проезжая домой на каникулы, они с братом сворачивали вёрст пятнадцать в сторону с большой дороги на Симбирск, чтобы заехать к близкому знакомому крёстного, в очерке – Фёдору Петровичу Козыреву. «У него была прелестная усадьба, – пишет Гончаров, – то есть собственно господский дом, окружённый обширным садом, во вкусе времен Людовика XIV, с стрижеными аллеями, каскадами, беседками, нимфами и другими затеями, конечно в миниатюре, впрочем, значительно запущенный и заброшенный. Более всего занимала меня большая библиотека – всё французских книг. Козырев был поклонник Вольтера и всей школы энциклопедистов и сам смотрел маленьким Вольтером, острым, саркастическим… Дух скептицизма, отрицания светился в его насмешливых взглядах, улыбке и сверкал в речах. Беседой нашей с ним и братом служили французские писатели. Но он был так деликатен и осторожен с нами, юношами, что давал нам читать и сам читал с нами произведения французской поэзии, декламируя Расина, Корнеля и “Генриаду” Вольтера. О смысле и значении учения мыслителей-энциклопедистов он умалчивал».

В годы учёбы в Московском университете будущий писатель впервые публикуется. Его первым печатным литературным опытом становится перевод на русский язык с французского отрывка из популярного

Журнал «Телескоп». Ч. 10. 1832.

Перевод из романа Э. Сю «Атар-Гюль» – первая публикация И.А. Гончарова



ультраромантического романа Эжена Сю «Атар-Гюль». Перевод вышел в свет в 1832 году в журнале «Телескоп», издаваемом профессором университета Николаем Ивановичем Надеждиным. Гончарову на тот момент было 20 лет. Исследователи творчества романиста отмечают большую точность этого перевода, а некоторые внесённые в текст изменения связывают в том числе со стремлением сделать его более доступным для восприятия русским читателем, психологически усилить впечатление определенных моментов.

Интересно, что связь с ультраромантической французской литературой Гончаров обозначил в образе главного героя своего первого романа «Обыкновенная история». Определение «истинной дружбы и любви» юный Александр Адуев берёт из произведений новейших французских романистов – Эжена Сю и Густава Друино. А в своих собственных литературных опытах героем повести или драмы Александр «воображал не иначе как какого-нибудь корсара или великого поэта, артиста».

Окончив университет, в 1835 году Гончаров приезжает в Петербург, где поступает на службу переводчиком иностранной переписки в Департамент внешней торговли Министерства финансов. Вместе с тем (на это романист указывает в автобиографиях), он продолжал «всё свободное время заниматься и русскою и иностранными литературами <…> читал всё по-русски, по-немецки, по-французски и по-английски – и дополнял своё образование, переводил…» Вероятно, переводы Гончарова могут встретиться на страницах печатных журналов 1830–40-х годов или в рукописных журналах литературного кружка Майковых, завсегдатаем которого был будущий писатель. Однако атрибутировать их среди множества анонимных переводных отрывков тех лет крайне сложно.

В 1847 году Гончаров становится известным писателем. Выходит в свет его роман «Обыкновенная история» и рождается замысел «Обломова». Первое чтение всемирно известного романа «Обломов» связано с посещением Гончаровым Парижа летом 1857 года. Известно, что роман, замысел которого автор носил в голове десять лет, выплеснулся весь на бумагу во время его первого заграничного отпуска в австрийском курортном городе Мариенбаде (ныне Марианске-Лазне, Чехия). Роман писался как будто под чью-то диктовку с необыкновенной скоростью и был закончен практически полностью за семь недель. Неслучайно исследователи творчества Гончарова называют рождение «Обломова» «мариенбадским чудом».

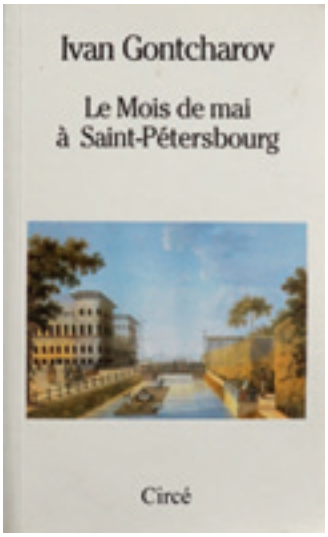
Выехав из Мариенбада 4 августа 1857 года через Франкфурт, Майнц и Кёльн, Гончаров едет в Париж. 17 августа он остановился в парижском отеле «Бразилия», где 19–20 августа впервые публично читал «Обломова» – по его словам, «необработанного, в глине, в сору, с подмостками, с валяющимися вокруг инструментами, со всякой дрянью». На чтении присутствовали Иван Тургенев, Афанасий Фет, Василий Боткин и другие. Тургенев тогда назвал «Обломова» «вещью отличной», а в скором письме к Некрасову отметил: «Есть длинноты, но вещь капитальная, и весьма было бы хорошо, если бы можно было приобрести его для “Современника”».

В письмах из заграницы Гончаров рассказывает и о своём пребывании в Париже, делится впечатлениями. Писатель тогда впервые посетил Лувр, где «с полчаса в удивлении просидел перед Венерой Милосской». Осмотрел всё, «что велят смотреть путешественнику»: Нотр-Дам-де-Пари и дворец Тюильри, Елисейские поля и Дом инвалидов, Ботанический сад и Булонский лес. «Но ещё с большей охотой», – пишет Гончаров, – проникал он «на собственном экипаже в старый Париж, за Сену, … на рынки, в лавочки, делая вёрст по семи в одну прогулку». В письме к Юнии Дмитриевне Ефремовой от 25 августа 1857 года Гончаров называет Париж городом «весёлым и нецеремонным» и добавляет: «Я бы жил в Париже, если б была какая-нибудь возможность заниматься, но об этом и думать нельзя: с утра тянет на улицу, смотреть, бегать, слушать – выйдешь и до полуночи не воротишься». Впоследствии Гончаров неоднократно бывал, ненадолго останавливаясь, в Париже во

И.А. Гончаров. «Обыкновенная история». Circe, 1998

И.А. Гончаров. «Обломов». L'Age d'Homme, 1988

И.А. Гончаров. «Май месяц в Петербурге». Circe, 1996.



И.А. Гончаров. «Фрегат “Паллада”». L'Age d'Homme, 1995

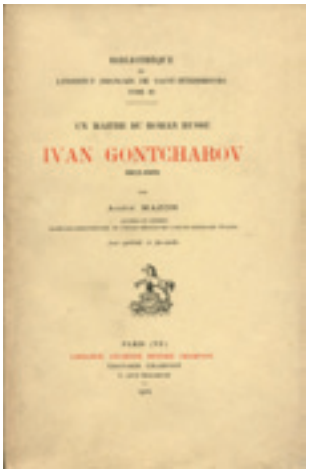
Дарственная надпись Жака Катто на книге

время своих летних заграничных отпусков.

Сам занимавшийся переводами, Гончаров, как известно, скептически и даже крайне отрицательно относился к переводам своих произведений на иностранные языки. В письме к Софье Александровне Никитенко от 4 июля 1868 года он заявлял: «Я терпеть не могу видеть себя переведённым». Между тем ещё при жизни автора отрывки из романов «Обломов», «Обрыв», а также полное издание «Обыкновенной истории» вышли в переводах и на французский язык. О реакции Гончарова на перевод «Обломова» в 1877 году писал Павел Васильевич Анненков: «Видел Гончарова… У него новая беда: какой-то господин перевел на французский язык “Обломова”, но только первую часть, говоря, что она лучшая, а остальные могут быть рассказаны, и рассказал действительно. Можете себе представить, что сделалось с автором?» Гончаров был возмущён в первую очередь произвольным сокращением текста. Итоги прижизненного изучения романиста во Франции подвёл в 1891 году французский критик и переводчик Теодор де Вызева. Он негативно оценил переводы «Обломова» и «Обрыва» (последний был охарактеризован в предисловии как авантюрный роман), выразил сомнение в том, что французский текст «Обыкновенной истории» может дать представление о достоинствах оригинала.

Свидетельством популярности наследия Гончарова во Франции являются переводы его произведений и их переиздания в XX и XXI веках. Кроме «Обломова», «Обыкновенной истории» и «Обрыва», на рубеже веков здесь были изданы малоизвестные «Лихая болесть» (1992), «Май месяц в Петербурге» (1996), «Нимфодора Ивановна» (2001). Среди наиболее качественных и полных переводов нужно назвать вышедшие в издательстве «L'Age d'Homme» «Обломов» (перевод Любы Юргенсон, 1988) и «Фрегат “Паллада”» (перевод Сюзан Рей-Лаба, 1995). Автором предисловий к обеим книгам выступил крупнейший французский специалист по славянским литературам Жак Катто. Заслуженный профессор Сорбонны в 2012 году посетил Ульяновск в рамках празднования 200-летия со дня рождения И.А. Гончарова, принял участие в работе V Международной научной гончаровской конференции.

Жан Бло. «Иван Гончаров или непостижимый реализм». СПб., 2004



А. Мазон. «Иван Гончаров – мастер русского романа». Париж, 1914

Первая монография о Гончарове «Иван Гончаров (1812–1891) – мастер русского романа» была издана во Франции в 1914 году. Её автор, известный сегодня французский славист Андре Мазон, посвятил Гончарову свою диссертацию. В 1986 году во Франции было издано одно из последних серьёзных исследований о Гончарове – монография Жана Бло «Иван Гончаров или непостижимый реализм». Жан Бло (настоящее имя Александр Блок) – французский писатель русского происхождения, доктор филологии и права, знаток творчества Гончарова, Набокова, Александра Блока. Он долгое время возглавлял французский и международный ПЕН-клуб. Благодаря его усилиям представительства ПЕН-клуба открылись в Москве и Санкт-Петербурге. В 2004 году книгу «Иван Гончаров или непостижимый реализм» перевели

Жан Бло на презентации своей книге о Гончарове в музее писателя. Ульяновск, 2004

на русский язык и представили в издательстве «Блиц» в Санкт-Петербурге. В том же году презентация книги состоялась в Музее И.А. Гончарова в Ульяновске при участии автора.

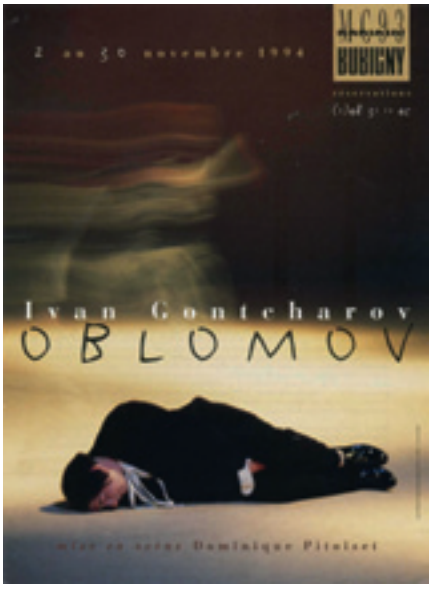
Большим другом Музея И.А. Гончарова является доктор филологических наук, заслуженный профессор университета Сорбонна Вероника Жобер. Будучи потомком симбирских дворянских родов Толстых, Воейковых, в 1996 году она приехала из Парижа в Ульяновск, чтобы побывать в местах, где жили её предки. В музее ей показали журнал «Голос минувшего» 1913 года. В нём были опубликованы письма романиста к женщине,

Вероника Жобер передаёт в дар музею портрет Е.В. Толстой. Ульяновск, 2017

в которую он был влюблён, – Елизавете Васильевне Толстой. С дочерью симбирских помещиков Толстых Гончаров познакомился в Петербурге и был очарован. Однако Елизавета не ответила на чувства писателя. В 1857 году она вышла замуж за своего двоюродного брата, офицера Александра Илларионовича Мусина-Пушкина. Именно тогда, после пережитой любовной драмы, Гончаров впервые едет за границу. И с ним происходит «мариенбадское чудо». Безусловно, одним из прототипов Ольги Ильинской в романе «Обломов» стала Елизавета Толстая. Гончаров пишет этот роман в Мариенбаде «во имя» её.

В письмах Иван Гончаров рассказал об истории портрета Елизаветы Васильевны Толстой. Его автор – художник Николай Аполлонович Майков. В 1855 году он написал портрет Елизаветы по единственному снимку, который сохранял у себя Гончаров. Увидев маленькую репродукцию этого портрета в представленном в музее журнале, Вероника Жобер узнала в нём семейную реликвию. По её словам, оригинал портрета висел в московской квартире её тети, известной писательницы Натальи Ильиной, умершей в 1994 году. В 1960-х вернувшаяся из эмиграции в Москву бабушка Вероники Жобер и мать Натальи Ильиной Екатерина Дмитриевна Воейкова, прогуливаясь по Арбату, увидела портрет в витрине одного из комиссионных магазинов и, выкупив, вернула его в семью. В 2017 году Вероника Жобер передала подлинный портрет Елизаветы Васильевны Толстой в дар Музею И.А. Гончарова в Ульяновке.

Интересна история театральных постановок по произведениям Гончарова во Франции. В центре, конечно, роман «Обломов». Причём именно Франция среди других представителей зарубежного театра первой обратилась к тексту знаменитого романа. В 1963 году впервые показанная в рамках конкурса молодых французских театров комедия Марселя Кювелье «Обломов» была затем поставлена в театре-студии на Елисейских полях и выдержала до 100 представлений. Автор рецензии на постановку в отечественном журнале «Театр» назвал этот спектакль «гвоздём» сезона: «молодой актёр, сценарист и режиссёр Марсель Кювелье <…>, сам играющий Обломова, создал



Афиша спектакля «Обломов» на сцене Центра искусств Бобиньи. Постановка Д. Питуазе. 1994

Сцена из спектакля «Обломов». Постановка М. Кювелье. 1963

спектакль честный и самого высокого качества. Это гораздо больше, чем просто комедия. <…> Духовная апатия, непреодолимая нравственная лень и равнодушие как страшная болезнь поражает обаятельного, умного, образованного человека, полного сил, и в конце концов приводит его к отрешению от жизни, к опустошению и нравственной гибели. Тема эта в талантливом исполнении Кювелье … прозвучала драматично и вызвала глубокие раздумья аудитории. Рецензент “Леттр франсэз” писал, что если в начале пьеса вызывает смех, то смех этот “горько застывает на губах… и люди уходят из театра печальные и задумавшиеся”».

Огромный успех у французской публики имел спектакль «Обломов», поставленный в 1994 году на сцене Центра искусств Бобиньи и совершивший целый тур по Франции. Рецензируя постановку Доминика Питуазе, французские критики признали в «Обломове» произведение вечное, неисчерпаемое, а в главном герое романа – мифологического персонажа, соединяющего в себе и пороки общества (сонливость целого социального класса), и – очарование, когда тот же герой обезоруживает мягкостью, верностью идеалу детства, мечтой о счастье, глубокими переживаниями. Удачной работой критики назвали роль Обломова в исполнении Эрве Пьера. По их мнению, актёр не просто рассказал на сцене о проблемах молодого человека, чувствующего себя не приспособленным к лихорадочной и искусственной жизни столицы, уставшего играть чужую роль, он сумел передать на сцене «впечатление силы, нечто вроде физической насыщенности <…> даже если он в позе эмбриона лежит на полу в глубине сцены, или в ожидании своей возлюбленной стоит на авансцене спиной к публике».

Наконец в 2013 году «Обломова» поставили в «Комеди-франсез», старейшем французском театре. Режиссер-постановщик – Володя Серр, молодой французский режиссер, известный и нашему зрителю. В 2010-м в рамках Года Франции в России он представлял в Москве свой спектакль «Три сестры» по Чехову. Роль Обломова в спектакле сыграл Гийом Гальенн – французский актёр, сценарист, режиссёр и продюсер. Обращаясь к образу Обломова, Володя Серр поставил перед зрителем тревожащие современное общество вопросы. Должна ли идея прогресса быть двигателем нашей цивилизации? Почему система Штольца с её неограниченным

Гийом Гальенн в роли Обломова. Постановка В. Серр. 2013

ростом и фальшивой активностью переживает сегодня глубокий кризис? Как создавать будущее, не оборачиваясь спиной к прошлому?

В 2017 году спектакль Володи Серр был экранизирован. Гийом Гальенн, сыгравший Обломова и в телевизионной версии, выступил ещё и режиссером фильма. Оттолкнувшись от идеи о том, что Обломов живёт постоянно в мире грёз и считает вымысел интереснее реальности, в голове его беспрестанно идёт какое-то кино, авторы постановки решили поселить его не в положенном по статусу имении, а в заброшенном кинотеатре. Для показа Обломовки и сцен из «Сна Обломова» в фильм включили фрагменты русской экранизации – «Несколько дней из жизни И.И. Обломова» режиссёра Никиты Михалкова.

Другой пример восприятия «Обломова» в современном мире представил французский художник-график Мартэн ле Шевалье. Начиная с 1996 года он занимается исследованиями вокруг общественных и политических вопросов, изучает глубинную человеческую драму бытия. В своих работах Шевалье использует видео, фото, звук, живопись, графику. В 2001 году художник снял интерактивный фильм-игру «Обломов», сопоставив неподвижность главного героя и нетерпение зрителя. Нажатием специально выведенной рядом с экраном кнопки зритель побуждает современного Обломова к действию, но ускорить его движение или направить в другую сторону он не в силах. Герой настойчиво следует своему сценарию и темпу жизни. В 2005 году Мартэн ле Шевалье презентовал свой фильм-игру «Обломов» на родине Гончарова, в музее писателя.

Нельзя обойти вниманием родственные связи Гончарова с Францией. Речь идёт о последующих поколениях семьи – потомках по линии старшего брата писателя Николая. Его единственная внучка (внучатая племянница И.А. Гончарова) училась во Франции в университете Нанси и в 1907 году вышла замуж за профессора математики Поля Симона. В наши дни во Франции живут многочисленные потомки их сыновей: Александра, Луи, Бориса и Романа. Симоны – талантливые, творческие люди.

Александр, или Сашà Симон – журналист, писатель, художник, автор более десяти книг, восемь из которых

Дочери Луи Симона: Мари-Элен, Клер и Элизабет – передают материалы из семейных архивов. Ульяновск, 2007

посвящены России. Он присутствовал на Нюрнбергском процессе, был одним из восьми журналистов мира, допущенных на казнь нацистских преступников. В 1950–60-е годы был корреспондентом газеты «Фигаро» в Москве. В 1969 году Саша удостоили высшей награды Французской Республики – ордена Почётного Легиона.

Луи Симон – поэт, артист, театральный художник, драматург. Большую часть своей творческой деятельности он связал с молодёжными организациями Франции. В 1940-е годы возглавлял журнал «Скаут» и руководил секцией мастерства экспрессии Ассоциации скаутов Франции. В 1950-е основал театр «Бонжур». Луи – автор театральных пьес и текстов песен для молодёжи. В 1960-70-е годы он руководил службами мультипликации, рекламы и декораций в разных рекламных агентствах и центрах Франции.

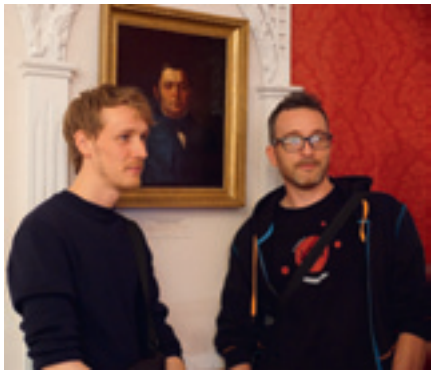
Борис Симон – художник, писатель, журналист, переводчик. Автор пяти книг, самая известная из которых – «Тряпичники из Эммаюса» была переведена на восемнадцать языков и экранизирована. Борис – постоянный участник выставок во Франции, Югославии, Италии, США. Его художественный талант был отмечен многими наградами.

Младший из братьев Роман Симон – художник, известный иллюстратор детских книг. Его сын Жан-Мари Симон, проживающий сегодня во Франции, – также талантливый художник-акварелист.

Сотрудники Музея И.А. Гончарова познакомились с потомками брата писателя в 1991 году. «Открыл» французских потомков Гончаровых музейщикам Николай Егорович Дронников – русский художник, эмигрировавший во Францию и живший в Париже. Он передал в музей материалы о своём друге Саша Симоне, по просьбе сотрудников написал воспоминания о Саша и опубликовал их самиздатом в альбоме в 1995 году.

Впервые приехав на родину своих предков в 1992 году, дочь Бориса Симона Изабель сказала в одном из интервью: «Возвращая нам нашу историю, нашу семью, наших живых русских братьев и сестёр, вы возвращаете нам нашу жизнь, наше осознание самих себя и своей семьи, наше генетическое наследство, которое мы потеряли. Наше сердце билось по-русски, не зная, куда деться. Мы давно любили вас – вы не знали об этом. Вы давно искали нас – мы не знали об этом. Но никогда больше мы не будем чувствовать себя странниками. Мы теперь не одиноки».

С тех пор как связь с потомками Гончаровых из Франции была установлена, Симоны не раз приезжали в Ульяновск. За эти годы в музей были переданы десятки документов, фотографий, книг, вещей из семейных архивов.



Внуки Луи Симона: Сириль Харрисон и Николя Мартэн у портрета своего предка – Н.А. Гончарова. Ульяновск, 2017

В 2017 году на 205-летие романиста в Ульяновск впервые приехали молодые потомки Гончаровых-Симон, внуки Луи – Сириль Харрисон и Николя Мартэн. Последний в одном из интервью отметил: «Только здесь, на родине предков, я осознал всё величие наших корней. Очень надеюсь, что и мои дети будут приезжать в Ульяновск».

Елена Клевогина,
заведующая сектором
научно-экспозиционной работы
Историко-мемориального центра-музея
И.А. Гончарова

Н.И. Васильева во время прогулки на аллее Лихтенталер

12 июня празднует юбилей известный краевед и литератор Нина Ивановна Васильева, постоянный автор журнала «Мономах». Редакция журнала поздравляет Нину Ивановну с днем рождения и желает долгих лет жизни и плодотворной работы на благо малой родины. Представляем читателям материал Нины Васильевой, посвящённый райскому месту, которое служило творческому вдохновению русских классиков и особо было любимо Иваном Гончаровым. «Посетив впервые Баден-Баден в 2004 году, я занялась сбором материалов об этом городе, который, конечно, не оставил меня равнодушной ни к его истории, ни к красоте этих незабываемых мест», – написала в редакцию Нина Ивановна.

Баден-Баден – это райский уголок

Так писал о нём Василий Жуковский. Уже одно только название этого города пробуждает в каждом из нас неосознанное чувство прекрасного, связанного с новыми открытиями и приятными впечатлениями, которые способны оставить в памяти светлые воспоминания. Как говорил Н.М. Карамзин, «путешествие питательно для духа и сердца нашего».

«Недаром ещё у древних необходимым условием усовершенствованного воспитания считалось путешествие, – писал Иван Александрович Гончаров. – У нас оно сделалось роскошью и забавою. Пожалуй, без приготовления, да ещё без воображения, без наблюдательности, без идеи, путешествие, конечно, только забава. Но счастлив, кто может и забавляться такою благородною забавой, в которой нехотя чему-нибудь да научишься!» И не только научишься, но и пополнишь свои впечатления, которые непременно захочется выразить в письмах или дневниках. Давайте же посмотрим на прославленные места Баден-Бадена и его великолепные окрестности глазами тех, кто оставил свои воспоминания об «этом райском уголке».

«Вот уже четыре недели я нахожусь в одном из прекраснейших мест на земле! – писала императрица Елизавета Алексеевна (1779–1826), принцесса Баденская, супруга Александра I, в августе 1814 года. – Ландшафт может пленить даже тех, кто уже видел много очень красивых мест. Это моё второе пребывание: очень недолго мы были здесь ещё в июне месяце, но не хватит и целого года, чтобы по-настоящему узнать все красоты этой местности. Я была рада жить в

старом замке, все этажи которого украшены семейными портретами. Замок стоит на горе, а над нашими головами, на горе еще выше, видны руины другого замка. Это настоящая колыбель моей семьи, окруженная скалами и древними дубами! У наших ног, в долине, как в амфитеатре, лежит небольшой городок Баден, а мы плывем на парах его горячих источников и тех, которые создают для отдыхающего общества легкую жизнь».

Развалины старого замка

Баден-Баден издавна славился как один из лучших курортов Европы, привлекая представителей высших слоёв общества и людей, имеющих возможность насладиться красотой этих мест.

В 1814 году Баден-Баден стал местом посещения генералов, возвращающихся в Россию после Венского конгресса и окончательного разгрома Наполеона. Здесь побывали 16 генералов императорской гвардии в сопровождении своих адъютантов, среди которых был прославленный граф Михаил Богданович Барклай де Толли (1761–1818), получивший после взятия Парижа чин фельдмаршала. Был здесь и граф Михаил Андреевич Милорадович (1771–1825), который в дни Декабрьского восстания был смертельно ранен. Пребывал в этом городе в 1814 году и Павел Иванович Пестель (1793–1825), ставший впоследствии одним из руководителей восстания декабристов.

Кругом благоухает радость,
И средь улыбчивых картин
Зеленых рощей блещет младость
В виду развалин и седин.
П.А. Вяземский

Прочную славу и известность Баден-Бадену обеспечили русские писатели и поэты, известные деятели культуры и науки, постоянно проживая в нём или пребывая некоторое время в «летней резиденции Европы», и впоследствии оставив свои воспоминания об этих удивительных по своей красоте местах.

В 1827 году останавливается в Баден-Бадене **Василий Андреевич Жуковский** (1783–1852) вместе с господином статским советником Александром Ивановичем Тургеневым (1784–1845). Тогда Жуковский вряд ли предполагал, что последние годы своей жизни он проведёт вместе с семьей в Баден-Бадене, где завершит свой главный труд – перевод «Одиссеи» Гомера. «В 68 лет не до славы; но весело думать, – писал он, – что после меня останется на Руси твердый памятник, который между внуками сохранит обо мне доброе воспоминание». 15 февраля 1852 года он посылает из Баден-Бадена «милому Вяземскому» вместо письма текст новой элегии «Царскосельский лебедь». В ответ Пётр Андреевич с нежностью писал: «Ах ты, мой старый лебедь, пращур лебединый, да когда же твой голос состареется? Он всё свеж и звучен как прежде. Не грешно ли тебе дразнить меня своими песнями, меня, старую кукушку, которая день и ночь только все кукует тоску свою. Стихи твои прелесть… «Лебедь» твой чудно хорош».

Вяземский находился в Париже, предполагая встретиться со старым и верным другом, с которым они не виделись десять лет. Но встреча эта так и не состоялась. 12 апреля 1852 года отошел в жизнь вечную Василий Андреевич Жуковский. Умер он в замке «Palais Kleinmann», о чём напоминает небольшая мемориальная доска, установленная на этом здании, возле которого можно постоянно видеть почитателей его таланта. Жуковский был похоронен в Баден-Бадене, но уже в августе 1852 года его прах был перевезён в Александро-Невскую лавру Петербурга и погребён близ могилы своего наставника и друга Н.М. Карамзина.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) не раз бывал в Баден-Бадене. Оказавшись впервые здесь в 1836 году, он неожиданно встретил здесь свою «музу» – Александру Осиповну Россет-Смирнову (1809–1882). «Я живу теперь в знаменитом курорте Баден-Баден, – писал он своей матери 14 августа. – Хотел здесь остановиться на три дня, но уже три недели не могу вырваться отсюда. Встретил здесь достаточно много знакомых. Здесь нет никого, кто был бы серьезно болен. Все приезжают сюда, чтобы развлечься. Расположение города прекрасно. Магазины, курзал, театр – всё находится в саду. Почти никто не задерживается у себя в отеле, все сидят целый день за маленькими столиками под деревьями».

В мае 1844 года Жуковский писал Гоголю из Франкфурта-на-Майне, куда он только что переехал с семьей: «…вы же пока живите в Бадене; там хорошо: сторона Божия, народу для наблюдения довольно, уединение для работы есть, с ним и свобода; а впереди Франкфурт и работа наша совокупная».

В последние годы Гоголь неизменно пользовался добрым отношением Жуковского, его искренним желанием облегчить страдания писателя и оградить его от непонимания окружающих. Жуковский поддерживал Гоголя и материально. Узнав о его смерти, Жуковский писал в марте 1852 года П.А. Плетневу, что «для нашей литературы он потеря незаменяемая».

Князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878) впервые посетил Баден-Баден, так много значивший в его жизни, лишь в 1854 году. Этот город был связан для него с горестными и скорбными воспоминаниями. Здесь 22 ноября 1840 года умерла его восемнадцатилетняя дочь, Надежда Вяземская (1822–1840). Вера Фёдоровна, опасаясь за здоровье мужа, долго не могла сообщить в Россию о смерти Наденьки и вынуждена была просить об этом Жуковского. А Вяземский, продолжая надеяться и творить молитвы, писал в Баден-Баден нежные письма дочери. Оказавшись в Баден-Бадене, Вяземский «познакомился с могилою Наденьки и был в комнатах, где жил и скончался Жуковский». И когда вышел из дома, где жил и умер на Софиенштрассе его друг, появилась неожиданно мысль, воплотившаяся позднее в строки, которые окажутся пророческими:

Уж если умереть мне на чужбине,
Так лучше здесь,
в виду родных могил:
Здесь я нашел,
чем скорбь жила доныне,
Здесь я не раз заочно слезы лил.

10 ноября 1878 года закончилась земная жизнь поэта в отеле «Beausejour». На панихиде присутствовали все находившиеся в Баден-Бадене русские во главе с принцессой Марией Максимилиановной. Жена Вяземского Вера Фёдоровна чувствовала себя очень плохо, с трудом выстояла службу, но нашла в себе силы проводить поезд, который увозил в Россию гроб с телом мужа и прах Наденьки Вяземской, погребённой в Бадене 38 лет назад. Князя Петра Андреевича Вяземского похоронили недалеко от его ближайших друзей и наставников – Карамзина, Жуковского, Баратынского, Козлова, Крылова, Гнедича и Плетнева.

В 1886 году рядом с мужем и дочерью упокоилась и Вера Федоровна, дожившая до девяноста шести лет. Она тоже умерла в Баден-Бадене. На надгробном камне Вяземских – слова из Нагорной проповеди: «Блаженны милостивии, ибо те помилованы будут». И ещё надпись: «Господи, помилуй нас!»

Иван Александрович Гончаров (1812–1891) писал: «В Баден-Бадене… я провел несколько приятных дней, благодаря сообществу Тургенева и Боткина. Эти дни будут самыми приятными во всей моей поездке».

Воспоминания о впечатлениях во время пребывания в Баден-Бадене в 1866 году сохранились в письмах Гончарова к Ольге Алексеевне Новиковой (1840–1925). «Однако не побывать Вам в Баден-Бадене нельзя. Вы много потеряете, – писал Иван Александрович из Парижа 15/27 июля 1866 года. – Это – прелесть во всех отношениях. Вы найдёте бездну знакомых, отличный оркестр, театр, концерты – всё. И местность, а особенно воздух восхитительны. Только теперь

наступает баденский сезон – и Вы заранее дайте туда знать, чтобы Вам оставили комнаты в hotel deI Europe, или в hotel d'Angleterre или наконец в hotel de Russie, а то набьётся публики на скачки, и тогда можно встретить затруднение».

В небольшом отрывке письма Ивана Александровича Гончарова Баден-Баден предстает как город, в котором непременно надо побывать, чтобы насладиться чарующей прелестью летней столицы Европы, обещающий массу приятных впечатлений, встреч, новых знакомств. Тон этого письма показывает, что Иван Александрович, находясь в Бадене, пребывал в прекрасном настроении, наслаждаясь отдыхом в одном из самых благословенных мест Европы. Он охотно делится впечатлениями с Ольгой Алексеевной Новиковой, знакомство с которой относится к началу 1860-х годов. Интенсивность их переписки приходится на летние месяцы 1866 года, когда они одновременно оказались в Мариенбаде.

В мае 1866 года Гончаров, получив заграничный отпуск для лечения на четыре месяца, отправляется в путешествие, и уже 6 июня останавливается в полюбившемся ему Мариенбаде, где в 1857 году с удивительным вдохновением были им написаны страницы романа «Обломов». Оказалось, что в Мариенбаде находилась на отдыхе и Ольга Алексеевна. «Я ропщу и хохочу над собой, – пишет он 15/27 июня Тургеневу, – вместе с несколькими, живущими здесь соотечественниками и соотечественницами, между прочим и с Ольгой Алексеевной Новиковой, от которой я сегодня узнал, что Вы в Бадене. Она страстная Ваша поклонница, и я Вас с завистью с этим поздравляю». В письмах к Тургеневу Иван Александрович отзывается о ней как об умной и занимательной собеседнице, сообщая, что он с удовольствием встречается с нею и в хорошую погоду бывает даже болтлив.

Ольга Алексеевна Новикова (1840–1925), урождённая Киреева, писательница-публицист, переводчица. В 1860 году она вышла замуж за Ивана Петровича Новикова, генерал-лейтенанта, бывшего попечителя учебного округа в Москве, а с 1885 года – в Петербурге.

С 1876 года Ольга Алексеевна подолгу живёт в Лондоне. Обаяние «русской Лорелеи», как её называли в Англии, способствовало её авторитету среди выдающихся политических деятелей и журналистов. Благодаря Ольге Алексеевне в Европе сложилось «мнение о русских дамах, как превзошедших всех других своей интеллектуальностью и познаниями, – писал английский журналист В. Стэд, – искусно соблюдающих при том осторожность в отношениях с иностранцами, что должно делать их услугу неоценимой для отечества».

В своём салоне Ольга Алексеевна ведёт агитацию за англо-русское сближение, являясь фактически представителем политических интересов русского правительства. Премьер-министр Великобритании Биконсфильд Дизраэли имел все основания назвать Ольгу Алексеевну Новикову «депутатом от России в Англии». Эти слова о ней стали заглавием книги В. Стэда.

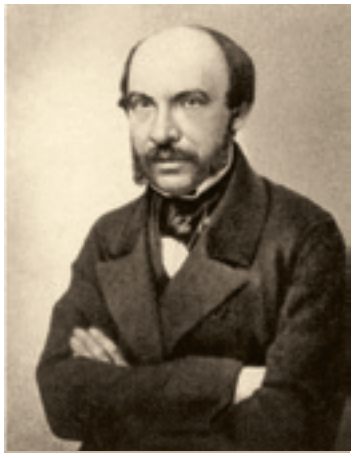
Ольга Алексеевна Новикова – автор нескольких книг и многих статей, посвящённых англо-русским отношениям. Характерна её запись в альбоме А.Ф. Онегина-Отто, создателя первого музея А.С. Пушкина в Париже, оставленная ею в 1911 году: «Англия – учит, как жить следует, Франция – как жить не следует; Россию же надо страстно любить, не смущаясь временным затмением её политического солнца».

Благодаря Ольге Алексеевне, сохранившей письма Гончарова, мы имеем возможность знать, как проводил время в Баден-Бадене наш любимый писатель.

«…спешу сказать Вам несколько слов о Баден-Бадене, – писал ***И.А. Гончаров*** *из Парижа 15/27 июля 1866 года. – Мы провели там приятнейших пять, шесть дней: Боткин, Егор Петрович Ковалевский, Тургенев (или лучше он) и я, каждый день вместе завтракали, гуляли за городом, сидели у развалин – всё это по утрам. В три часа мы все шли играть в рулетку, разумеется, умеренно, шаля, потом он от нас исчезал и оставался невидим и неуловим – до следующего утра. Таков он и со всеми. Я сказал ему, что, может быть, Вы будете там, он отвечал, что жалеет, что не будет видеть Вас часто. Боткин был допущен в святилище, как старый знакомый, и наслаждался там музыкой и милым обществом. Я видел издали всю группу и завидовал счастливому Ивану Сергеевичу, видя, как ему тут хорошо живётся в кругу любимого им семейства, до того любимого, что собственно в Баден-Бадене всякая женщина должна отказаться от надежды на его внимание, кроме самого незавидного и обыкновенного. Avis aux lectrices! (Предупреждение читательницам!)*

Да судя по тому, как он наслаждается жизнью в своем любимом кругу и месте, я думаю, что он и не в Баден-Бадене, а везде – если б и уклонился немного в сторону, то только разве для развлечения, из кокетства и шалости, а что удержать его, овладеть им – ни в чьей власти. У него есть свой мир, свои царство и царица – и он будет всегда там».

Этот пространный отрывок из письма помогает представить, какие это были прекрасные дни в жизни Гончарова, наполненные общением с людьми, которых объединяла любовь к литературе, искусству, путешествиям.



Василий Петрович Боткин (1811–1869) был давним знакомым Ивана Александровича. Именно он окажется в кругу первых слушателей романа Гончарова «Обломов». В 1857 году, ещё не дописав в Мариенбаде заключительные главы романа, но понимая, что главный труд его завершён, Иван Александрович отправляется в Париж: он хочет услышать мнение о своем романе и его главном герое.

Поселившись в отеле, Гончаров узнает, что здесь же проживают господин Афанасий Фет, у которого накануне была свадьба, и господин Боткин. О слушании романа известили Ивана Сергеевича Тургенева, который находился в предместье Парижа. Во время чтения ни Тургенев, ни Боткин не скрывали своих эмоций. Все в один голос предвещали роману громкий успех, что и произошло впоследствии.

Гончаров и Боткин часто встречались в Париже, где каждая встреча обещала интересное и полезное общение.

Василий Петрович Боткин – писатель критик, переводчик – был внуком крепостного крестьянина, старшим сыном богатого московского чаеторговца. Свыше 30 лет находился в самой гуще литературной жизни, и все писатели и поэты считали его лучшим ценителем их произведений. Отзывы Боткина о произведениях были всегда тонкими и во многом верными. «Какая прелесть «Записки охотника», – писал он. – Какой артист Тургенев! Я читал их с таким же наслаждением, с каким, бывало, рассматривал золотые работы Челлини».

Правнук Василия Боткина, Константин Мельник-Боткин, писал: «Мой прадед Василий Петрович был чрезвычайно добрым и чутким человеком. Блестящий критик того времени, переводчик с пяти иностранных языков, он буквально притягивал к себе. К нему, как пчёлы на мёд, летело всё талантливое и даже гениальное». Умер Василий Петрович Боткин в 1869 году, завещав 70 тысяч рублей на научные и художественные учреждения. Собрание сочинений его вышло в трёх томах в 1890–1893 годах.

Другой собеседник и приятель И.А. Гончарова, с которым писатель проводил дни отдыха в Баден-Бадене, – **Егор Петрович Ковалевский** (1809/1811–1868), русский путешественник, горный инженер, писатель, член-корреспондент и почетный член Петербургской Академии наук. Егор Петрович был близок Гончарову своими интересами, неутомимыми путешествиями, о которых им были написаны книги. Он известный автор очерков о поездках в Среднюю Азию, по Южной Европе, Восточной Африке и Восточной Азии. Его главным трудом считается многотомное сочинение «Странствователь по суше и морям», где Ковалевский описал свои впечатления от путешествий и своих открытий. Большой интерес представляет также книга Ковалевского «Граф Блудов и его время. Царствование императора Александра I» (СПб., 1866).

Егор Петрович Ковалевский принимал участие в Крымской войне (1853–1855), в том числе в обороне Севастополя. Он был одним из членов-основателей общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд) и до самой смерти бессменно состоял его председателем.

Умер Егор Петрович Ковалевский в 1868 году. Для Гончарова неожиданный уход одного за другим известных и уважаемых им людей был, несомненно, событием горестным, к тому же они были ровесниками. И это лишний раз заставляло писателя задумываться о том, что жизнь слишком скоротечна.

6 августа 1866 года Иван Александрович Гончаров пишет из Парижа Ольге Алексеевне, вспоминая опять дни, проведенные в Баден-Бадене: *«Наконец, Вы в Баден-Бадене, где я провел несколько приятных дней, благодаря сообществу Тургенева и Боткина. Эти дни будут самыми приятными во всей моей поездке».*

Читая эти отрывки из писем Гончарова, радуешься, что между двумя известными писателями царят добрые и уважительные отношения друг к другу, которые, как известно, были не всегда.

Дальше Иван Александрович высказывает совсем другие по настроению мысли: *«Впереди, кроме скуки, ничего не предвидится, а теперь еще навязалась какая-то особенного рода тоска, похожая, сколько я могу припомнить молодость, на любовную тоску. Ничто не занимает, никого видеть не хочется, и как-то весь раскис до того, что лень даже выехать отсюда, а надо ехать в Boulogne sur mer, к морским купаньям, куда я завтра или послезавтра, наконец, и выеду».*

Рассказывая о своих планах и планах В.П. Боткина, Гончаров снова возвращается мыслями в Баден-Баден. Его письмо, наполненное картинами беспечной увеселительной курортной жизни, блещет остроумием, наполнено всяческим «вздором» и желанием убедить адресата, что в нем давно нет «никаких признаков бодрости и жизненности».

«Итак, Вы – в Бадене: поздравляю Вас! Не правда ли, там хорошо, во всех отношениях хорошо? Конечно, Вы начали с того, что со всеми в первые четверть часа перезнакомились, окружены всем, что есть умного, блистательного, известного? Баденская променада представляет более обширное поприще для успехов всякого рода, и бедный Marienbad побледнел – перед своим опасным соперником, как мы все, Ваши мариенбадские спутники, исчезли в блеске лучей баденских светил.

Но я все-таки рад, что Вы в Баден-Бадене, за Вас рад! Быть «перлом» Бадена – лучше, нежели Мариенбада, и труднее, конечно, но Вы одолеете и тем больше славы для Вас. Вы, может быть, опять скажете, что я смеюсь: нет, куда мне смеяться! Я одной ногой стою в гробу – мне не до смеха! Понесу тоску свою на морской берег и знаю, что без успеха. Волною морскою не смоешь старости и опущенности, в которой Вы почему-то сомневаетесь, хотя Вы, конечно, не заметили во мне никаких признаков бодрости и жизненности. Я пассивно переношусь с места на место и, переходя на вторую половину своего отпуска, начинаю понемногу оживать лишь при мысли, что недалек срок возвращения к своим пенатам, т. е. к диванам и к единственному другу – Мимишке: я даже сокращу этот срок и к половине сентября надеюсь быть дома. А там что? – спросите Вы; да тоже скука. Счастливы те, у кого есть симпатии, но к таким симпатиям надо иметь особую способность или способы. Это своего рода роскошь, которая не всем дается.

Но что я за вздор пишу! Это все от пожирающей меня скуки. Я начинаю приходить в отчаяние от того, что не скажу Вам умного слова. Так на роду мне написано – именно не сделать того, что одно и имеет только цену в Ваших глазах, т. е. быть умным. Вы даже способны влюбляться, как я заметил, исключительно в один ум: стало быть, от меня уже Вы спасены. В Бадене Ваш вкус в этом отношении удовлетворится вполне.

Прошу Вас поклониться Ивану Сергеевичу – а сами будьте уверены в моей преданности».

Тургенева в эти годы часто посещает в Баден-Бадене немецкий художник-иллюстратор и журналист Людвиг Пич, о котором Анненков писал, что он сделал главной задачей своей жизни распространение произведений Тургенева в своем отечестве. Людвиг Пич в своих воспоминаниях о Тургеневе написал и о впечатлении, которое произвел на него Баден-Баден: *«Кто не бывал в этом раю долин и лесов, на берегу Ооса {название реки}, в период его процветания, перед франко-прусской войной, тот не может верно представить себе привлекательности этой местности… Любители всевозможных развлечений, разнообразных туалетов и нарядов могли находить немало удовольствия в лицезрении этой, составленной из представителей всех наций мира, маскарадной толпы, собиравшейся на летний сезон в Баден-Бадене и появлявшейся всюду, как в конверсационсгаузе (пансионат), так и в величественных руинах замка Пфорцгейма. Весь шум и блеск этого своеобразного мирка не в состоянии был нарушить тишину Лейвальдских долин, выходящих прямо на Лихтентальскую аллею, и лесистых высот, опьяняющих своим благоуханием».*

Читая воспоминания о днях, проведённых в Баден-Бадене, замечаешь одну особенность: все непременно упоминают о посещении развалин старого замка.

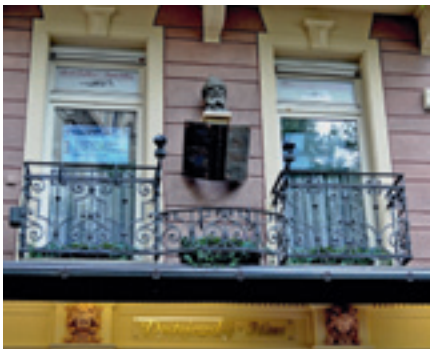
Курорт Баден-Баден в XIX веке

Старый замок Хохенбаден был первой резиденцией маркграфов фон Баден. Строительство его началось в 1102 году, а в XIII и XIV веках он постоянно расширялся и благоустраивался. В замке насчитывалось около ста комнат, светлых, просторных, роскошно убранных. В конце XVI века пожар уничтожил большую часть замка. Восстанавливать замок не стали, лишь укрепили и законсервировали то, что осталось от пожара. С 1976 по 1978 годы была проведена реставрация центральной башни, откуда открывалась прекрасная круговая панорама Баден-Бадена и его окрестностей.

Открытое в 1838 году казино и сделавшее Баден-Баден «летней резиденцией Европы», привлекало многих возможностью попытать счастья «на зеленом столе» за рулеткой. В 1857 году среди посетителей казино оказался **Лев Николаевич Толстой** (1828–1910). В первый день он просидел за рулеткой с утра до вечера, а на следующий день проиграл всё. Занял денег у своих друзей – Полонского и Боткина. Результат был тот же. Деньги, великодушно данные Тургеневым взаймы, не спасли Толстого. Ему приходилось заносить в дневник одну и ту же фразу: «Проиграл всё!»

С таким же результатом возвращался постоянно и **Федор Михайлович Достоевский** (1821–1881), автор романа «Игрок», в котором он показал неудержимую страсть к игре в рулетку, которая всецело овладевает человеком и подчиняет себе все его помыслы и желания: «В одиннадцатом часу у игорных столов остаются настоящие, отчаянные игроки, для которых на водах существует только одна рулетка, которые и приехали для неё одной, которые плохо замечают, что вокруг них происходит, и ничем не интересуются во весь сезон, а только играют с утра до ночи и готовы были бы играть, пожалуй, и всю ночь до рассвета, если б можно было. И всегда они с досадой расходятся, когда в двенадцать часов закрывают рулетку. И когда старший крупер перед закрытием рулетки, около двенадцати часов, возглашает: «Les trois derniers coups, messieurs!" (Три последних игры, господа!), то они готовы проставить иногда на этих трех последних ударах все, что есть у них в кармане, – и действительно тут-то наиболее и проигрываются».

Балкон квартиры, где жил Федор Михайлович Достоевский, украшает бюст писателя с изображением его романа «Игрок».



В настоящее время в казино в утренние часы проводятся экскурсии, где каждый желающий может познакомиться с роскошно оформленными просторными залами, поражающими богатством отделки, великолепными картинами, прекрасной мебелью.

Неудивительно, что, оказавшись в Баден-Бадене, связанным так тесно и неразрывно с русской культурой, испытываешь желание как можно больше увидеть, запечатлеть, напитаться атмосферой праздника, которая постоянно царит в этом городе.

В 2003 году в Баден-Бадене прошла выставка ульяновского художника Петра Владимировича Попова «Пятьдесят мгновений одного художника», вызвавшая необычайный интерес и прошедшая с большим успехом. Местная пресса сообщала: *«Русскому художнику удалось удивительно точно изобразить великолепие предгорий Альп южной Германии, понять душу, характер и желания местного населения».*

Полдень в Баден-Бадене посвящался встречам на Лихтентальской аллее, которая считалась самой роскошной аллеей, называемой «зелёным» салоном, главным украшением которой были вековые деревья. Эта прекрасная аллея, по которой постоянно прогуливались отдыхающие, приводила к монастырю в Лихтентале. Об этих местах упоминает с сожалением Гончаров в письме к Тургеневу от 10/22 февраля 1868 года: *«Как бы я желал опять совершить свое обычное путешествие на воды, потом походить в Лихтентале и покупаться в море, но боюсь, что и эта нега кончилась для меня навсегда…»*

На Лихтентальской аллее установлен скромный памятник Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Состоявшееся примирение с Тургеневым просматривается в письме Гончарова из Парижа от 15/29 сентября 1866 года: *«Не могу уехать из-за границы, не простившись несколькими строками с Вами, любезнейший Иван Сергеевич. Мы с Боткиным надули Вас, обещавшись приехать провести последние недели сезона в Баден-Бадене: я – от лени передвигаться взад и вперёд с своим чемоданом, а он, я думаю, от лени – вообще. Я, пробыв месяц в Булони, прошатался без толку ещё недели три здесь, изучая Пале-Рояль, потому что, по причине непрестанных дождей, некуда было больше деться. Наконец послезавтра я уезжаю домой…»*

Знакомство с перепиской и пребыванием Ивана Александровича Гончарова в Баден-Бадене позволяет почитателям его таланта увидеть город глазами писателя и поклониться его творчеству, где, как писал Дмитрий Мережковский, *«всё огромное здание его эпопей озарено ровным светом его разумной любви к человеческой жизни».*

Нина Васильева,
краевед

По зову совести и предков

Русский православный писатель, академик Российской академии гуманитарных наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации и Республики Татарстан Николай Васильевич Нарышкин – известный общественный деятель, публицист, краевед, знаток и исследователь философии, экономики, истории, культуры русской жизни и русского крестьянства. Национальная библиотека Чувашской Республики опубликовала полную библиографию писателя, и оказалось, что творческое наследие Николая Васильевича составляет 900 произведений. Непостижимая работоспособность!

С литературной публицистикой Н.В. Нарышкин начал активно выступать в печати в начале 1990-х годов. В 1998 году вышла его книга «Махотин извоз», в 1999 году – «Мятущаяся Россия», в 2000-м – «Священная Сура», в 2002 году – «Кадышевский эпос», «Разговор праведника с нечестивцем». Далее один за другим выходят «Русские дневники» писателя, литературно-публицистические, фундаментальные политические и критические произведения. Эти многоплановые книги пришлись по душе русской общественности, произведения Нарышкина тепло встретили земляки, читатели и почитатели автора.

В философской поэме «Вечность» писатель признается: «Радостно и вдохновенно погружаясь в первозданную природную среду солнечного Посурья, я погружаюсь в вечность, ощущая при этом какое-то даже материальное состояние присутствующего всюду Русского Православного Духа. Моя душа вдруг начинает неистово, возбуждённо носиться совершенно в ином, чем земной, мире Космической Жизни».

Из тысячи написанных Николаем Нарышкиным произведений особо хочется выделить сборник «Добрые русские сказки». В сказе «Заманиха, или Возвращение к родникам кадышевского Присурья» Н.В. Нарышкин воспевает природу родного Посурья.

«Моя Заманиха озарила светом всё мое детство. Она для меня всего роднее, теплее, уютнее. Заманиха всегда во мне и около меня. Заманиха – это утро моего детства. Мой полдень – это тоже Заманиха. Она – мой первый глоток воздуха. То, что я увидел, появившись на белый свет, – это Заманиха. Она меня спеленала и посвятила в волшебные игры природы. Она благословила меня на многотрудный путь по жизни. Первым букварём и первой таблицей умножения была для меня Заманиха. Растительный, животный и букашковый мир Заманихи был сплошь покрыт душицей у подножия невысокой, чуть приплюснутой, опрятной своей девственной свежестью красно-глиняной с белесым, как парное коровье молоко, горы за плетневой городьбой нашего кормильца-огорода. Гора, прикрывающая своим остовом Заманиху от нехороших северо-восточных ветров, тогда, в детстве, казалась гораздо выше даже легендарной Арарат-горы, о которой мне полно всего рассказывала мудрейшая бабушка Анисья Архиповна».

Над Сурой возвышается Тарасова гора. Николай Нарышкин предлагает читателям свою версию древней истории, связанной с именем русского богатыря Тараса Кадышанина: «…сюда, на правый берег Суры, под белогрудые горы, заросшие вишней и клубникой, к холодным ключам, бьющим из-под гор, продрался сквозь вековечные заросли Человек. Он был другом-соратником Ильи Муромца. Его величали Тарасом Кадышанином. Прослышал Тарас дурную весть о том, что давно зарятся на присурские многообильные земли темные силы – уж очень им, супостатам, хотелось овладеть этой первозданной территорией с несметными природными богатствами, и решил Тарас, мобилизовав всю свою силищу, навсегда лишить бесовщину аппетита на эти благодатные земли».

Под стать этому герою и Архип по прозвищу Чигирь, который явился в Посурье вместе с Тарасом Кадышанином лет 500 назад, чтобы «стеречь первозданные края от вероломных супостатов-бесов». Победив врагов, оженились богатыри на русских красавицах, и пошли у них детки, а потом и внуки.

Вершиной творчества Николая Нарышкина можно назвать «Кадышевский эпос». Это не просто гимн любви родному краю – это гимн труду, крестьянину, всему Посурью. Историю родного села Кадышево (село Покровское) Н.В. Нарышкин описывает, опираясь на архивные материалы, советский период описан со слов жителей села. Подвигом писателя можно назвать полный список всех имён и фамилий кадышан, проживавших в этом крае на протяжении XX столетия. Многих из этих людей Николай Васильевич знал лично. Быстро летит время, вычеркивает из памяти день вчерашний, но кадышанам повезло: все они вписаны Н.В. Нарышкиным в историю. Ничего не утаил неутомимый писатель: рассказал, как жили и трудились его земляки, как отдыхали, какие песни пели, что пили-ели, как любили. В общем, создал образ труженика-крестьянина, на могучих плечах которого держалась великая Русь.

Выставка книг Н.В. Нарышкина

Не менее впечатляет ещё одна книга Н.В. Нарышкина о земляках – «Махотин извоз». Вот как сам писатель объясняет задачу, которую он ставил перед собой при написании этого эпического произведения: «Опираясь на фактический и литературный материал, на собственные многодесятилетние наблюдения, я старался написать портрет крестьянина России – во всём уникального, трудолюбивого, мудрого, высоконравственного, горячо влюбленного в своё любезное единственное Отечество и глубоко верящего в его великое будущее, поклоняющегося своей родной земле-кормилице, своему родному селу, своему саду и огороду, своему заулку; крестьянина, высоко чтившего добрые вековые традиции, неукоснительно следовавшего святым заветам своих предков».

Рассказывая о системе воспитания детей в крестьянских семьях, Николай Васильевич вспоминает своё детство: «На меня с трёх лет была возложена солидная доля забот по дому. Я кормил скотину: выносил из избы в хлев поросёнку, телёнку и овечкам помои; задавал корове сено зимой. Когда мама с четырнадцатилетним моим братом Ваней часов в семь утра уходили на барщину, то есть на колхозные работы, а бабушка отправлялась, как обычно, на лесной промысел, я оставался домовничать: поливать два раза в день грядки с овощами, полоть, подпарывать картошку, делать по хозяйству и всякие другие дела. Конечно же, в домашних делах я был не основным, а только подсобным работником. Я лишь помогал старшим».

Но не только трудом были наполнены детские годы деревенского мальчишки: это и катание на коньках и салазках зимой, и хождение в ночное с друзьями летом, и непременно – бабушкины сказки. «Поистине сказочным было время, проведенное счастливо с бабушкой Анисьей Архиповной в лесу, где-нибудь в Чигирихе, на Пузихе, в Семиродничках, на Ларихе, в Московом долу, в Чащобе…»

Совсем иная тональность открывается читателю в книге «Мятущаяся Россия». Николай Васильевич выступает как исследователь главных исторических эпох, пережитых нашей страной. Писатель с болью пишет о монгольском нашествии, княжеских распрях, революционных переворотах, о голоде и геноциде русского народа, чиновничьих бесчинствах. «Метастазы этих смертельных социальных раковых опухолей давно нанесли удар основным частям российского гигантского организма. Теперь они подбираются к его сердцу и мозгу».

«В апокалипсическом для нашей державы 1991 году, – пишет Н.В. Нарышкин, – на дороге российской истории я отчётливо увидел полным полно всяких искусственно созданных силами мирового зла новых препятствий, завалов, обвалов, бездонных трещин и провалов, которые страдальцу народу России предстояло, собрав остатки сил, преодолевать, обходить, а то и перепрыгивать. <…>

> Сегодня Россия – во мгле. Над нашим любезным Отечеством тяжёлыми мрачными холодными тучами плывёт непроницаемый ядовитый смог невежества и безысходности, хаоса и антирусскости, антиколлективизма.

Боль за Россию, за её будущее подтолкнула писателя на написание в 2000-х годах «Русского дневника», вместившего в себя огромное полотно русской жизни. Вот, к примеру, запись 24 марта 2004 года: «Капиталистическая форма, в коей пребывает большинство народов и стран, полностью износилась, пришла в негодность, обнажив при этом все механизмы воспроизводства низменных людских страстей, пороков, социальных буйств и физических деградаций». Прошло немало лет со дня написания этих строк, и как же провидчески, актуально и остро звучит голос писателя!

И ещё: «Деньги губят русскую духовность и культуру русскую, развращая народ России, особенно её молодое поколение». В начале 2000-х годов эти тенденции только наметились, и Н.В. Нарышкин призывал их остановить, а сегодня они стали реальностью, характеристикой нынешнего дня. Но писатель не унимается в своём призыве остановить вакханалию дикого капитализма.

Он верит в здоровые силы народа и в великое будущее России. Вот его записи в марте 2015 года: «Моя любовь к российскому Отечеству всё более крепнет. Горжусь русской историей, выплавившей за тысячу лет многонациональное содружество россиян, живущих в дружбе друг с другом. Слава Богу, мой народ продолжает обладать великой волей в решении неотложных проблем бытия, в том числе и тех, что навязываются нам сатанинскими силами мирового капиталистического зла. Эти силы, коим ныне моя Россия противостоит, чудовищны».

Николай Васильевич предлагает свои пути спасения России: «У государства сегодня главная задача – стимулировать миграцию в село молодёжи, а в перспективе из неё формировать крестьянина… Надо побольше заглядывать в колодцы истории и русских традиций с чистородниковой водой, а не заниматься неуёмно спекуляцией национальным богатством, накопленным и завоёванным нашими достославными предками в течение тысячи лет».

Огромная документальная повесть российской жизни, запечатленная Николаем Нарышкиным через дневниковые записи, – настоящий человеческий и гражданский подвиг писателя. До конца «Русский дневник» Н.В. Нарышкина ещё не оценён, не дана и полная оценка его патриотических произведений. Но пройдет немного времени, и страна по достоинству оценит эти «Этюды биографии современной России».

Ольга Шейпак

Борис Башкиров-Верин и его неизвестное стихотворение «Ундоры»

Борис Николаевич Башкиров-Верин – литератор 1920-х годов. Близко общался с восходящей звездой русской и мировой культуры С. Прокофьевым и поэтами Н. Гумилевым, Вс. Рождественским, И. Одоевцевой. Предлагаем читателям познакомиться с неизвестным стихотворением Б. Башкирова «Ундоры» (1923), самостоятельно открытым нами в архивах Славянской библиотеки города Хельсинки (Финляндия). Напечатанное на страницах гельсингфорского эмигрантского журнала «Дни нашей жизни» (выходил в свет: 1923–1925; редактор И.И. Савин), поэтическое произведение свидетельствует о яркой, талантливой личности литератора и его стремлении показать значение истинных ценностей России в эмиграции.

Для любителя русской литературы творческая биография Бориса Николаевича Башкирова-Верина (настоящая фамилия Башкиров) представляет определенный интерес. Как о нём скромно сообщается в энциклопедических справочниках по литературе, Борис Башкиров являлся большим любителем искусства и литературы. Ближайший круг его общения составляли многие деятели культуры, среди них композитор С. Прокофьев, поэты Н. Гумилев, Вс. Рождественский, И. Одоевцева.

Борис Башкиров родился 5 апреля 1891 года в Санкт-Петербурге, в семье успешного купца-мукомола, миллионера Николая Емельяновича Башкирова. До эмиграции в Европу Борис Николаевич был предпринимателем-магнатом, меценатом, совместно со своими старшими братьями владел Калашниковской хлебной биржей.

Башкиров обладал благородной внешностью, стройной фигурой. Обучаясь в Петербургском университете, среди однокурсников он выделялся аристократическими манерами в общении и тем, что свободно владел несколькими иностранными языками. Получил блестящее юридическое образование.

Коммерческие дела вёл успешно, поэтому имел хороший и постоянный доход. Любовь к искусству позволила Башкирову организовать на Калашниковской набережной, по адресу: Синопская, 52, изысканный литературный салон. С 1914 года гостями этого салона были его кумиры, люди искусства: поэты, философы, артисты, художники, музыканты – известные деятели культуры того времени. К. Бальмонт, И. Северянин, С. Прокофьев впоследствии стали ему близкими друзьями. В круг общения входили также известные шахматисты А. Алехин, Х. Капабланка, Э. Ласкер.

Увлеченный философией декаданса, Башкиров-коммерсант всё глубже уходил в богемную жизнь, вкладывал большие деньги в поддержку «поэзо-концертов» И. Северянина. Есть сведения Вс. Рождественского, что ««отправляясь на очередной Вечер поэз», этот рыцарь модерна (*Башкиров. – К.М.*) неизменно заезжал в цветочные магазины и заказывал огромные букеты своих любимых цветов – с широкими лентами: «несравненному» или «пленительному поэту Борису Верину – принцу сирени». Эти подношения вызывали бурю восторгов в зрительном зале, когда «скромный и растерявшийся от волнения» поэт принимал их с эстрады из рук почтительных капельдинеров как восторженную дань неведомых почитателей».

В 1919 году Башкиров много общался с Н. Гумилевым, перенимал его литературный опыт. Часто представлял свои стихи на литературных вечерах «Цеха поэтов».

После 1920 года, спешно покидая Россию, Борис Николаевич остался без материальных ценностей. Некоторое время жил в Финляндии, США, Франции, Германии. В зарубежье зарабатывал на жизнь ремеслом ноч-

Д.И. Архангельский. Усадьба Толстых-Ивашевых в Ундорах. 1932. Акварель. УОХМ

Михаил Клодт. Волга над Симбирском

ного шофёра такси, литературными переводами, художественными публикациями, статьями в эмигрантской периодике. Под разными псевдонимами публиковался в финских изданиях.

В изгнании Башкиров пользовался былой славой, полученной в России, и охотно принимал помощь от друзей и родственников, однако средств к существованию не хватало, он бедствовал. От безысходности положения пристрастился к алкоголю, опустился на самое дно. Какие-либо сведения о Башкирове обрываются в 1935 году, во время его пребывания во Франции. Вероятно, этот год можно считать годом его смерти.

В разное время о Башкирове сообщали: его близкий друг С. Прокофьев, бывшая возлюбленная И. Одоевцева, поэт Вс. Рождественский, писатель И. Вишневецкий и другие. Имя поэта-любителя попало в биографический словарь «Русское зарубежье во Франции: 1919–2000».

Стихотворение, предложенное для публикации, обнаружено нами на 5-й странице ежемесячного литературно-художественного журнала «Дни нашей жизни» (№ 2–4, 1923). По данным архивно-поискового исследования, журнал выходил в свет на протяжении 1923–1925 гг. в Гельсингфорсе (ныне – Хельсинки). Издание предназначалось в основном для молодежи. Как и многие эмигрантские печатные организации тех лет, журнал испытывал материальные затруднения, но просуществовал достаточно долго. В мае 1923 года вышел его первый номер, на обложке было указано: «Ежемесячный журнал. Редактор: Иван Савин. Издатель: Кружок русской молодежи в Финляндии». Следующий номер был спаренным, т. е. № 2–4, датированный июнем–августом 1923 года. Пятый, последний, номер вышел после значительного перерыва в феврале 1925 года с подзаголовком «Орган русской национальной молодёжи» без указания периодичности. Надо отметить, «Дни нашей жизни» – авторский проект редактора И. Савина (настоящая фамилия Саволайнен, 1899–1928), созданный для публикации литературно-художественных работ.

УНДОРЫ

Дорога прямо в гору вьётся,
Кругом орешник и сосна;
И наша лошадь чуть плетётся,
Такая с Волги крутизна.
Деревья, пастбища, лужайки
Плывут, бегут навстречу нам,
И грохот нашей таратайки
Несется гулко по лесам.
Но вот усадьба. Подъезжаем,
Смеясь, к старинному крыльцу…
Как хорошо цветущим маем
Быть близко к милому лицу!
Весь дом построен полукругом,
Белеет ряд его колонн, –
Иного быта был он другом,
Он памятник иных времен.
Исполненные впечатлений
Тургенева, – выходим в сад,
Ты мне бросаешь ветвь сирени
И с нею вместе робкий взгляд.
Пройдя весь сад, – идем по парку, –
Лепечет где-то ручеек,
Над нами липовую арку
Качает сонный ветерок.
Видны поля, – цветет гречиха,
Вся даль в белеющих цветах…
И так кругом небесно-тихо,
Что слово молкнет на устах.
Смеркается. Встают туманы.
Мы возвращаемся домой.
Нас ждут варенья, чай, стаканы
И скатерть с красною каймой.
Так целую живем неделю,
Теряя счет часам и дням,
Лесному отдаваясь хмелю,
Бродя все время по лесам.
Лишь тем знакомо упоенье,
Кто в тихих Ундорах бывал
И видел старых лип цветенье
И лета пышный карнавал.

Местечко, о котором идёт речь в стихотворении, – Ундоры, одно из красивейших мест Симбирской губернии (ныне село в Ульяновском районе Ульяновской области). Возможно, в основу создания произведения легли живые впечатления Башкирова-литератора, полученные им во время путешествия по Волге на Кавказ в 1916 году. В поэтическом тексте автобиографического характера выделенные образы художественного пространства Среднего Поволжья: высокий берег реки, дворянская усадьба, сирень, поля – свидетельствуют об авторском самовыражении поэта-любителя, его желании заострить внимание читателей на истинных ценностях мира России в условиях эмиграции.

Марина Крошнева,
доцент
Ульяновского государственного
технического университета

Решилась рассказать о предках, чтобы и внуки смогли вписать свои страницы в историю нашей семьи. Услышанные мною в детстве воспоминания пожилых сестёр дедушки лишь частично передают картину жизни и быта. Более полная история рода за 220 лет, а также история малой родины – села Ундоры вырисовываются благодаря памятной книжке Михаила Васильевича Русина. По этой рукописной книжке (в настоящее время она находится в фондах Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина») можно проследить вехи жизненного пути моего прапрадедушки Михаила Русина. Летопись продолжили сыновья и внуки. 14 ноября 2022 года исполнится 220 лет со дня рождения Михаила Васильевича Русина, первого грамотного предка нашего рода.

Соль земли Симбирской

Родился Михаил Русин по старому стилю 1 ноября 1802 года. Его мать Татьяна Леонтьевна, будучи крепостной крестьянкой, служила кухаркой в семье генерал-майора Петра Никифоровича Ивашева. Семья Ивашевых летом проживала в Ундорах, а зимой переезжала в Симбирск.

Матушка Татьяна Леонтьевна родила второго сына, Михаила, в 25 лет. Старший сын Пётр был на шесть лет старше Михаила, он жил с матерью в имении П.Н. Ивашева. О брате Михаил оставил короткую запись: «1860 года марта 25 дня скончался мой брат Петр Васильевич Русин отставным солдатом в Ундоровской больнице… на 76 году от рождения».

Крестным отцом маленького Миши был генерал П.Н. Ивашев. Можно представить, как летом в селе Ундоры резвились дети: Василий Ивашев и мальчишки из дворни. С трёх сторон от усадьбы – пруды, можно купаться и удить рыбу. Лес рядом, а какие покосы! Простор и свежий воздух.

О помещике Петре Никифоровиче Ивашеве крестьяне отзывались как о справедливом и умном хозяине.

Заметив любознательность, старание и желание Михаила быть полезным, рачительный хозяин отправил его учиться в Москву. Так появился свой землемер в селе Воскресенское, Ундоры тож.

Об уважении и почтении к барину говорит запись из памятной книжки М.В. Русина: «1838 года ноября 21 дня скончался Его Превосходительство Пётр Никифорович Ивашев в Ундорах скоропостижно, а тело его погребено в Симбирске в Мужском монастыре Пресвятой Богородице с супругой и тестем».

После смерти П.Н. Ивашева хозяином имения стал его зять Пётр Михайлович Языков. Он был большим учёным, проводил геологические изыскания. Разработал схему расчленения меловых отложений Поволжья, собрал коллекцию окаменелостей, дал научное описание ящеров Симбирской губернии.

Работа землемера была нелегкой: целыми днями с аршином, пешком, обмерять наделы крестьян, покосов, лесных угодий. Зато как интересно было производить обмеры с Петром Михайловичем Языковым для составления карт по Симбирской губернии в районе с. Ундоры.

Все памятные даты семьи заносились в книжку. О жене Михаила Васильевича, Екатерине Ираклиевне Козловой, и о её родственниках можно написать отдельную главу. Любимым дядюшкой был Козлов Никита Петрович, крепостной художник П.Н. Ивашева, живописец. Он получил образование в частной художественной школе В.С. Турина в г. Казани. Сёстры нашего дедушки Ивана Петровича Русина рассказывали, что в доме в Ундорах были картины, подаренные Никитой Козловым племяннице Катеньке.

Детей в семье прапрадедушки Михаила было много. Трое сыновей и пять дочерей. Большую семью и прокормить непросто. Держали скотину, птицу. Мальчишки во всём помогали по хозяйству. Обучением детей грамоте занимался Михаил Васильевич, затем они обучались в церковно-приходской школе. Домашним наукам девочек обучала Екатерина Ираклиевна: прясть, ткать, шить, вязать, готовить пищу, ухаживать за домашним скотом и птицей.

Село Ундоры – красивое место, там много грибов и ягод, прекрасная рыбалка. Судоходство на Волге было оживлённое, торги были на пристани села Воскресенского.

Михаил Васильевич с Екатериной Ираклиевной прожили вместе тридцать три года. После смерти жены в памятной книжке появилась трогательная запись: «Жития её было всего 50 лет. Скончалась незабвенная моя супруга Екатерина Ираклиевна от злой и проклятой лихорадки… Тело похоронено по её желанию в церковной ограде в головах дяди её Никиты Петровича Козлова. Память этой милой супруги для меня да будет священна и незабвенна!»

В имении Ивашевых–Языковых был один пруд с небольшой плотиной, сооружённой ещё при Петре Никифоровиче Ивашеве, для спуска воды при очистке дна. За этой плотиной ухаживал сначала сам Михаил Васильевич, позже его старший сын Александр, а затем Пётр. Раньше этот пруд назывался Русин пруд, он был частью Ивашевского парка. Сейчас называется Старостин. Ребята из Ундоровского лицея в 2015 году про-

водили очистку берегов этого пруда. За столь длительное время плотина разрушилась и не представляет исторической ценности как наследие П.Н. Ивашева. «Русин пруд полностью зарос тростником и рогозом. Раньше был заполнен водой, в нём купались и даже катались на плоту. По преданию, его дно выложено мрамором. При Ивашевых здесь разводили зеркальных карпов. Разница очевидна. Из-за прорыва плотины вода ушла», – это пояснение написала учитель истории Ундоровского лицея С.Л. Михеева.

Выросли дети. Дочерям нашлись женихи из Симбирска, Ишеевки и Буинска.

Старший сын Александр Михайлович женился на крестьянской девушке Аграфене Никитичне Сибряевой. Построили дом рядом, нашлась и служба в экономии П.М. Языкова, сначала конторщиком, потом сельским старостой. У Александра Михайловича и Аграфены Никитичны было пять сыновей и три дочери. В Ундорах ходил слух, что Александра утащил рогатый. Пётр, средний брат и наш прадед, сделал такую запись: «1898 году 15 апреля утонул мой брат Александр Михайлович Русин в Чертолинском ключу, это было на Фоминой неделе в среду, ехал из своего сада часов в 5 вечера. Сорвался с моста и погиб. На 65-м году от рождения. Без 3-х месяцев 65 лет ему было, похоронен на кладбище в Ундорах».

Пётр Михайлович Русин, наш прадедушка

После смерти брата Пётр вступил в наследство, и на его плечи легла забота о племянниках. Ему в руки перешла и памятная книжка.

Он тоже служил в экономии П.М. Языкова и был сельским старостой. Пётр Русин взял в жёны Прасковью Кузьминичну Винокурову из того же села Ундоров. Это наши прадедушка и прабабушка. Из 11 детей четверо умерли в младенчестве. Осталось трое сыновей и четыре дочери.

В «Справочной книжке и адрес-календаре Симбирской губернии за 1910 год» сказано, что Русин Пётр Михайлович владел в Ундорах 561 десятиной земли, у него был большой яблоневый сад. В 1912 и 1913 годах прадед имел промысловое свидетельство: вёл торговлю. Пётр Михайлович умер в 1923 году. В ту зиму были сильные морозы, очень много вымерзло деревьев, их пустили на дрова.

О младшем брате, Иване Михайловиче, очень короткая запись: родился, крестился, женился, жил в г. Гомеле.

Иван Михайлович Русин

Старшая сестра Екатерина Михайловна (по мужу Малеева) жила в Симбирске. Племянники и племянницы гостили у неё в доме. С поступлением в гимназию посещали тётушку. Гостеприимным был и дом другой сестры, Прасковьи Михайловны, по мужу Воронковой. Девочки, обучающиеся в Симбирской Мариинской женской гимназии, проводили у неё воскресные дни. И племянники, кто поступил в Симбирскую мужскую гимназию, не забывали тётушек.

Дети и племянники Петра Михайловича Русина посещали церковно-приходскую школу, а в 1869 году открылась Ундоровская школа. В 2019 году учебному заведению исполнилось 150 лет. Теперь это Ундоровский лицей. Сыновья Петра Михайловича по очереди поступали в Ижевскую оружейную школу. Следом за двоюродными братьями отправились в г. Ижевск и сыновья старшего брата Александра Михайловича Русина: Михаил, Николай, Сергей, Андрей, Павел, а также племянники жены – Винокуровы Александр, Алексей. В мирное время они служили оружейными мастерами или же на железной дороге в различных должностях.

Екатерина Михайловна Малеева, старшая дочь М.В. Русина

Подрастали дочери Петра Михайловича Русина. Старшая Екатерина вышла замуж за фельдшера Прунова Тимофея Васильевича, служила сестрой милосердия в больнице в Ундорах. После смерти мужа вдова с тремя детьми вышла замуж за Михалкина Филиппа Федоровича, тоже фельдшера.

Младшие девочки ещё учились в Симбирске в Мариинской женской гимназии. На лето приезжали домой, в Ундоры. Пили чай в саду у дома. Ходили гулять в лес, собирать ягоды, грибы. Ближе к осени начинали варить варенье. Став взрослыми, они с умилением рассказывали, как в садах ставился таганок, таз для варенья и раскладывался маленький костерок. По саду собирали сухие веточки с обрезанных яблонь и поддерживали огонь. По всему саду шёл потрясающий запах яблочного варенья. В голодные послереволюционные годы мешочки с сушёными яблоками посылались младшим дочерям в Казань, куда они перебрались с мужьями.

Большая семья – большое хозяйство. Пётр Михайлович оплачивал обучение дочерей деньгами от продажи выращенного урожая.

Снимки, сделанные в каникулярное время дочерей-гимназисток во время приезда в с. Ундоры. Три младших дочери Мария, Вера и Анна учились в Мариинской женской гимназии г. Симбирска

Старший брат нашего дедушки, Александр Петрович Русин, по окончании Ижевской оружейной школы проходил обязательную службу в Виленском полку. Позже служил в г. Двинске оружейным мастером. Там женился на сироте Анне Варфоломеевне Полихновской. У Александра Петровича и Анны Варфоломеевны родились четыре дочери: Мария, Ольга, Вера и Надежда. В 1911 году семья переехала в г. Ораниенбаум, где А.П. Русин поступил в Офицерскую стрелковую школу. После революции и перевода стрелковой школы в г. Петергоф продолжил работать оружейным мастером. В 1918 году Офицерская стрелковая школа переименована в 1-й пулемётный полк. Дальнейшее место службы – 5-е Петергофские советские пехотные командные курсы РККА (1922 г). Прослужил до 1932 года, до самой своей смерти.

Александр Петрович и Анна Варфоломеевна с детьми

Младший из братьев, Пётр Петрович Русин, выбрал военную службу. Служил в Пермском крае. В 1904 году в г. Кунгуре в чине поручика сочетался браком с учительницей Александрой Васильевной Симаковой.

Петр Петрович и Александра Васильевна

В 1909 году Русин Пётр Петрович – штабс-капитан пехотной резервной бригады, в 1918–1920 годах – капитан в белых войсках Восточного фронта. С 1920 года – в Ижевской дивизии, полковник. В эмиграции в Китае с осени 1925-го – командир отдельной юнкерской роты Чжан-зунчана, в 1927 году – в Харбине.

Судьба младшего брата трагична, как и всей его семьи. Жена и три дочери следовали за отцом. В Иркутске умерла старшая дочь Елена. Младшие дочери Александра и Марина с мамой жили в эмиграции в Харбине.

После 1932 года о их семье очень мало сведений.

Наш дедушка Иван Петрович Русин также отслужил в Виленском полку оружейным мастером, вышел в отставку. Служил на железной дороге помощником начальника станции. Женился в 1910 году на сызранской мещанке Елене Ивановне Плотниковой. В 1911 году семья проживала в г. Ораниенбаум. В 1914 году нашлась служба оружейного мастера в Офицерской стрелковой школе.

Наш дедушка Иван Петрович Русин. 1914

Должность воинская пришла с началом Первой мировой войны: в 1914 году Иван Русин был призван защищать Отечество. Служба заведую-

щим оружием проходила в Финляндии на о. Оланд. Семья могла приезжать к нему в г. Мариенхамн. Поездки по службе в Офицерскую стрелковую школу Ораниенбаума, где жила семья, тоже случались. В 1915 году Иван Петрович после контузии находился на лечении в Царском Селе. За добросовестную службу получил звание унтер-офицера, ордена Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени. Выступал в походах против Германии.

Приезжая на побывку в Симбирск с семьей, встречался с сестрой Екатериной Петровной и её мужем Филиппом Фёдоровичем Михалкиными, и все отправлялись в Ундоры к родителям – помочь в хозяйстве, побродить по берегу Волги.

Екатерина Петровна и Филипп Федорович Михалкины с детьми. Симбирск, 1916

Под крышу родительского дома старались приехать и другие дочери Петра Михайловича с мужьями.

Всё изменилось после революции. Наш дед Иван Петрович Русин в январе 1918 года ушёл в отставку и уехал в г. Сызрань. Должность помощника разъезда Воложка устроила семью, но все скучали по Ундорам.

Предполагалось строительство новой железнодорожной ветки для вывоза сланца – она должна была проходить через Ундоры. Но начался голод 1921–1922 годов. Умерли родители. К бывшим военным власти относились с подозрением. Но жизнь продолжалась и в трудные годы.

Мария Петровна и Иван Петрович Коммодовы с детьми

До 1929 года Иван Петрович служил на станции Киндяковка кассиром. С 1930 года он служил заведующим патронным складом на заводе им. Володарского в Ульяновске. Всю жизнь он увлекался садоводством. Посещал Мичуринский кружок, даже писал Мичурину. В Ульяновске при доме было немного земли. Росли груши, дули, сливы, вишни и редкие сорта яблок. Дед прививал помидоры на картофельные ростки, а на яблони-дички прививал культурные сорта яблок. Из Ундоров дед привёз несколько ульев. В то время в Ульяновске ещё были заливные луга, и Волга в районе нового речного порта была узкой из-за островов. До Кременок в сторону Силикатного можно было дойти через луга, перейдя проток Чувич.

Умер Иван Петрович в декабре 1947 года.

Он дал хорошее образование детям. Старшая дочь Наталья обучалась в педагогическом институте в г. Ульяновске. Сын Михаил окончил Школу высшей лётной подготовки, стал авиационным техником. Дочь Софья служила машинисткой. Младшая дочь Антонина после окончания медицинских курсов стала сестрой милосердия в госпитале. Младший сын Николай, наш папа, в 1939 году поступил в автомеханический техникум в г. Ульяновске.

Когда началась Великая Отечественная война, первым в армию был призван муж старшей дочери Натальи – Александр Васильевич Зайцев. Затем были призваны старший сын Михаил и муж дочери Софьи.

Летом 1942 года призван в ряды РККА младший сын – Николай в неполных 19 лет…

Николай служил командиром топографической вычислительной службы, на Центральном 1-м Белорусском фронте. Дважды ранен. С мая 1945 г. по декабрь 1947 года – курсант Ульяновского танкового училища им. В.И. Ленина. Последний госэкзамен не успел сдать – умерли оба родителя. Николай демобилизовался. Женился на Тамаре Александровне Пестровой. Работал инструктором радиоклуба обкома Осоавиахима. С 1954 года работал на автозаводе им. В.И. Ленина. В 1966 году переведён на Ульяновский механический завод, где проработал до 1992 года. Трое детей, пятеро внуков, пятеро правнуков. Умер в 2013 году.

Николай Иванович Русин. 1945

Сообщения о службе зятьев и двоюродных племянников поступали нечасто. Но все вернулись живые. Честно защитили Отечество. Наступило мирное время.

Памятная книжка семьи Русиных перешла нашему отцу, Николаю Ивановичу Русину.

Вот уже и следующее поколение подрастает. Знаменитых и именитых героев в семье не было, но жизнь каждой семьи – открытая книга. Записывать историю своих родителей и дедушек-бабушек предлагаю всем родственникам. Каждый член семьи был личностью и оставил след на земле.

А я продолжаю писать памятную книжку рода Русиных, теперь уже в XXI веке. Рождаются внуки и правнуки. Жизнь продолжается!

Вера Русина-Купраш

Они множили славу и силу страны

Современная история нашего города неразрывно связана с крупнейшими в стране заводами, такими как УАЗ, УМЗ, «Гидроаппарат», «Авиастар». Они дали городу тысячи рабочих мест, инфраструктуру, развитие. Веками ранее купцы и промышленники строили новые населённые пункты, открывали новые земли и территории, прокладывали туда дороги и множили славу и силу страны. Однако кто из нас помнит о таких знаменитых в старой России людях из Симбирска, как **Иван Борисович**, **Яков Борисович Твердышевы** и **Иван Семенович Мясников**, основавших богатейший род промышленников? На Урале, где они открывали заводы и были отцами целых городов, их чтят и не предают забвению.

Перенесёмся в 1723 год. Российский император Пётр I плыл по Волге в Дербент. Когда он проплывал мимо Симбирска, внезапно поднялся сильный шторм, было решено сделать остановку. Для доставки царя на берег был направлен паром, среди гребцов оказались трое юных друзей: Иван и Яков Твердышевы и Иван Мясников. Когда гребцы доставили царя на берег, он пригласил их на чай. Для царя на берегу была разбита специальная палатка. За чаем царь задавал всевозможные вопросы и был приятно удивлён умными ответами расторопных симбирских парней.

– А что это такие сметливые ребята сидят паромщиками на Волге, – спросил Петр I, – а не идут искать счастья? Например, добывать и плавить железную руду на Урале, как это сделали Демидовы.

– У них изначально имелись капиталы, – оживились симбиряне.

Царь понял намёк.

– Я помогу, а вы потом поможете мне и государству. Нам много надо железа: делать корабли, лить пушки. Вот вам по 500 рублей, а когда найдёте руду, передам вам те земли в вечное пользование.

К слову сказать, именно в XVIII веке усилиями Петра Великого были сметены запреты на пути не только дворянства, но и широкого круга лиц из числа купечества и государственных служащих для привлечения их к поиску рудных мест и строительству горных заводов. Для развития «рудокопных заводов» был учреждён Берг-коллегиум с неограниченными полномочиями в горных делах. Был объявлен указ, по которому «соизволяется всем, и каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо…»

Точно ли так было с нашими земляками Твердышевыми и Мясниковым или несколько иначе, но очевидно одно: нашли симбиряне на Урале руду, построили заводы и стали такими же богатыми, как заводчики Демидовы, и составили им весомую конкуренцию.

Накануне Пугачевского восстания симбирские купцы владели 11 металлургическими заводами на Южном Урале и заняли лидирующее место в чугунолитейном и железоделательном производстве. В конце 1760-х – начале 1770-х годов их заводы поставляли 22–23% общероссийской меди, 12–13% железа. Производимая сталь пользовалась огромной славой в России и за рубежом. Главное её достоинство – фантастическая прочность.

Почему же имена этих промышленников в наши дни пребывают в забвении?

В советские времена краеведческая литература не жаловала купцов вниманием и принижала их роль в экономике старой России. Твердышевых и Мясникова просто забыли, причислив к «враждебному элементу». Лишь с недавнего времени исследователи начали давать объективную оценку их деятельности.

За заслуги перед государством по указанию императрицы Елизаветы в 1758 году Ивану Твердышеву и

Ивану Мясникову были пожалованы чины коллежских асессоров, что дало им потомственное дворянство.

В ходе Крестьянской войны заводские крестьяне и мастеровые предприятий перешли на сторону Емельяна Пугачева. Все заводы Мясникова-Твердышевых, за исключением Богоявленского, были разрушены и сожжены. Однако уже к 1777 году их восстановили. Интересно, что наш земляк Мясников упоминается в архивных заготовках к «Истории Пугачева», в дорожной записной книжке Александра Пушкина в записи «Панин. Дом Пустынникова». Эти строки отражают пребывание Пушкина 9–14 сентября в Симбирске, где ему и рассказали о большом каменном особняке Мясникова, в котором с 1 октября 1774 находилась штаб-квартира генерал-аншефа Панина, командующего войсками, подавлявшими Пугачевское восстание. В этом доме Панин публично допрашивал Пугачева, доставленного из Яицкого городка.

Дом Ивана Семеновича Мясникова, более известного в Симбирске под фамилией Пустынников, на то время был единственным кирпичным сооружением во всём Симбирске и стоял на территории бывшего танкового училища.

В мае 1767 года Екатерина II предприняла большое путешествие по Волге. Императрица намеревалась до начала работы Уложенной комиссии познакомиться с населением Поволжья и состоянием дел в этом регионе, посетить прибрежные города, монастыри и достопримечательные места. Екатерина путешествовала по Волге от Твери до Симбирска на двухэтажной галере «Тверь». По тем временам это был настоящий шедевр судостроения, с роскошными помещениями и искусной отделкой, богато убранной, а по борту украшенной статуями.

Незадолго до предпринятого путешествия венценосной особы симбирский воевода сообщил богатейшему предпринимателю Ивану Мясникову, что императрица Екатерина II готовится к крупной экспедиционной поездке по Волге. Конечным пунктом будет Симбирск. Воевода пожаловался Ивану Мясникову (Пустынникову), что хороших домов в Симбирске нет и лишь только в его особняке возможно принять высокую гостью. Промышленник с удовольствием согласился и обещал финансировать приготовления к приёму Екатерины II. В доме Мясникова был дан богатый обед. Присутствовал весь цвет Симбирска во главе с воеводой. Екатерина II на следующий день изучала город, встречалась с купцами и простым населением. Пешком прошлась по центральной улице города. Посетила Петропавловскую церковь, которая, по преданию, была построена на том месте, где когда-то останавливался Петр I и встречался с молодыми Мясниковым и братьями Твердышевыми. По рассказам старожилов, Екатерина II у этой церкви посадила кедр. Она щедро отблагодарила за радушный приём и, как гласит легенда, выступила в роли свахи.

У Ивана Семёновича было четыре дочери. Для столичного светского общества дочери-наследницы И.С. Мясникова являлись представителями незнатного рода, но самыми богатыми невестами России. Это позволило им сделать приличные партии и приумножить богатство многих знатнейших русских фамилий. Дочери Ивана Мясникова были выданы за екатерининских придворных: Пашкова, Бекетова, Дурасова и Козицкого. Женихи получили в приданое за своими женами каждый по 19 000 душ крестьян с землями в Симбирской губернии, а также по два железных завода в Оренбургском крае.

Екатерина Козицкая

Екатерина Ивановна Мясникова была выдана за Григория Васильевича Козицкого – статс-секретаря императрицы. Григорий Васильевич был блестяще образован. Окончил Киевскую духовную академию, учился в Лейпцигском университете. Состоял на службе у графа Григория Григорьевича Орлова. В 1767 году императрица назначила его к себе секретарем. Григорий Козицкий прекрасно знал древние и новые языки. Дочь простого мужика иностранных языков не знала, не было у девушки и светского образования, но благодаря природному уму смогла занять достойное положение при дворе императрицы и должное место в высшем свете. Немалую роль, бесспорно, сыграл и тот факт, что Екатерина Ивановна была баснословно богата. Много сил она положила на устройство городских и загородных домов для своего семейства. В самой Москве по её заказу в 1790-х годах был построен известным архитектором М.Ф. Казаковым дом, где позднее разместился Елисеевский магазин; Сергиевский переулок, на углу которого он стоял, был переименован в честь новой хозяйки дома в Козицкий переулок. В браке родились дочери: Александра и Анна. Анна выйдет замуж за овдовевшего князя А.И. Белосельского-Белозерского и станет мачехой знаменитой Зинаиды Волконской.

Дом Козицких

Александра Лаваль, в девичестве Козицкая

Наиболее интересной личностью была старшая дочь Козицких Александра Григорьевна. Она занималась переводами. Во время путешествий за границу встречалась со многими выдающимися людьми.

В возрасте 27 лет Александра Григорьевна вышла замуж за французского эмигранта Ивана Степановича (Жан-Шарля-Франсуа) Лаваля, приехавшего в Россию в начале Французской революции.

Иван Степанович Лаваль

Мать, Екатерина Ивановна Козицкая, была против этого брака. Тогда Александра Григорьевна обратилась за помощью к самому императору Павлу I. Резолюция Павла гласила: «Обвенчать через полчаса». Жили супруги в одном из красивейших домов в Петербурге, который был известен как дом Лавалей. Этот особняк Александра Григорьевна превратила в один из самых знаменитых литературных салонов Петербурга. Салон стал центром культурной и политической жизни столицы первой половины XIX века. Здесь собирались поэты, писатели, любители искусства.

10 марта 1816 года Н.М. Карамзин читал здесь неопубликованные главы своей «Истории государства Российского». Здесь же читал свои неопубликованные произведения Александр Сергеевич Пушкин. В салоне у Лавалей бывали В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, А.С. Даргомыжский, бывал и император Александр. Одним словом, в салоне Лавалей присутствовал весь цвет отечественной культуры России: П.А. Вяземский, А.И. Тургенев, И.А. Крылов, Н.И. Гнедич, А.Н. Плещеев, И.И. Козлов, И.И. Дмитриев, А.Н. Оленин, Ф.П. Толстой, З.А. Волконская и другие. В доме графини Лаваль находилась одна из богатейших художественных коллекций, которую хозяйка собирала в течение многих лет, путешествуя по Западной Европе. В 1852 году коллекция была приобретена Эрмитажем, там она хранится по сей день. В браке у Лавалей родилось два сына и четыре дочери. Самой известной стала старшая дочь Лавалей Екатерина Ивановна.

Дом Лавалей

Сергей Трубецкой

Екатерина Ивановна вышла замуж за одного из руководителей Северного тайного общества декабристов полковника Сергея Петровича Трубецкого. И теперь в доме со львами-философами (так называли дом Лавалей) стали встречаться участники будущего восстания: К. Рылеев, Е. Оболенский, И. Пущин, В. Кюхельбекер и другие. После поражения восстания и вынесения приговора участникам восстания Екатерина Ивановна последовала за осуждённым мужем в Сибирь. Вместе с княгиней Марией Волконской они стали первыми русскими женщинами, совершившими подвиг благородства, любви и верности. Княгиня Трубецкая станет героиней поэмы Н.А. Некрасова «Русские женщины».

Екатерина Ивановна Трубецкая

После восстания на Сенатской площади, расположенной в непосредственной близости от дома Лавалей, потребовалось два года, чтобы течение жизни в литературно-музыкальном салоне Лавалей вернулось в прежнее русло. Однако события прошлых лет внесли определенные коррективы: к светским беседам и обсуждению актуальных вопросов теперь добавилось чтение писем, пришедших с сибирской каторги. Дом стал своеобразным «штабом связи» между осуждёнными декабристами и их родными.

С 2008 года здесь расположен Конституционный суд России.

Сестра Екатерины – Ирина Ивановна Мясникова была выдана замуж за представителя знатного рода гвардейского офицера Петра Афанасьевича Бекетова. Семья эта славилась широкой благотворитель-

Ирина Ивановна Бекетова

ностью. Фамилия Бекетовых в России была очень известной. Отец Петра Афанасьевича, полковник Афанасий Алексеевич Бекетов, был воеводой в Симбирске около 1730 года. Его дочь Екатерина Афанасьевна вышла замуж за симбирского помещика Ивана Гавриловича Дмитриева. Впоследствии её второй сын Иван Иванович Дмитриев стал известным в России поэтом-баснописцем и министром юстиции. Таким образом, Пётр Афанасьевич Бекетов – родной дядя И.И. Дмитриева. Младший брат Петра Афанасьевича – Никита Афанасьевич Бекетов – был астраханским губернатором. Именно он организовал поездку императрицы Екатерины по Волге в 1767 году.

Наследственной вотчиной для Бекетовых стало село Лаишевка, что совсем рядом с Симбирском. Лаишевку ещё в середине XVIII столетия купил Яков Твердышев. В 1782 году здесь открыли Лаишевскую суконную фабрику. От четы Бекетовых село Лаишевка перешло к их дочери Екатерине Петровне, а потом к внучке Софье Сергеевне, в замужестве Бибиковой, её муж Дмитрий Гаврилович Бибиков был министром внутренних дел России. Дочь министра Бибикова Зоя Дмитриевна Бибикова вышла замуж за международного дипломата Артура Павловича Кассини и стала последней наследницей Лаишевки. Задумала Зоя Дмитриевна сделать это село самым передовым в Симбирской губернии. Она отремонтировала мельницу, которая вскоре стала одной из лучших в уезде. Занялась земледелием, применив редкий в те годы рядовой посев зерновых, стала разводить породистый скот. Внук Зои Дмитриевны Олег Кассини стал известнейшим модельером в США. Именно он одевал жен президентов Жаклин Кеннеди и Хиллари Клинтон и многочисленных голливудских звёзд.

Зоя Дмитриевна Бибикова (Кассини)

Не менее интересна личность ещё одной из сестёр Мясниковых. **Дарью Ивановну** императрица выдала замуж за Александра Ильича Пашкова. Это был небогатый, но очень расчётливый помещик села Верхнее Талызино Курмышского уезда Симбирской губернии. Женившись на богатой наследнице Дарье Ивановне Мясниковой, он разом стал владельцем земель на Южном Урале с рудниками и железоделательными заводами и обширных земель в Нижегородской губернии.

Дарья Пашкова

Богатое наследство позволило Дарье Ивановне жить в Москве. Обосновавшись с семьей в первопрестольной, она вкладывала в московские земли и строения громадные деньги. Имя этой нашей землячки связано с одним из самых красивых строений Москвы – домом Пашкова. Его построил в 1784–1786 годах двоюродный брат её супруга – капитан-поручик лейб-гвардии Семёновского полка Пётр Егорович Пашков, сына денщика Петра I. О денщике следует сказать особо. В 1722 году он был назначен прокурором Военной коллегии, а в 1723 году стал членом вышнего суда. Своё огромное состояние Егор Пашков нажил во многом благодаря пожалованию имений казнокрадов, чьи злоупотребления он расследовал. После его смерти все богатства унаследовал сын – Пётр Егорович Пашков. Он приумножил отцовское состояние, став богатым московским откупщиком и первым русским «водочным королём». В то время далеко не все дворяне желали общаться с подобным человеком. Как бы сказали сейчас, Пашков был нерукопожатным. Но очень тщеславным. Потому и задумал возвести дом, который должен был потрясти всю Москву. Архитектором дворца стал, предположительно, знаменитый зодчий Василий Баженов, который в ту пору был в опале, поэтому, возможно, Пашков не предавал широкой огласке его участие в строительстве. Волшебным замком назвал этот дом немецкий путешественник XVIII века И. Рихтер. Пашков выстроил «кремль одного человека» – «Пашков дом», оставшийся памятником его богатству и амбициям. Всё здание кажется ажурным, лёгким, парящим над Москвой. Создав городскую усадьбу, строитель естественно сочетал выразительность древнерусского зодчества с ясностью и уравновешенностью классической архитектуры. Комплекс зданий включал главный дом, флигели, манеж, конюшню и ограду. В своё время к улице выходил прекрасный английский сад, в котором был чистый, полный, как налитая чаша, пруд, выстланный камнем, были водометные фонтаны, гроты, пещеры. По пруду плавали лебеди, по дорожкам важно расхаживали журавли и павлины.

В 1812 году во время московского пожара дворец сильно пострадал. Восстанавливали его архитекторы О.И. Бове, И.Т. Таманский, С.И. Мельников. Хотя строение тогда было частным, казна выделила на его восстановление большие деньги, ибо дворец был лицом Москвы, её гордостью, её красой. Внешний вид дома после пожара почти не претерпел изменений.

Пётр Егорович Пашков умер бездетным. Жена ненадолго пережила его. Все владения Пашковых перешли к двоюродному брату Александру Ильичу Пашкову. Не располагая достаточными средствами для содержания роскошной усадьбы, он начал подумывать о выгодной продаже этого уникального строения, но тут случилась подходящая партия. Александр Ильич повёл под венец одну из самых богатых невест России – Дарью

Алексей Дурасов

Мясникову. Жили супруги на широкую ногу, ни в чём себе не отказывая. Теперь здесь каждый день бывало множество знатных людей, устраивались балы с фейерверками по любому случаю. Надо отдать должное Александру Ильичу: он не только страстно берёг доставшийся ему красивейший особняк, но и расширял и украшал дом.

Дом Пашкова стал первым светским зданием в Москве, из окон которого можно было смотреть на постройки Кремля не снизу вверх, а гордо – сверху вниз! Считается, что с бельведера этого здания герои романа Булгакова «Мастер и Маргарита» Воланд и Азазелло смотрели на город и прощались с ним перед тем, как покинуть его навсегда.

Кстати, внук Дарьи Ивановны и Александра Ильича – генерал-майор Александр Васильевич Пашков – был женат на Елизавете Петровне Киндяковой.

Ещё одна дочь Ивана Семеновича Мясникова – **Аграфена Ивановна** была выдана за представителя известного дворянского рода Алексея Николаевича Дурасова. Новая ветвь

рода сильно разбогатела за счёт этого брака. Представители ветви выстроили под Москвой усадьбы Люблино и Горки, а в Москве – великолепный дом на Покровском бульваре, давший название Дурасовскому переулку.

Поженившись в 1750 году, Алексей и Аграфена стали жить в Симбирске, в доме-дворце Мясниковых. Старшим из детей Дурасовых был Николай. Родился он в Симбирске в 1760 году, здесь провёл своё детство и юность. В годы учёбы подружился с будущим баснописцем Иваном Дмитриевым. Николай был человеком творческим и страстно мечтал создать театр. Мечта осуществилась: Николай устроил театр в доме Мясникова. Артистов он набрал из своих крепостных крестьян.

Николай Дурасов

В 1780 году состоялось первое представление – эта дата стала днём рождения театра в Симбирске-Ульяновске. Театр просуществовал пять лет. Николай Дурасов с 1784 года служил офицером в лейб-гвардии Измайловском полку, пока не унаследовал, ближе к концу царствования Екатерины II, состояние родителей. Из дедовских мануфактур ему достались Верхотурский и Юрюзань-Ивановский заводы. Великое богатство позволило ему оставить службу и поселиться в отцовском имении Никольском, стоявшем на берегу Волги. В 1792 году императрица «всемилостивейше пожаловать соизволила в отставку» Дурасова «с награждением бригадирским чином».

Небольшого роста, но желавший иметь всё огромное, хлебосольный и радушный хозяин на свои никольские пиршества созывал чуть ли не всю Симбирскую губернию. Имел Дурасов собственный театр и оркестр, был широко известен своим гостеприимством. Никольское в те годы стало центром усадебной культуры Приволжья. В 1785 году Николай Алексеевич Дурасов передал свой дом Симбирскому дворянскому собранию, а свой любимый крепостной театр перевёз в село Никольское-на-Черемшане, которое располагалось недалеко от Симбирска. Считалось невозможным проехать мимо Никольского, не заглянув к владельцу имения. В 1798 году у Дурасовых в Никольском побывал с родителями будущий известный писатель Сергей Тимофеевич Аксаков. Это посещение он опишет позднее в повести «Детские годы Багрова внука».

В 1800 году Дурасов купил у князя А.В. Урусова, оплакивавшего смерть единственной дочери, подмосковное Люблино и велел строить там виллу в форме ордена Святой Анны, полученного им от императора Павла; статую же этой святой он велел водрузить на крышу здания. Ничего более экстравагантного в Москве ещё не видели. После окончания строительства здания Дурасов оставил своё волжское поместье (где позднее бывал лишь наездами) и с великой пышностью зажил в Москве. Москвичам он запомнился как большой оригинал с замашками самодура. Крепостной театр Дурасова в усадьбе Люблино славился на всю Москву и наряду с Шереметевским был широко известен в России. Здания театра и театральной школы располагались рядом с дворцом и частично сохранились до настоящего времени. В труппе и оркестре Дурасова было около сотни крепостных артистов, обученных в собственной театральной школе. Сегодня бывший крепостной театр Дурасова – часть архитектурного ансамбля с общим названием «Усадьба Люблино».

Вот так случилось, что визит венценосной Екатерины решил не только судьбу дочерей «железного короля», но и внёс в историю Симбирска новые имена, приобщил наш край к истории России.

Галина Величкина,
сотрудник
Ульяновского областного
краеведческого музея
им. И.А. Гончарова

Почему так названы улицы города?

В 2019 году в Великом Новгороде был издан сборник «Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года)». В числе многих статей по вопросам происхождения и функционирования топонимии регионов России и зарубежья есть статья «Необоснованные урбанонимы (на примере топонимической карты Ульяновска), написанная ульяновскими авторами А.П. Рассадиным и В.Н. Ильиным. Это издание рассчитано на научных работников, но некоторые моменты, упомянутые в этой статье, должны задеть за живое жителей Ульяновска.

Некоторые названия дореволюционного Симбирска до сих пор вызывают споры. Например, утраченное название нынешней улицы Радищева – *Мартыновская* (*Мартынова, Мартыновая*) некоторые исследователи связывают с летавшими над этим районом волжскими чайками, называемыми *мартынами*, *мартышками*, другие – с неким Мартыновым, возможно, имевшим дом (лавку) и земельный участок на этой улице.

Начиная с XX века имена улицам стала давать власть. Тогда же, особенно в первые послереволюционные годы, произошла глобальная трансформация названий в зависимости от социального строя и политической конъюнктуры (улицы *Бебеля, Либкнехта, Энгельса,* площадь *III Интернационала* и др.).

Иногда инициатива шла снизу, но результат был обратный. Так один из усадебных

посёлков в Заволжье был назван в среднем роде – *Индовое*. На вопрос – почему, инициаторы не смогли ответить. Просто им понравилось красивое слово, которое они сами же образовали от просторечного союза *индо*.

Ныне с одобрения властей наблюдается тенденция возвращения на карту города названий религиозного содержания. Тенденция по нынешним временам вполне объяснимая, но не до конца продуманная и бессистемная. До революции такие наименования возникали по названиям близлежащих церквей и монастырей. Была, к примеру, улица *Владимирская*, на которой располагалась церковь во имя *Владимирской иконы Божией Матери*. В 2009 году в Засвияжском районе появилась новая улица с аналогичным названием, но без всякого внятного объяснения и без наличия одноимённого храма. Можно предположить, что инициаторы могли ориентироваться на популярное имя князя Владимира-крестителя. В этом же районе с 2002 года существует Александровская улица, за которой может скрываться святой князь Александр Невский или же бизнесмен, по инициативе которого началось строительство улицы. В качестве современных примеров в определении религиозной подоплёки в названии новых улиц могут служить появившиеся в 2013 году улицы Михайловская, Покровская и Троицкая и одноимённые переулки в многодетном посёлке Железнодорожного района. Также не имеют объяснений улица и переулок Вяземские в этом же поселении.

Всегда ли так было с городской топонимикой?

Сейчас уже трудно объяснить простые названия дореволюционных улиц Лисиной и Лосевой (ныне улицы Карла Либкнехта и Федерации). Кому отдать предпочтение: каким-то домовладельцам или представителям животного мира? Тайна для будущих краеведов.

В 2011 году в рамках возвращения исторических названий улица *Советская* была переименована в улицу *Спасскую* при существующем ДК «Губернаторском», построенном в 1966–1971 годах на месте Спасского Новодевичьего монастыря. Логичнее было бы снести ДК, восстановить монастырь с древним названием и только потом переименовать улицу.

Бездумная смена названий порождает недоумённые вопросы: как совместить имя небесного заступника Симбирска блаженного *Андрея Огородникова*, в честь которого была переименована верхняя часть улицы *Энгельса,* а нижняя часть так и осталась с именем Фридриха *Энгельса*, человека, мягко говоря, далёкого от религии. В довершение всего улица Андрея Блаженного упирается в переулок Комсомольский, названный в память молодых безбожников, которые в 1920–1930-х годах активно рушили всё религиозное: храмы, памятники, вскрывали мощи всяких блаженных и местночтимых святых.

Бывшей с 1940 года советской площади Ленина в 2018 году было возвращено название Соборной площади. При отсутствии Троицкого и Николаевского соборов на Соборной площади остался памятник богоборцу Ульянову-Ленину. Всё это есть подтверждение неграмотности руководителей города, принимавших такие решения, или каши в их головах.

Проявлением элементарной беспринципности или нежелания вникнуть в проблему служат существующие названия улицы и переулка Бородина в северной части города, а ведь ещё в 1913 году улица Бородинская появилась на плане Симбирска в связи со столетним юбилеем окончания Первой Отечественной войны 1812 года. О восстановлении исторической справедливости ныне вести речь не имеет смысла.

При изучении истории городских улиц одной из постоянных проблем является наличие одноимённых улиц, возникших в разное время и в разных районах города. В большинстве случаев в документах отсутствуют сведения о мотивации выбора того или иного названия. Особые трудности возникают при исследовании названий с распространёнными фамилиями. В документах инициаторы забывали указать не только имя и отчество или хотя бы инициалы человека, но и не удосуживаются привести какие-либо его личные данные: профессию, отношение к городу. До сих пор нет ясности, в честь кого названа улица ***Ефремова*** в Засвияжском районе. В Ульяновске память о себе оставили как минимум двое Ефремовых: министр станкостроения СССР Александр Илларионович Ефремов, внёсший большой вклад в строительство завода тяжёлых и уникальных станков, и генерал, Герой Советского Союза Михаил Григорьевич Ефремов, который до войны жил в Ульяновске. Возможны оба варианта истолкования, потому что нет точных документов. Совсем непонятно отсутствие на родине Ульянова-Ленина однозначных данных по улицам с его родовой фамилией (шесть улиц и переулков). Только в одном наименовании 1940 года точно названо имя вождя, а по остальным приходится гадать и выбирать между Володей Ульяновым и членами его семьи.

На Верхней Террасе Заволжского района с 1963 года существует улица ***Гусева***. Она возникла до 1945 года и носила имя А.С. Пушкина. Но горисполком принял решение «в ознаменование 45-й годовщины освобождения г. Симбирска от белогвардейских банд и в целях увековечения памяти участников освобождения г. Симбирска… назвать их именами следующие улицы города Ульяновска … в Заволжском районе ул. Пушкина – ул. Гусева». Городские чиновники в этом решении в очередной раз посчитали ненужным указать инициалы, должность или звание достойного человека с довольно распространённой фамилией. А таких претендентов по выше приведённой мотивации переименования набирается как минимум два человека. Первым кандидатом следует назвать Гусева Сергея Ивановича, который в 1918–1919 годах был членом Реввоенсовета (РВС) Восточного фронта, но точных сведений о том, на каком участке фронта он находился, нет. В то время ему было 44 года. Единственным упоминанием о его связи с Симбирском является публикация в местной газете «Пролетарий» от 01.03.1919 г. о выступлении члена РВС Восточного фронта С.И. Гусева на Симбирской губернской конференции. Второй претендент – это наш земляк Гусев Дмитрий Николаевич, генерал-полковник и Герой Советского Союза, родившийся в селе Карсун Симбирской губернии. В свои 24 года он воевал на Восточном фронте, но ни в каких источниках о его участии в освобождении Симбирска не упоминается…

В северной части Ленинского района с 1953 года существует улица ***Глинки***, возникшая при переселении сюда жителей из мест, попавших

в зону затопления Куйбышевского водохранилища. В решении горисполкома от 04.06.1953 г. отсутствуют данные о профессии и инициалах Глинки. Поэтому до сих пор не установлено, в честь какого человека названа эта улица: или это композитор Михаил Иванович Глинка, или лётчик и дважды Герой Советского Союза Дмитрий Борисович Глинка, или местный литератор Александр Сергеевич Глинка-Волжский?

С 1947 года в посёлке (слободе) Туть Железнодорожного района существует улица Тургенева. До этого она именовалась как 4-й Инвалидный переулок, затем 1-я Пензенская улица. В честь какого человека из старинного дворянского рода Тургеневых переименовали старую поселковую улицу? Документы не дают ответа. В «Ульяновской-Симбирской энциклопедии» упоминаются пять Тургеневых, достойных такого увековечивания и имевших связь с Симбирской губернией. Исходя из классового воспитания советских людей, можно предположить, что имелся в виду Николай Иванович Тургенев (1789–1871) – декабрист и общественный деятель.

В завершение списка улиц-однофамильцев следует назвать известные со школьных лет фамилии Минина и Пожарского. Настолько известных, что до сих пор неясно, кого имели в виду городские деятели, так поименовавшие две соседние улицы в посёлке Связь Засвияжского района. Название улицы ***Минина*** существует с 1960 года, она была переименована в честь абстрактного Минина, т.к. в решении Ульяновского горисполкома от 02.02.1960 г. имя или профессия Минина не указываются. А наличие с 1951 года здесь же улицы ***Пожарского***, также без конкретизации его имени и деятельности, породило неоднозначность в толковании этих названий: или это герои русского ополчения 1612 года, или наши современники, никак не связанные друг с другом. Мотивация смены названий улицы была простой: «в целях упразднения одноименных улиц и переулков». Примерно с 1940-х годов улица Минина носила имя Чапаева, которого ни с кем не спутаешь. Но в Ульяновске улиц, названных в его честь, кроме посёлка Связь, было несколько: в Ленинском районе на Куликовке, в посёлке Сельдь и переулок в Володарском районе на Верхней Террасе. Решив проблему с дублированием Чапаевских названий, городская администрация породила вопрос о личности Минина. В данном случае можно только высказать предположение о поверхностном подходе городских чиновников, связавших имя Пожарского с князем Д.М. Пожарским – начальником Второго народного ополчения, освободившего Москву от польско-литовских оккупантов. В этом случае логично появление названия улицы в честь Минина Кузьмы (Козьмы) – посадского человека из Нижнего Новгорода, ставшего соратником князя. Чиновники в 1960 году не удосужились проверить инициалы и должность Пожарского, которым, с большой долей вероятности, мог быть И.А. Пожарский – Герой Советского Союза, погибший в 1938 году в боях у озера Хасан, уроженец города Ардатова Симбирской губернии. Такое сочетание фамилий в очередной раз иллюстрирует некомпетентность и историческое невежество инициаторов переименования. За неимением других фактов можно считать (до появления новых документов), что улица названа именем Кузьмы Минина, а Пожарский, скорее всего, Герой боёв у озера Хасан.

Но не всё так плохо. Есть светлые пятна! И не одно, а два! В центре города есть улица, названная с 1938 года улицей Островского – именно Николая, автора романа «Как закалялась сталь», а на Верхней Террасе в 1953 г. появилась улица Жуковского – «отца русской авиации», хотя о строительстве УАПК имени Д.Ф. Устинова никто тогда и не задумывался. Скорее всего, инициаторы забыли или не знали о существовании драматурга Александра Островского, в мае 1865 года путешествовавшего по Волге и посетившего Симбирск, и поэта Василия Жуковского, побывавшего в нашем городе в июне 1837 года.

Как известно, советское время породило огромное количество аббревиатур. Новые институции требовали и новых кратких названий. Так на карте города появились аббревиатурные урбанонимы. В 1920-х годах село Винновка, находившееся в южной части города, входило в состав колхоза *имени ОГПУ* (Объединённое государственное политическое управление). Тогда же там возник и одноимённый переулок. С таким названием *(ГПУ)* он просуществовал до 1977 года, хотя само *ОГПУ* было ликвидировано ещё до Второй мировой войны. С 1950 года на Верхней Террасе существуют улицы: 1-я, 2-я, 3-я и 4-я МТС.

Вроде бы практика аббревиатурных наименований ушла в прошлое и была прочно забыта. Но неожиданно возродилась в 2015 году, когда *17-й Инженерный* проезд в промышленной зоне Заволжского района Ульяновска был переименован в улицу *ДМГ МОРИ*. Таким своеобразным способом была отдана честь расположенной здесь немецко-японской станкостроительной компании. Инициатива, судя по документам, принадлежала администрации Ульяновской области.

В заключение хочется высказать несколько предложений, которые могут поправить ситуацию с появлением необоснованных наименований. В первую очередь, необходимо изменить состав и статус административной комиссии по переименованию при городской администрации. Право решающего голоса должны иметь специалисты (историки, лингвисты, ученые-урбанисты), а не чиновники. При появлении желания изменить название должна быть изложена мотивация этого устремления с предварительным освещением вопроса в средствах массовой информации и последующим анализом полученных отзывов. Переименование не должно быть простой механической операцией, т.к. спонтанная замена обесценивает предшествующие имена и наносит вред исторической памяти жителей.

Во избежание ошибок в процессе переименования следует выделять два варианта смены существующего названия: а) появление нового названия, отобранного по определённым критериям; б) возвращение старого названия. Во втором случае следует внимательно рассматривать все предшествующие названия – какому из них следует отдать предпочтение: последнему перед 1918 годом, более привычному или более благозвучному? Необходимо исключить практику присвоения названий улиц или их переименования в угоду сиюминутной идеологической конъюнктуре, субъективным желаниям власти или отдельных жителей.

Вячеслав Ильин

Где эта улица, где этот дом...

Улицы нашего детства

От нашей улицы осталась лишь половина, она идёт от Дома офицеров вниз к Гончаровой и называется теперь именем брата Ленина – Дмитрия Ульянова, а вот самого дома, где мы жили, да и соседних домов не сохранилось – их снесли, когда началось строительство Ленинского мемориала. Раньше это была улица Труда, правда, когда мы на ней поселились, ничего «трудового» за ней не замечалось, скорее, наоборот. Чуть выше нашего двора была спецшкола для детей со слабым развитием. Сами ученики называли её школой дураков, хотя нам, 12-летним, вовсе не казалось, что мы чем-то от них отличаемся.

А. Егуткин. Портрет жены

Приехав с Урала, я не умела говорить, как было принято в Ульяновске: с тягучими интонациями, вроде: «Да-а-а-а?» То ли вопрос, то ли утверждение! Тёплую уличную телогрейку почему-то называли фуфайкой, а у нас в Свердловске так звалась обычная кофта. Вместо «что» некоторые люди говорили «чово». А уж про игры и говорить нечего: «ляпы» называли «догонялками», беговую лапту – «гуси-лебеди». В «штандер» тоже играли по-другому. Саранки – рыжие в крапинку цветы – здесь называли лилиями, хотя я всегда знала, что лилии плавают по воде.

И одевались иначе. Мама, носившая в Свердловске шляпку с цветами, уже на вокзале услышала от мальчишек: «У тётеньки на голове огород». Я же свою шапку, как только выходила из дома, запихивала в портфель и вытягивала из-под пальто тёплый платок, чтобы быть как все девочки в классе. Всё это я проделывала перед большими окнами соседнего банка – самого внушительного здания нашей улицы, единственного в городе такого учреждения. Теперь же только на улице Гончарова я насчитала больше десяти банков! Недавно узнала, что помещения огромного здания Центробанка теперь сдаются в аренду, а сам офис переехал в другой город. С грустью подумала: вот бы передать это величественное сооружение художественному или краеведческому музею – сколько лет они ютятся в одном здании с протекающей крышей! Когда-то музей-памятник

Аркадий Егуткин. 1955

Галина Печёркина. 1955

В 10-м классе

Галина Печёркина (крайняя слеваа) с родителями и сестрой

И.А. Гончарову на Венце был возведён на пожертвования состоятельных граждан. Нынешние миллионеры вряд ли раскошелятся на подобное здание. Зато на гостиницу «Хилтон» (теперь уже «Редисон») средства нашлись… Это вместо обещанного здания цирка (именно на этом месте когда-то в летнее время ставили цирк «Шапито»). Зимой здесь заливали каток – небольшой, но он всегда был многолюдным.

Венчал нашу улицу Труда зелёный сквер, последний на улице Гончарова, огороженный раньше, как и все остальные скверы центральной улицы, чугунной решёткой.

Памятным для меня остался старинный деревянный дом возле нашего двора, чуть выше углового здания, что напротив банка (до революции это была частная типография, а в наше время – Дом политпросвещения и Народный университет). В деревянном доме с мезонином, о котором я говорю (его теперь нет), жила замечательная семья моей первой учительницы русского языка и литературы Клавдии Алексеевны. Чтобы попасть в их дом, нужно было со двора пройти мимо шеренги роскошных георгинов, которые выращивала её сестра. Их обычно приобретали на большие торжества. В доме, пахнущем стариной, было много замечательных вещей, но больше всего запомнился удивительный «кинескоп» в форме деревянного ящика с окошечком. Заглянешь в глазок – и перед тобой сцена с артистами. А это просто фото, но как в голографии с живыми лицами –

Мама и папа. Ульяновск, 1950

Аркаша (справа) с братом Борей на фоне родной 1-й Ленинской школы, которую потом окончили наша дочь Анна и внуки. Ульяновск, 1957

смотрят на тебя внимательно, и только по одежде понимаешь, что снимок сделан много лет назад. В память об этом доме мы храним подаренный в чёрной резной раме портрет А.П. Чехова. Не сразу заметишь под стеклом, что он составлен из мелко написанных от руки нескольких рассказов Антона Павловича. Муж Клавдии Алексеевны – инженер, принимал участие в строительстве железнодорожного моста через Волгу – любимого нашего ажурного моста, построенного всего за два года (1914–1916) – это при той-то технике! Невероятно… Новый-то мост строили, хоть и с перерывами, почти сорок лет!

У нашего дома по улице Труда, 7 оказалась очень короткая биография, и вот почему. Мало кто теперь помнит про знаменитое «спиртовое дело» послевоенных лет, сфабрикованное НКВД. Повзрослев, я узнала, что это было за «дело», из-за которого покончил с жизнью отец моей подруги Лили Соколовой. Один из руководителей партизанского сопротивления в Белоруссии, он был назначен в Ульяновск заместителем начальника НКВД Кремяна, ставленника Берии. С самого начала отношения между ними не сложились. Выступая против несправедливого обвинения большой группы партийно-советских работников в расхищении спирта на заводе Володарского, он понял, что будет арестован. Спасая от ареста семью, Соколов покончил с собой. Позже Лилина мама рассказала, что Кремян тут же приехал к ним домой без охраны, перерыл все вещи, забрал документы покойного. Лиля, умница в отца, окончила школу с золотой медалью, потом – Казанский химико-технологический институт, занималась разработкой ракетного топлива. Её старший брат Вадим Соколов стал народным артистом РСФСР, младший – офицером Советской армии. Это будет потом, а пока… Всё руководство Ульяновска во главе с первым секретарём обкома партии Терентьевым было уволено. Понадобились новые сотрудники. Их присылали из разных мест. Семья Гончаренко приехала

с Украины, из Краснодара – Николаевы. Прибыли (не помню откуда) Праведновы, Коховы, Степаненко, Гуренковы. Кискины, а потом и Печёркины были направлены в Ульяновский облисполком из Свердловска. Мой папа, инженер-экономист по профессии, попав, как тогда говорили, в номенклатуру, как и другие члены партии, собой не располагал, и уже не мог после войны вернуться в родной Ленинград.

Жилья в Ульяновске на всех приезжающих не хватало, и в спешном порядке начали строить два восьмиквартирных дома в глубине двора на улице Труда. Нашу квартиру в Свердловске уже отдали трижды чемпионке мира по конькам Римме Жуковой, и какое-то время мы с мамой и сестрой жили с ней вместе. Римма брала меня на стадион, и коньки стали потом моим любимым видом спорта.

В Ульяновск мы перебрались летом 1949 года – сначала в гостиницу, что была с торца драмтеатра. Напротив гостиницы с раннего утра выстраивалась очередь за хлебом. В магазин впускали только по номеркам, написанным на руке. Ещё хорошо помню: за зданием театра и гостиницы была большая куча мусора и битого кирпича, по ней лазили и кидались камнями мальчишки, и я боялась ходить мимо. Говорили, что это развалины Троицкого собора, якобы сгоревшего. Пыль летела во время сильного ветра в сторону памятника Ленину, и тогда дворничиха поливала кучу из большого чайника.

Наш новый двор тоже был засыпан строительным мусором и щебёнкой. Все новосёлы дружно взялись наводить порядок. Небольшие квартирки (по четыре в каждом подъезде) имели очень узенькие окна и малюсенькие форточки, через которые в зимнее время трудно было просунуть сетку с продуктами – никаких холодильников тогда не было, как и парового отопления, и горячей воды. Зато у меня был прекрасный, купленный в комиссионке (на выигранные по лотерее деньги) трофейный велосипед «Мифа». Я носилась на нём по площади и мимо Дворца книги (только там и был асфальт). Мальчишки выбивали мне спицы, беря на таран, а коленки и локти у меня всегда были в ссадинах. Я могла на спор проехать на велосипеде «без рук» и даже «ноги на руль». Сосед Вовка регулярно чинил мой

После велосипедной прогулки. 1952

велосипед, ворча и ругаясь. Когда мы летом загорали на сарае, он обливал меня из форточки шлангом с холодной водой, а потом на выпускном вечере предложил выйти за него замуж.

Двор наш постепенно преображался. Посадили деревья и мальвы, под окном соорудили лавочки, а за домом – столик. Вечером выносили самовар и играли в карты, вели беседы.

Самыми близкими по двору на многие годы станут супруги Ливинтовы, приехавшие из Ленинграда по приглашению пединститута. Николай Григорьевич ушёл на фронт добровольцем прямо со студенческой скамьи, сражался на знаменитом Невском пятачке, был четырежды ранен. Его спасла лейтенант медицинской службы и будущая жена Варвара Александровна, ставшая потом заслуженным врачом РСФСР. Профессор-историк, автор восьми книг и полсотни статей, Николай Григорьевич воспитал целую плеяду учеников – они издали сборник его стихов «Раздумья». Вот одно из стихотворений, которое он написал на фотографии моего мужа, с которым они любили подолгу беседовать:

Кто подвигнет тебя к небесам,
Кто низвергнет тебя с высоты?
Только ты.
Чем расплатишься ты
за проигранный бой?
Лишь собой.
Что сказать мне тебе,
и любя, и скорбя?
Верь в себя, верь в себя, верь в себя.

Забегая вперёд, хочу сказать, что большой графический портрет Николая Ливинтова, написанный Аркадием Егуткиным, мы непременно передадим в дар кафедре истории Ульяновского педагогического университета, где учёного помнят и любят.

На Волге. Ульяновск, 1953

Много лет проработает в пединституте Лидия Георгиевна Шахова – лучший преподаватель зарубежной литературы, автор книги «Романтизм» – ценного пособия для учителей и аспирантов. Умница и отличница, Лида на долгие годы станет моей подругой и наставницей. Она много читала и часто высказывала недовольство, когда под её окнами в нашем дворе колотили мячом на волейбольной площадке или орали: «Штандер!» Зимой я часто просиживала в её комнате на сундучке и, затаив дыхание, слушала историю «Отверженных» Гюго и «Собора Парижской Богоматери», и ещё чего-то, что не успевала читать, мотаясь то на коньках, то на велосипеде, то на лодке.

Остров Серёдыш, куда мы перебирались в хорошую погоду, был любимым местом отдыха за неимением городского пляжа. Он навсегда остался под водой, когда в конце 1950-х стали строить Волжское водохранилище. Рассматривая свои школьные фотографии, с трудом верю, что эти в три обхвата деревья росли на Серёдыше – чудном острове напротив художественного музея. Перебираясь туда через небольшой пролив, мы ужасно боялись, когда лодку несло по течению к мосту, который строго охранял-

ся военными. Как-то раз нашу лодку чуть не потопили пьяные парни, и всё из-за моего длинного языка. Я стала ругаться, когда они пытались таранить нашу хилую плоскодонку, заливавшуюся водой. Тогда они выбросили в воду наши вёсла и всю одежду. Не помню, кто нас спас, кажется, Генка Кулагин, гроза хулиганов, с которым мы потом подружились.

Однажды вечером на улице Труда меня окружила ватага парней шпанского вида. Стали дёргать за бантики, хихикать, «брать под локоток». Но стоило мне произнести имя Генки Кулагина, как они тут же слиняли.

Зимними вечерами, когда рано темнело, я, оглянувшись, чтобы сзади никто не шёл, со всех ног вбегала в свой длинный, окружённый сараями двор и врывалась в подъезд (раньше они не запирались).

Зимой нас радовали огромные сугробы, и мы делали «бабочки», падая в снег во весь рост, а потом двигали руками вверх-вниз, рисуя крылышки. Снежные бабы с красными носами-морковками стояли во дворах, как сторожевые с мётлами, и никто их не рушил, пока они сами не начинали таять от весеннего солнца.

После свердловского двора с кучей каменного угля и большой помойкой наш зелёный дворик полюбился мне на все десять лет, что мы там прожили. Постепенно в доме все перезнакомились, подружились, даже завели небольшие грядки, где сажали разную зелень. Но однажды был такой курьёзный случай. В доме, построенном после наших двух, выходившем на улицу (он и теперь ещё жив), поселился молодой, но важный начальник. Около своего подъезда он выгородил себе отдельный участок и обнёс его досками. Соседи тихо возмущались, но сказать ему не решались. И тогда мы, ребятня, ночью в темноте растащили весь этот незаконный забор. Его хозяин грозился пожаловаться, справедливо подозревая меня в организации хулиганства, но дело замяли, а загородку он больше не ставил.

Мы очень любили играть во дворе в волейбол, но сетку у нас неоднократно воровали, и тогда мы натягивали простую бельевую верёвку.

Я училась в девятом классе, когда после короткого «делового» знакомства к нам во двор стал заходить с папкой под мышкой Аркаша Егуткин. Уставший, но довольный после этюдов он приходил к своему однокласснику Адьке Приходько. С высоты балкончика они оба посматривали на нас с неким превосходством, поплёвывая семечки. Я, маленькая, но шустрая обычно стояла в волейболе на подаче и забивала мяч не хуже мальчишек.

Ко Дню Победы мы с Лилей Соколовой решили поставить спектакль о Зое Космодемьянской – Герое Советского Союза. Кружков в школе не было, и мы репетировали дома. У меня уже был какой-никакой опыт по Свердловску, где в 4-м классе мы ставили «Хижину дяди Тома». Теперь задача была сложнее. Для партизанского отряда нужны были мальчики, а наша школа № 3 была женской. Через Юрку Москаленко, с которым мы познакомились в пионерском лагере, я передала записку секретарю комсомола девятого класса мужской школы № 1 с просьбой подобрать несколько человек, кто захочет принять участие в постановке. Сам секретарь Аркадий Егуткин от участия отказался, но его на скромную роль всё же уговорили. Наш учитель рисования, замечательный художник Пётр Григорьевич Панин сделал впечатляющую декорацию партизанского леса. По бокам сцены стояли живые деревья, в центре полыхал «костёр», сделанный из красных лоскутов и вентилятора. Я как режиссёр отвела себе главную роль (позднее я осознала: лучше бы Зою играла высокая, стройная Лиля). Аркадий, заглядевшись на героиню, забыл свою единственную реплику, которую ему шептали даже с первого ряда. На этом его театральная карьера завершилась, зато с этого позорного факта началась наша дружба, которая длится вот уже 70 лет.

Аркаша вскоре начал заниматься в изостудии Дворца пионеров (в этом здании теперь театр кукол), а я так и не прибилась ни в один драмкружок, стесняясь своей плохой памяти после того, как на школьном вечере забыла концовку стихотворения Некрасова «Парадный подъезд».

Наш двор из-за выломанных в заборе досок был почти проходным, и все, кто торопился в кино в Дом офицеров, лезли через дырку в заборе, чтобы быстрее добраться до кинозала.

Никуда не торопился только Витя-соловей. Он сидел на заборе и громким голосом распевал итальянские песни – по общему признанию, не хуже Робертино Лоретти. Когда в Ульяновск приехал с концертом знаменитый чтец Сурен Кочарян (он прекрасно исполнял «Витязя в тигровой шкуре»), мы с мамой (она была подругой жены Кочаряна) рассказали ему про Витю-соловья. Он захотел его послушать и готов был показать самородка своему другу – дирижёру Большого театра. Назначили встречу. Но Витя не пришёл. «Значит, не судьба», – сказал Сурен Акимович, сидя с мамой за чашкой чая. Его жена была родной сестрой первой жены Лемешева, и они отлично знали, каким трудом и упорством простой шофёр, скромный паренёк шёл к своему призванию, прежде чем стал знаменитым артистом.

Как-то, проходя по улице Труда, известный оперный певец Виргилиус Норейка, который только что вернулся из Италии, где учился вокалу, услышал из окон Дома офицеров Витю – он занимался там в вокальной студии. Норейка сказал: «Мне бы такой голос!»

Прошло много лет. Как-то вечером в картинной галерее Союза художников Аркадий Ефимович обратил внимание на нового охранника – полного пожилого человека. В лице мелькнуло что-то знакомое. «Скажи, ты на улице Труда на заборе пел»? – спросил Егуткин. Тот немного смутился. «Пел», – признался он. «А что же не пришёл, когда тебя пригласили на прослушивание?» – «А мне никто не сказал…»

С ним в студии занималась моя близкая подруга. Её уже нет на свете, и я казнюсь до сих пор, что так и не узнала, передала ли она Вите приглашение или забыла.

Вспомнился наш ровесник Миша Егоров. На смотрах я читала стихи, а он красивым своим голосом (но не лучше Витиного) пел забытую теперь песню: «То берёзка, то рябина, куст ракиты над рекой. Край родной навек любимый, где найдёшь ещё такой?» Он стал солистом Мариинского театра и считался лучшим исполнителем арии Ленского.

Так всё же: судьба или не судьба, как сказал артист Кочарян, проживший очень непростую жизнь…

Галина Печёркина

(Продолжение следует.)

2022 год богат на памятные даты и исторические события в жизни страны. Самая значимая – 100-летие образования СССР. 19 мая 1922 года была также образована Всесоюзная пионерская организация им. В.И. Ленина. В тот день Всероссийская конференция РКСМ приняла резолюцию «Детское движение». Пионерская организация существовала до начала 1990-х годов, но и сегодня старшее поколение людей вспоминает о ней как о яркой, деятельной и полезной, ведь пионерия оказала сильнейшее влияние на патриотическое и трудовое воспитание подростков. Самым массовым детским мероприятием XX века была пионерская военно-спортивная игра «Зарница». Она и сегодня продолжает жить и развиваться.

Военно-спортивной игре «Зарница» – 55!

10 января 1967 года газета «Пионерская правда» опубликовала приказ командующего Всесоюзной военно-спортивной игрой «Зарница» Героя Советского Союза маршала артиллерии Василия Ивановича Казакова: сформировать отряды и батальоны пионеров 5–8-х классов для участия в игре. В ответ редакция получила более 50 тысяч «донесений».

В первую «Зарницу» 1967 года было вовлечено шесть миллионов школьников от берегов Балтики до сопок Приморья. Вплоть до начала 1990-х ежегодно играли 11–16 миллионов школьников СССР и дружественных стран. Игра «Зарница» имела большое воспитательное значение. Она приучала к дисциплине, исполнительности, организованности. Воспитывала волю, настойчивость, умение дружить.

Зародились самые первые спортивные игры в середине 1920-х годов, когда легендарный Семён Михайлович Будённый вместе с пионерами «брал Перекоп» на московских Воробьёвых горах.

Игры стали популярными и в пионерских лагерях. Ни одна лагерная смена не проходила без отчаянного противостояния «синих» и «зелёных» или «жёлтых» и «голубых». Энтузиазм, с которым дети примеряли на себя роли разведчиков и сапёров, санитаров и политруков, связистов и стрелков, был колоссальным.

В январе 1941 года военно-физкультурный отдел «Пионерской правды» при поддержке комсомола организовал и провёл по всей стране оборонную военно-тактическую игру «На штурм!». По приказу начальника главного штаба игры в каждой школе из пионеров 5–8-х классов были сформированы отряды юных армейцев. Понять из приказа, что речь шла о детской игре, а не о настоящих военных учениях, можно было из пункта: «Командирам тщательно проверить перед игрой обмундирование юнармейцев – тёплую одежду, обувь, шапки, варежки». Со страниц газеты сам нарком обороны маршал Герой Советского Союза Семен Константинович Тимошенко напутствовал юнармейцев.

В дни зимних каникул 1941 года, вооружившись самодельными винтовками, ручными и станковыми пулемётами, а кое-где даже фанерными танками, миллионы детей по стране под надзором взрослых азартно ползали по снегу и «воевали» за знамя. Правила практически исключали физический контакт – даже снежки можно было бросать только в «пулемёт», но не в пулемётчика. Чтобы вывести противника из строя, достаточно было продемонстрировать численное превосходство. Интересно, что такие игры «Пионерская правда» позже проводила и в условиях настоящей войны: «Рейд в тыл врага» (1942), «На разгром!» (1943), «На штурм!» (1944).

Военно-спортивная игра требовала определённых знаний и навыков, и дети к ней готовились по-взрослому: познавали азы военной тактики, мастерили «вооружение», тренировались в беге на лыжах, учились составлять и читать карту, ориентироваться по компасу, перевязывать и выносить «раненых» с поля боя – в развлекательной форме проходили самую настоящую допризывную подготовку.

Эту практику в 1960-е годы решено было вновь вывести на всесоюзный уровень. Конечно, кардинально поменялась повестка – враг не стоял у ворот. «Военные учения» под руководством настоящих фронтовиков стали в первую очередь средством патриотического воспитания поколения, не заставшего войну.

Лейтмотив игры – быть достойными памяти отцов, отстоявших Родину. «Боевые операции» приурочивались к памятным датам Великой Отечественной войны, а в «мирное» время юнармейцы не только ходили строем и упражнялись в точности стрельбы, но ухаживали также за военными захоронениями, встречались с ветеранами и создавали школьные музеи славы.

Само название «Зарница» должно было напоминать «о больших военных грозах, которые шумели разрушительно на нашей земле во время Гражданской и Великой Отечественной войн».

Победитель районной военно-спортивной игры «Зарница», команда средней школы №29 Ленинского района г. Ульяновска, 1968

О том, какую роль отводили этой игре руководители страны, красноречиво говорит состав её организаторов и кураторов: ЦК ВЛКСМ, Министерство обороны и штаб гражданской обороны, Министерство просвещения, ЦК ДОСААФ, Комитет по физкультуре и спорту, общество Красного Креста.

Игру в разные годы возглавляли Герои Советского Союза: маршалы Василий Иванович Казаков и Иван Христофорович Баграмян, генералы армии Андрей Лаврентьевич Гетман и Иосиф Ираклиевич Гусаковский.

Не менее звёздным был и главный штаб «Зарницы».

Став официальной игрой пионерии, «Зарница» год от года обрастала правилами и приобретала чёткую структуру. Все правила и этапы были расписаны в методических рекомендациях, а особые задания главного штаба игры публиковала «Пионерская правда». В течение года «бойцы» посещали кружки по выбранной специальности (разведчики, стрелки, связисты, редакторы, санитары, повара, пожарные), сдавали физкультурные нормативы, готовились к викторинам, ходили в походы по местам боевой славы, в гости к ветеранам, участвовали в поисковой работе. Итоги подводила военно-тактическая игра на местности и конкурс специальностей.

Отряд, победивший в школьной игре, весной выходил на районные, городские соревнования. Здесь уже был более высокий уровень. Ребята соревновались в точности стрельбы из настоящего автомата, в скорости его сборки и разборки, установке походной палатки, разведении костра, тушении пожара, оказании первой помощи. Проводились викторины и конкурсы боевых листков, марш-броски, ориентирование на местности.

Наконец, счастливчики – около 100 сильнейших отрядов страны – съезжались на всесоюзный финал. Эта состязательная система позволяла любому отряду, даже из отдаленной сельской школы, выйти на всесоюзный уровень.

Финалы пионерской военно-спортивной игры «Зарница» проходили в Севастополе, Пскове, Бресте, Москве, Ленинграде, в других городах-героях, в местах боевой славы.

С первых дней существования игры в нее активно включились и ульяновские школьники. Были созданы юнармейские отряды, которые под руководством шефов, курсантов военных училищ начали подготовку к игре сначала в школе, затем в районе и городе.

В финале областной игры первенствовала команда юнармейцев из г. Барыша. Они же и приняли участие в первом финале Всесоюзной игры «Зарница» в городе-герое Севастополе на знаменитой Сапун-горе.

С большим вниманием и заботой к подготовке юнармейцев относились командование военного гарнизона, училищ, районные, городской и областной советы ветеранов, обком, горкомы, комитеты ВЛКСМ, областной ДОСААФ, военкоматы. Многие годы командующим областной пионерской военно-спортивной игрой «Зарница» был гвардии генерал-майор В.Л. Табакин, начальник Ульяновского гарнизона, начальник Ульяновского гвардейского высшего командного танкового училища имени В.И. Ленина. Строгий и мудрый, он всегда по-отечески заботился о детях и принимал все меры для успешного проведения игры. Только в 1968 году для участия в «Зарнице» было сформировано 417 батальонов с общим количеством 102080 юнармейцев. 13 командиров лучших отрядов представляли Ульяновскую область на слёте в международном пионерском лагере «Артек».

Отряд юнармейцев «Гимовец» средней школы № 29 (старшая пионервожатая Л.М. Курилкина) на протяжении нескольких лет занимал призовые места в областных играх и принимал участие в финалах всесоюзных игр в городах-героях Брест, Псков. В результате переходящий приз областного штаба «Зарница» был навсегда вручён средней школе № 29.

Под руководством полковника в отставке, военрука А.В. Сабитова, команда средней школы № 1 имени В.И. Ленина также блистала победами не только на областных соревнованиях, но и достойно представляла Ульяновскую область на всесоюзных финалах.

Накануне 60-летия Великого Октября ЦК ВЛКСМ, Центральный

совет Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина, главный штаб приняли решение о проведении VII финала Всесоюзной пионерской военно-спортивной игры «Зарница» в 1977 году (27 июня – 3 июля), в г. Ульяновске, на родине В.И. Ленина.

26 июня Ульяновская земля принимала гостей со всех уголков нашей необъятной страны. 80 отрядов юнармейцев (по 20 человек в каждом) прибыли на всесоюзный финал игры «Зарница-77».

Руководил мероприятиями командующий игрой Герой Советского Союза, генерал армии Андрей Лаврентьевич Гетман.

Командующий игрой «Зарница» Герой Советского Союза генерал армии А.Л. Гетман принимает рапорты в Торжественном зале

Команда-участница VII финала Всесоюзной военно-спортивной игры «Зарница» с почётными гостями в Торжественном зале Ленинского мемориала. г. Ульяновск, 1970

Открытие «Зарницы» состоялось 27 июня на площади В.И. Ленина, где выступила председатель Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина, секретарь ЦК ВЛКСМ Алевтина Васильевна Федулова.

Среди почётных гостей были Герои Советского Союза: лётчик-космонавт Евгений Васильевич Хрунов, лётчица женского комсомольского Таманского полка ночных бомбардировщиков Марина Павловна Чечнева, заслуженный лётчик-испытатель Константин Константинович Коккинаки, прославленный снайпер Владимир Николаевич Пчелинцев, участник Гражданской и Отечественной войн генерал-майор Порфирий Иванович Дьяков.

Заключительное мероприятие военно-спортивной игры «Зарница» прошло на Центральном стадионе Ленинского комсомола (ныне стадион «Труд»). Это было грандиозное событие. Победителем финальных соревнований Всесоюзной военно-спортивной игры «Зарница-77» стала команда школы № 19 города Димитровграда Ульяновской области.

Ульяновцы передали эстафету игры городу-герою Туле, где в 1979 году состоялся VIII финал игры «Зарница». Были и другие финалы.

Прошли годы. Многое изменилось в нашей стране. Прекратил своё существование СССР, а вместе с ним не стало и Всесоюзной пионерской организации. Но остались люди, преданные детскому движению. Свою любовь к игре «Зарница» они передали следующим поколениям. Знаменательно, что в Ульяновской области военно-спортивная игра «Зарница» практически не прерывалась. Ежегодно в регионе ведётся подготовка и проводится игра в учебных заведениях, в городах и районах области), а затем отряды-победители участвуют в областной игре.

Обновлению и дальнейшему развитию «Зарница» обязана министру обороны РФ С.К. Шойгу.

По его инициативе в январе 2016 года было создано Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое движение «Юнармия», главными целями и задачами которого являются всестороннее развитие, патриотическое воспитание детей и молодёжи, допризывная подготовка, возрождение старых и добрых традиций детских и молодёжных организаций. Основным мероприятием военно-прикладного направления была принята военно-спортивная игра «Зарница».

Команда юнармейцев средней школы № 2 р. п. Новая Майна Мелекесского района Ульяновской области, участница окружного финала военно-спортивной игры «Зарница Поволжья–2021»

Министерство обороны принимает активное участие в игре, выделяя личный состав для её проведения, обеспечивая материально-техническую базу. По словам начальника штаба регионального отделения В.И. Ульянова, «Юнармия» сегодня является основным участником и организатором «Зарницы» в области.

Она отвечает современным реалиям. Появились новые этапы – окружная, всероссийская военно-спортивная, патриотическая игра для разных категорий обучающихся, новые интересные конкурсы, дисциплины, военно-исторические викторины, квесты, активно используются компьютерные технологии, медиа. И все эти вершины стремятся покорить наши юнармейцы.

Ульяновские школьники принимали участие в военно-спортивной игре «Зарница Поволжья–2016», которая с 2013 года проводилась под патронатом полпреда президента России в Приволжском федеральном округе М.В. Бабича, а в настоящее время – И.А. Комарова.

В течение нескольких дней на базе СОЛДК «Самородово» участники из 14 регионов ПФО боролись за призовые места в военно-спортивных соревнованиях. Программа игры включала в себя 15 дисциплин: строевая подготовка, разборка и сборка АК-47, бег на 60 м, бег на выносливость, метание гранаты, пулевая стрельба, силовая гимнастика, преодоление полосы препятствий, военно-историческая викторина, основы безопасности жизнедеятельности (ОБЖ), плавание, спортивное ориентирование, конкурс «Равнение на знамя», тактическая игра на местности.

Ульяновскую область представляла команда Карсунской кадетской школы-интерната им. генерал-полковника В.С. Чечеватова «Симбирский кадетский корпус юстиции». На открытии игры было отмечено, что отборочными этапами «Зарницы» охвачено более 200 тысяч мальчишек и девчонок Поволжья. Игра стала наиболее массовой формой патриотических мероприятий в ПФО и самым масштабным проектом. В итоге все участники получили подарки, а призёры – кубки и дипломы.

В сентябре 2021 года в финале окружной военно-спортивной игры «Зарница Поволжья–2021» ульяновских юнармейцев представляла команда средней школы № 2 рабочего поселка Новая Майна Мелекесского района.

На торжественном открытии Владимир Колчин, помощник полномочного представителя президента РФ в ПФО, отметил, что в этой детской игре приняли участие уже более 300 тысяч ребят и помериться силами прибыли лучшие команды из всех регионов федерального округа. Помимо соревнований состоялись другие интересные мероприятия: встречи с ветеранами Вооружённых сил РФ, ветеранами боевых действий, Героями России, знакомство с выставками, квесты, экскурсии по историческим местам города.

В ходе игры формируются и проявляются лучшие качества ребят, будущих защитников Отечества. Радостно сознавать, что структура, основные цели, задачи и традиции военно-спортивной игры «Зарница», которые были заложены полвека тому назад, сохраняются и развиваются, и игра остаётся по-прежнему самым массовым детским движением в России.

Валентина Ефремова

В публикации использовались материалы из фондов ОГАУК «Ленинский мемориал», медиа, личного архива автора.

В октябре 2021 года мне довелось оказаться в городе-герое Волгограде. На сей раз – как участнице III Международной научно-практической конференции «Военно-исторические аспекты жизни юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации». Организатором этого традиционного мероприятия выступает Музей-заповедник «Сталинградская битва» при поддержке Министерства культуры РФ и Российского исторического общества.

Торжественный зал Музея-заповедника «Сталинградская битва». На открытии III Международной конференции по вопросам сохранения исторической памяти. 1 октября 2021 года

Часовые Сталинграда

На октябрьском форуме 2021 года прозвучало свыше 140 докладов и сообщений из 18 государств. Приоритетная тематика – 80-летие начала Великой Отечественной войны; 75-летие оглашения приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге, осудившего преступления нацизма.

Мой доклад «О героях былых времён. Из опыта выявления, сбора и использования материалов личных архивов участников войн и военных конфликтов» был включён в программу круглого стола. Как член Союза журналистов России и Российского исторического общества я представляла опыт создания ульяновских памятных книг по периоду Великой Отечественной войны: 13-томной Книги Памяти, десятитомника «Солдаты Победы», семитомника «Солдаты трудового фронта» и пятитомника «Детство, опалённое войной».

Ранее я побывала в Волгограде-Сталинграде в мае 2018 года. Результатом той творческой поездки стали материалы для ульяновских радиоэлектронных и печатных СМИ. Авторский фоторепортаж «Здесь осталась похороненной война» был размещён в журнале «Мономах» (№1-2019). Поездка 2021 года стала новым свиданием с городом-героем. Некоторыми фотофрагментами этой встречи и делюсь с читателями.

Памятный знак в честь Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова

Памятный знак открыт 8 мая 1990 года, накануне 45-летия Великой Победы, на волжской набережной, в районе дома № 37 по улице имени прославленного командарма. На гранитном постаменте надпись: «Есть в огромной России город, которому отдано мое сердце… Он вошёл в историю как Сталинград». Авторы композиции: скульптор Ю.В. Чуйков (сын маршала) и заслуженный архитектор России В. М. Сухорослов.

Василий Иванович Чуйков (1900–1982) с 12 сентября 1942 года командовал 62-й армией РККА. Его армия прославилась героической шестимесячной обороной Сталинграда. В уличных боях на территории полностью разрушенного города В. Чуйков ввёл тактику ближнего боя. Советские и немецкие траншеи располагались на расстоянии броска гранаты. Несмотря на превосходство 6-й полевой армии вермахта под командованием генерала Ф. Паулюса в

Командный пункт 62-й армии: начальник штаба армии Н.И. Крылов, командующий армией В.И. Чуйков, член военного совета К.А. Гуров, командир 13-й гв. сд А.И. Родимцев. Декабрь 1942 года

живой силе, советские войска постоянно контратаковали. С именем В. Чуйкова связывают появление в Сталинграде штурмовых спецгрупп. Они первыми внезапно врывались в дома, а для перемещений использовали подземные коммуникации. Уцелевшие строения (к примеру, дом Павлова), руины и подвалы становились неприступными бастионами.

Войска В. Чуйкова активно участвовали и в завершающем этапе Сталинградской битвы (17 июля 1942 – 2 февраля 1943). За массовый героизм и стойкость 62-я армия с апреля 1943 года стала именоваться 8-й гвардейской. Армия В.И. Чуйкова воевала в составе Юго-Западного, Южного, 1-го Белорусского фронтов, успешно действовала в важнейших операциях и на завершающем этапе войны – в Висло-Одерской и Берлинской наступательной операциях. Сталинградский опыт пригодился В.И. Чуйкову при взятии Берлина (16 апреля – 2 мая 1945). Недаром его называли «генерал-штурм».

Дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза В.И. Чуйков по его завещанию похоронен на Мамаевом кургане в городе Волгограде.

Памятный знак «Здесь начинался передний край обороны 13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева»

Это один из 17 подобных памятных знаков с башней танка Т-34 на территории Волгограда-Сталинграда, установленный на волжской набережной в 1948 году. В тот год их было сооружено 14, три знака установлены в 1964 году.

Памятник федерального историко-культурного значения. Автор проекта – заслуженный архитектор России, почётный гражданин города Волгограда Ф.М. Лысов.

Так обозначена линия переднего края обороны войск 62-й и 64-й армий. Она определена по состоянию на 19 ноября 1942 года – день начала наступления советских войск под Сталинградом.

Памятный знак погибшему мирному населению в дни Сталинградской битвы

Открыт в 1995 году. Авторы: скульптор Н. Павловская и архитектор В. Калиниченко.

По некоторым данным, к лету 1942 года в Сталинграде оставалось около 600 тысяч коренного населения. А в августе 1942 года прибыло дополнительно 450–500 тысяч эвакуированных с Украины, Смоленщины, из Орла, Курска, Ленинграда. 23 августа 1942 года 4-я немецкая воздушная армия обрушила первый бомбовый удар на перенаселённый Сталинград.

В течение дня было произведено две тысячи самолётовылетов. История войн доселе не знала столь массированного разрушительного авианалёта на мирное население.

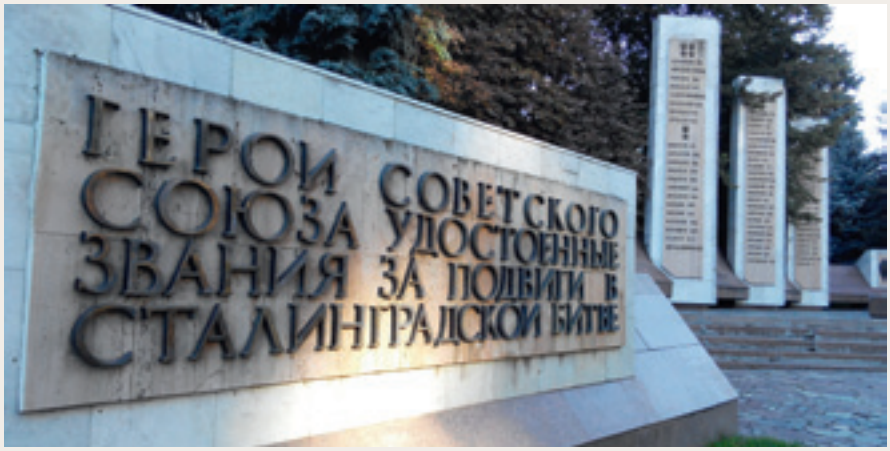
В результате первых вражеских бомбардировок с 23 по 29 августа 1942 года в Сталинграде погибло до 70 тысяч человек.

На Аллее Героев

Памятник Героям Советского Союза и полным кавалерам ордена Славы – героям Сталинградской битвы

Памятник открыт 8 сентября 1985 года. Художественные работы выполнены Волгоградским отделением Художественного фонда РСФСР. На стелах – 127 имен Героев Советского Союза, получивших это звание за отвагу в Сталинградской битве, а также 192 Героя Советского Союза – уроженца Волгоградской области.

В том перечне – уроженец Симбирской губернии, командир авиационного бомбардировочного корпуса, дважды Герой Советского Союза И.С. Полбин (1905–1945). В боях за Сталинград Полбин, командуя лишь двумя самолётами, уничтожил крупный вражеский склад горючего на станции Морозовская, снабжавший бомбардировочную авиацию. 23 ноября 1942 года ему было присвоено первое звание Героя Советского Союза и досрочно – звание подполковника. Погиб 11 февраля 1945 года при освобождении города Бреслау (Вроцлав, Польша) во время своего 157-го боевого вылета. Второе звание Героя Советского Союза И.С. Полбину присвоено посмертно.



Выпускник Ульяновской лётной школы Осовиахима, служивший в ней до фронта лётчиком-инструктором, Б.П. Алексеев (1913–1942) 19 декабря 1942 года, будучи ведущим четвёрки Ил-2, юго-западнее города Серафимович, произвёл налёт на сильно укреплённый оборонительный рубеж противника и нанёс ощутимый урон вражеским частям. В результате того боя три экипажа Илов под командованием мл. лейтенанта Б. Алексеева погибли. Пилотам Б. Алексееву и Н. Абдирову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Уроженец Симбирской губернии, выпускник Ульяновского танкового училища, командир танковой роты В.П. Хазов (1918–1942) доблестно сражался под Харьковом, затем – за Сталинград. В октябре 1942-го рота В. Хазова вела ожесточённый бой за Мамаев курган. В одной из атак ст. лейтенант Хазов был тяжело ранен, но по пути в госпиталь продолжал бить врага на броне танка из запасного пулемёта и погиб. 5 ноября 1942 года В. Хазову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Братская могила Р.Р. Ибаррури, В.Г. Каменщикова, Х.Ф. Фаттяхутдинова

Надгробный памятник сооружён в 1958 году по проекту заслуженного архитектора России Е.И. Левитана.

На трёхступенчатом постаменте – стела из красного полированного гранита с бронзовым барельефом коленопреклоненного советского воина и надписью: *«Здесь похоронены погибшие в боях с немецко-фашистскими захватчиками при защите Сталинграда славный сын испанского народа, Герой Советского Союза командир пулемётной роты гвардии капитан Ибаррури Рубен Руис, Герой Советского Союза лётчик-майор Каменщиков В.Г. и посмертно награжденный орденом Ленина артиллерист капитан Фаттяхутдинов Х.Ф.»*.

Рубен Ибаррури – сын председателя компартии Испании Долорес Ибаррури. С 1935 года воспитывался в Советском Союзе. Учился в Сталинградском авиационном училище, но уехал на родину сражаться с фашистами. С 1940 года – в рядах Красной армии. На Сталинградском фронте он командовал пулемётной ротой учебного батальона 35-й гвардейской стрелковой дивизии. 24 августа 1943 года на подступах к Сталинграду в боях за ж/д станцию Котлубань его рота уничтожила свыше ста солдат и офицеров противника. Р. Ибаррури получил смертельное ранение, скончался в госпитале 3 октября 1943 года. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Лётчик-волжанин Владимир Каменщиков первый день войны встретил на границе в районе Белостока. Звание Героя Советского Союза получил в августе 1941 года. В сражениях за родной Сталинград уничтожил пять вражеских самолётов, был награждён орденом Красного Знамени. Всего лично и в группе с товарищами сбил 37 самолётов противника. Погиб в районе города Белая Калитва Ворошиловградской области 22 мая 1943 года.

Горьковчанин Хафиз Фаттяхутдинов, будучи командиром артиллерийской батареи, 14 января 1943 года у разъезда Басаргино с десятью бойцами, имея на вооружении одно орудие и станковый пулемёт, вступил в бой с противником, превосходившим их численностью в десятки раз. В той схватке наши воины истребили сотни фашистов. Погибший капитан Х. Фаттяхутдинов посмертно награждён орденом Ленина.

Регулярно по осени в Сталинграде-Волгограде до глубокой старости бывала Долорес Ибаррури – испанская героиня – Пассионария. Накануне даты смерти единственного сына на рассвете, когда город ещё спал, она приходила с цветами на свидание к троим СЫНАМ.

Легендарный тополь, уцелевший во время боёв за Сталинград

«Тополь этот пронёс жизнь сквозь битву великую»

Так звучит надпись на мемориальной доске, установленной в 1975 году у подножия тополя, чудом уцелевшего в центре города во времена боёв за Сталинград. Он и по сей день высится по соседству с Вечным огнём и братскими могилами. В конце 1950-х известный архитектор Е. Левитан, занимавшийся восстановлением центра Сталинграда, решил сохранить чудо-дерево как воспоминание о довоенной планировке сквера. В феврале 1993 года городские власти объявили место произрастания тополя особо охраняемой территорией.

Дендрологический анализ показал, что этому экземпляру как минимум век. Но тополя обычно живут около 80 лет, и не исключено, что в ближайшее время Волгоград может потерять своё дерево-уникум, поэтому сотрудники Волгоградского ботанического сада решили клонировать знаменитый тополь. В июне 2013 года специалисты-ботаники провели первый этап операции по воссозданию его копии: стерилизовали два десятка тополиных почек.

На площади Павших Борцов

Высокий обелиск – памятник захороненным здесь в 1919 году жертвам белого террора, защитникам Красного Царицына (реконструировался в 1957 и 2002 гг.).

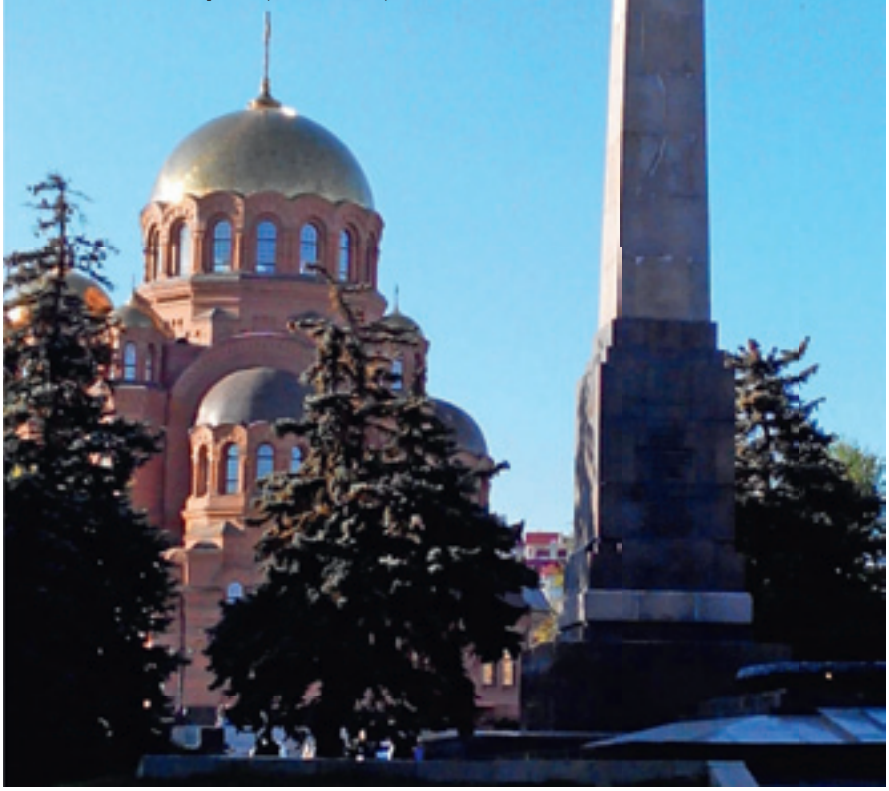
В сентябре 1942 года площадь Павших Борцов стала местом ожесточенных боев. После захвата этой части города гитлеровцами она была превращена в опорный пункт южной группировки их войск. В каждом из прилегающих к площади зданий находились 150–200 солдат и офицеров, сюда было стянуто значительное количество техники и артиллерии.

В подвале здания универмага размещался штаб командующего 6-й армией генерал-полковника (в последующем – фельдмаршала) Паулюса. Героическими усилиями советских войск враг был уничтожен и пленён. 4 февраля 1943 года на площади Павших Борцов состоялся исторический митинг победителей. Ныне восточная часть общего мемориала в форме саркофага является надгробием братской могилы защитников Сталинграда, погибших в 1942–1943 годах. Впервые создано в 1957 году по проекту архитектора В.Е. Шалашова, в дальнейшем реконструировано.

В честь 20-летия Сталинградской битвы (1963) у памятника от искры Волжской ГЭС был зажжён Вечный огонь. С апреля 1966 года здесь действует пост № 1 – почётный караул школьников города.

В сентябре 2021 года в непосредственной близости от площади Павших Борцов состоялось торжественное открытие собора Святого благоверного князя Александра Невского. Строительство храма велось с 2016 года. Воссоздан по образу Александро-Невского собора в честь святого князя Александра Невского в Царицыне (былое название Сталинграда), разрушенного в 1932 году.

Братская могила бойцов и жителей города, погибших в 1918–1919 годах, и воинов 62-й и 64-й армий, погибших при защите Сталинграда (1942–1943)



Лидия Берч

Фото автора

Материал подготовлен при информационном содействии вед. методиста Музея-заповедника «Сталинградская битва» (город Волгоград) М. Насекина.

Императорское православное палестинское общество и Симбирский край

Императорское православное палестинское общество было учреждено 21 мая 1882 года, а 25 марта 1901 года открыто Симбирское отделение ИППО. Учредить местное отделение раньше не представлялось возможным, т. к. в соответствии с положениями Устава общества для этого необходимо было иметь не менее 10 членов ИППО, проживающих на территории губернии.

Выступая на первом организационном заседании, епископ Симбирский и Сызранский Никандр отметил: «…отныне и мы не забываем об Иерусалиме; вступим и мы в него духовно через живое и непосредственное участие в действиях православного палестинского общества, в достижение его святых целей».

В 1901 году членами Симбирского отделения ИППО стали 99 симбирян: два почётных, семь действительных и 90 членов-сотрудников. Среди первых членов отделения кроме епископа Никандра были епископ Иннокентий, управляющий Алатырским Троицким монастырём, иеромонах Митрофан, В.Н. Поливанов, симбирский губернатор В.Н. Акинфов, Макарий, архимандрит Жадовской пустыни, и другие.

Социальный состав первых членов отделения был очень пёстрым: от титулованных дворян до купцов и крестьян. Таким образом, отделение ИППО было открыто для всех, кто разделял уставные цели ИППО. В 1901 году отделения ИППО действовали уже в 42 епархиях РПЦ.

В январе 1885 года, когда ещё не было симбирского отделения, на имя

Великий князь Сергей Александрович, председатель ИППО

правящего архиерея было направлено письмо, в котором сообщалось об археологических открытиях, сделанных в Палестине вблизи храма Воскресения Господня в Иерусалиме. Раскопки производились на личные средства великого князя Сергея Александровича. В ходе изысканий были вскрыты останки древних городских стен Иерусалима, а также ворота, через которые шёл путь на Голгофу. Так был открыт последний земной путь Спасителя.

Чтобы сохранить это уникальное место, совет православного палестинского общества принял решение о создании специального сооружения, защищающего объект от дождей и непогоды. В Симбирск было направлено 400 печатных воззваний, призывающих православных к пожертвованиям. В них также содержалась информация о сделанных открытиях. Епископ Симбирский и Сызранский Варсонофий (управлял епархией в 1882–1895 годах) поручил напечатать обращение ИППО в «Симбирских епархиальных ведомостях» и распространить воззвания по всем благочиниям.

«Русский паломник»

Средства направлялись через епархиальное управление в адрес ИППО, а также в совет общества в Санкт-Петербурге и на имя казначея общества Сергея Дмитриевича Лермонтова. Таким образом, в реконструкцию Виа Долороза вложены средства и православных симбирян.

В этом же году жители губернии были извещены о начале издания с 1 сентября иллюстрированного журнала «Русский паломник», в котором публиковались материалы, посвященные Святой земле.

15 января 1897 года ИППО направило в епархию обращение великого князя Сергея Александровича об организации сбора денежных пожертвований во время службы в праздник Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресенье). Средства предназначались «для православных Святой земли». За неделю до праздника во всех храмах и монастырях Симбирской епархии были вывешены соответствующие объявления. Сбор пожертвований осуществлялся во время литургии после чтения Евангелия, а также на всенощной и утрене после шестопсалмия. Подобного рода обращения были ежегодными и публиковались на страницах «Симбирских епархиальных ведомостей».

ИППО особое внимание уделяло учебно-просветительской деятельности. Общество, в частности, инициировало преподавание в школах Российской империи специальной дисциплины – палестиноведения. В учебных заведениях Симбирской губернии в рамках Закона Божия учителя (преимущественно священнослужители) стали углублённо преподавать историю Святой земли, знакомить учащихся с основными памятными местами, связанными с земной жизнью Иисуса Христа, Богородицы. Большим подспорьем для образовательного процесса служили издания ИППО, которые направлялись в Симбирск.

С территории Симбирской губернии ежегодно отправлялись паломники в Святую землю. Этот путь был нередко опасным, длительным, сложным. Паломничество (в том числе по линии православного палестинского общества) осложнялось частыми эпидемиями на Ближнем Востоке. Так, в 1896 году ИППО известило православных Симбирской губернии о всплеске заболеваемости холерой на территории Египта, куда шли корабли с паломниками из Одессы. Сообщение с Египтом было ограничено рейсами судов Александрийской линии, которые отправлялись из Одессы по вторникам 1 раз в две недели. Возвращение в Российскую империю предполагало обязательный пятидневный карантин в Бейруте (Ливан).

Для путешествия паломники должны были получить льготные заграничные паломнические паспорта. Они выдавались в Одессе, Кишинёве, Севастополе, Керчи, городах Закавказья. По ходатайству православного палестинского общества для всех паломников была установлена льготная стоимость паспорта: вместо 10 рублей – 50 копеек на каждые полгода. Кроме этого, ИППО выступило инициатором установления особых льготных тарифов для проезда паломников железнодорожным транспортом до южных портов, а также на билеты по маршруту до Яффы из Одессы, Севастополя, Таганрога, Новороссийска и Батума.

В региональной периодической печати публиковались обращения ИППО к православным Симбирской губернии по разным поводам. В основном это были призывы к пожертвованиям для нужд паломников и православных, проживавших в Святой земле. К примеру, в 1900 году в «Симбирских епархиальных ведомостях» было опубликовано обращение великого князя Сергея Александровича с просьбой к православным оказать посильную помощь для финансирования расходов на паломнические нужды и содержание храмов и святых мест в Иерусалиме и других городах Палестины.

Незадолго до трагической гибели (15 января 1905 года) великий князь Сергей Александрович направил рескрипт в адрес Симбирского архиерея, в котором, в частности, отмечал: *«Преосвященнейший владыко. Считаю приятным долгом выразить Вашему Преосвященству Мою глубокую благодарность за благопопечительное внимание и сочувствие, с которыми Вы изволили отнестись к палестинскому обществу в годину ниспосланного нашей дорогой Родине испытания… Прошу Вас, владыко, передать от Моего имени благодарность всем лицам, принимающим посильное участие в деятельности состоящего ныне под Вашим председательством Симбирского отдела палестинского общества… Испрашивая Вашего архипастырского благословения и поручая Себя и общество заступничеству Ваших священных молитв, остаюсь искренне к Вам расположенный, Сергей»*. Это была высокая оценка деятельности Симбирского отделения ИППО. Заметим, что рескриптов, направленных великим князем Сергеем Александровичем в Симбирск, было несколько.

Трагическая гибель председателя ИППО великого князя Сергея Александровича с болью отозвалась в сердцах симбирян. Члены симбирского отделения под председательством преосвященного епископа Симбирского и Сызранского Гурия в зале архиерейского дома 16 февраля 1905 года (великий князь погиб 4 (17) февраля в возрасте 47 лет) на внеочередном заседании совершили панихиду по убиенному и направили телеграмму со словами сочувствия великой княгине Елисавете Феодоровне.

Епископ Симбирский и Сызранский Гурий

Телеграмма заканчивалась словами: *«Горячо молим Господа… да утешит Он Ваше скорбное сердце молитвами святителя Алексия, в святой обители которого в Бозе почивает ныне великий князь-мученик»*. Елисавета Феодоровна на следующий день направила в Симбирск ответную телеграмму.

Симбирск. Епископу Гурию.

От души благодарю Симбирский отдел палестинского общества за молитву и глубокое участие в постигшем меня страшном горе. Я глубоко тронута Вашим молитвенным обращением обо мне к святителю Алексею. Мой незабвенный дорогой муж глубоко почитал святителя, и Господь положил лечь ему в обители великого просветителя России, а мне даёт утешение ежедневно поклоняться святым мощам святителя.

Елисавета

С начала XX века Симбирский отдел ИППО стал регулярно публиковать отчёты о своей деятельности на страницах «Симбирских епархиаль-

Великая княгиня Елисавета Феодоровна

ных ведомостей». Содержание этих публикаций проливает свет на активную деятельность отделения. Так, в отчёте за период с 1 марта 1904-го по 1 марта 1905 года сообщалось о мероприятиях, связанных с поминовением великого князя Сергея Александровича. В 40-й день после гибели председателя ИППО в Симбирском отделе было принято решение о направлении в адрес Елисаветы Феодоровны телеграммы следующего содержания:

Москва. Ея Императорскому Высочеству великой княгине Елисавете Феодоровне.

Сегодня, в сороковой день мученической кончины незабвенного основателя и председателя Императорского православного палестинского общества, члены симбирского отдела горячо молились за совершенной архиерейским служением заупокойной литургией и панихидой об упокоении души князя-мученика в небесных обителях вместе с праведниками. Да утешит Вас милосердный Господь нашим всеобщим искренним сочувствием постигшему Вас тяжкому горю и сознанием благотворительности и великости достигнутых Вашим приснопамятным августейшим супругом результатов беззаветного служения дорогому для каждого истинно русского человека святому палестинскому делу, которое Вы благоволили преемственно взять под Свое высокое покровительство с председательствованием в обществе, процветанию которого мы потщимся содействовать под Вашим милостивым руководством всеми зависящими от нас мерами для блага Церкви и Отечества».

Вскоре в Симбирск пришла ответная телеграмма от великой княгини:

Симбирск. Епископу Гурию.

Душевно благодарю Ваше Преосвященство и симбирский отдел общества за молитвы о моем дорогом муже. Дай Бог нам продолжить вести дело, как было при нём. Елисавета.

У истоков Симбирского отделения ИППО стоял епископ Симбирский и Сызранский Никандр, которого в апреле 1904 года назначили архиепископом Литовским и Виленским.

В связи с отъездом владыки согласно рескрипту № 5 от 18 мая 1904 года, подписанного великим князем Сергеем Александровичем, руководителем симбирского отдела стал вновь назначенный епископ Симбирский и Сызранский Гурий. На первом заседании симбирского отдела владыко Гурий объявил о пожертвовании 1 тыс. рублей из личных средств на нужды общества. Впоследствии совет ИППО выразил искреннюю благодарность епископу за его пожертвование.

Епископ Симбирский и Сызранский Никандр

Заместителем руководителя и пожизненным действительным членом ИППО был действительный статский советник, гофмейстер Высочайшего Двора Владимир Николаевич Поливанов, оставивший заметный след в истории Симбирского края.

Казначеем симбирского отделения в эти годы был пожизненный действительный член ИППО, почётный блюститель по хозяйственной части Симбирского духовного училища Николай Петрович Пастухов. Активными членами отделения являлись директор Симбирской классической гимназии Борис Николаевич Некрасов, секретарь Духовной консистории Николай Иванович Лузгин и другие. В этом же году в члены ИППО были приняты подполковник С.Н. Никитин, коллежский секретарь Л.И. Афанасьев, личный почетный гражданин А.М. Пузанков, симбирский 2-й гильдии купец С.П. Шульгин. На одном из заседаний симбирского отделения был отмечен казначей Николай Петрович Пастухов, который проводил большую работу в обществе и за три года пожертвовал ИППО более 1 тыс. рублей. Он же подарил симбирскому отделению роскошное издание «Палестина» (А.А. Суворин, 1898 г.). Активное участие в деятельности симбирского отделения принимали также действительные статские советники А.В. Римский-Корсаков и И.Я. Яковлев (просветитель чувашского народа), протоиерей М.Ф. Троицкий, генерал-майор А.Н. Фон-Вик и другие.

Владимир Николаевич Поливанов

Без сомнения, Симбирское отделение ИППО обладало огромным авторитетом. Отчасти это объяснялось тем, что членами общества состояли император, императрицы, почти все члены Дома Романова, высшие должностные лица государства, архиереи РПЦ. Поэтому вступление в общество считалось делом почётным и ответственным. Только в 1904 году членами Симбирского отделе-

ния ИППО стали 26 симбирян. Среди них – симбирский губернатор, князь Л.В. Яшвиль, директор кадетского корпуса, генерал-майор Е.А. Семашкевич, барон Х.Г. Штемпель и т. д. Всего по состоянию на весну 1905 г. в Симбирском отделении ИППО состояло 149 членов: 1 почетный, 10 действительных (из них 5 пожизненных) и 139 членов-сотрудников (из них 5 пожизненных).

Важным направлением в деятельности Симбирского отделения ИППО была просветительская работа с населением. По инициативе отделения и при активном участии его членов во многих населённых пунктах губернии проводились чтения и собеседования о Святой земле и деятельности ИППО.

С каждым годом география таких просветительских мероприятий расширялась. В периодической печати того времени отмечалось: «Отдел уверен, что в самом близком будущем вся епархия наша покроется густой сетью таких пунктов, в которых будут сообщаться верные сведения о великом значении Святой земли для каждого христианина, ее прошлом и настоящем, движении туда паломников и заботах о них Императорского православного палестинского общества». Казначей отделения Н.П. Пастухов на свои средства издал 1500 экземпляров брошюр о деятельности ИППО и о Святой земле, а при содействии И.Я. Яковлева они были переведены на чувашский язык. В Симбирске такие чтения получили особый размах и проводились под названием «Палестинские вечера» в здании Земского дома и Дворянского собрания при финансовой поддержке губернского предводителя дворянства М.Н. Зимнинского и В.Н. Поливанова. Каждое заседание проводилось по сценариям, которые никогда не повторялись. «Палестинские вечера» проходили с участием учащихся епархиального женского училища (читали стихи), хора певчих (исполняли церковные песнопения на музыку Чайковского, Бортянского, Архангельского, Львова и др.). Чтения сопровождались показом «туманных (световых) картин». Организатором «Палестинских вечеров» и автором сценариев был делопроизводитель симбирского отделения Н.И. Лузгин. В этих чтениях всегда присутствовал Преосвященный Владыко, высшие чиновники губернской администрации, представители интеллигенции, священники и т. д. Билеты на мероприятия продавались заранее, и к началу «Палестинского вечера» купить билет было невозможно. Для учащейся молодежи Симбирское отделение ИППО выделяло по 25 бесплатных билетов. Их получали учащиеся классической гимназии, епархиального женского училища, Мариинской гимназии, гимназии Т.Н. Якубович, кадетского корпуса, коммерческого училища, ремесленного училища графа Орлова-Давыдова и мужского духовного училища. В уездах в чтениях принимало участие от 400 до 600 слушателей.

Важным направлением деятельности Симбирского отделения ИППО были сборы членских взносов и пожертвований на уставные цели общества. Только в 1904 году приход денежных средств составил 7083 руб. 41 коп. – внушительная по тому времени сумма. В «Симбирских епархиальных ведомостях» периодически печатались списки наиболее активных жертвователей с указанием сумм.

В 1907–1910 годах Симбирское отделение ИППО возглавлял архиепископ Симбирский и Сызранский Иаков (И.А. Пятницкий), которого сменил епископ Вениамин (В.А. Муратовский), прослуживший в епархии с 1910-го по 1920 год. Каждый из архиереев проявлял особую заботу об авторитете отделения. Именно на долю этих владык пришлись самые трагичные годы.

Революционные потрясения, начавшаяся Первая мировая война значительно затруднили деятельность Симбирского отделения ИППО и общества в целом. На Святой земле начались гонения на христиан, отмечались случаи захватов турками больниц, школ, подворьев для паломников, находящихся в ведении ИППО. Практически прекратилось паломничество в Иерусалим и другие святые места Палестины. Великая княгиня Елисавета Феодоровна обратилась к преосвященному епископу Симбирскому и Сызранскому с просьбой организовать сбор пожертвований в Неделю Ваий (рескрипт от 5 января 1915 г.). Председатель ИППО в конце своего обращения заметила: *«Я убедительно прошу Вас, владыко, не отказать поручить подведомственному Вам духовенству произвести в церквах Симбирской епархии в предстоящую Неделю Ваий сего 1915 года разрешённый Святейшим синодом тарелочный сбор на нужды общества на Святой земле».*

Ситуация резко обострилась в 1917 году. Рассчитывать на помощь православных в это время было сложно.

Это объяснялось сложной экономической обстановкой в стране, необходимостью помощи семьям, потерявшим кормильцев на войне. В этих непростых условиях Симбирское отделение ИППО продолжало осуществлять свою деятельность. Как и в прошлые годы, проводились чтения, посвященные Святой земле. Однако их организовывали только в крупных населённых пунктах. Сократились доходы отделения. Вместе с тем дореволюционный период деятельности Симбирского отделения ИППО – время активной работы, появления уникальных инициатив, получивших распространение по всей России, реализации просветительских проектов, организации паломничества в Палестину и в Святой Афон. Наконец, это был период, связанный с активным участием в деятельности Симбирского отделения ИППО видных общественных, государственных и церковных деятелей.

Трагической страницей в истории ИППО стали события октября 1917 года, когда начались гонения на Церковь, резко выросла миграция за границу, были уничтожены тысячи священников и архиереев РПЦ, утрачены связи с Палестиной.

Владимир Шкунов,
д.и.н., д.п.н.,
член Симбирского (Ульяновского)
отделения ИППО

В них сила жизни, веры и святости

Водосвятный молебен во время крестного хода в праздник жён-мироносиц. 8 мая 2022 года

В советское время прижился и стал популярным весенний женский праздник – 8 Марта. Но испокон веков на Руси праздновался иной женский день – жён-мироносиц. Он также отмечается весной, в третье воскресенье по Пасхе, и наполнен глубоким смыслом. Не пора ли вернуться к православной традиции празднования женского дня?

В этом году день жён-мироносиц выпал на 8 мая. Мы побывали на праздничной службе в женском монастыре Архангела Михаила в Комаровке. Божественную литургию совершил игумен Алипий (Кудрин), настоятель строящегося храма св. вмч. и целителя Пантелеимона г. Ульяновска, благочинный женского монастыря. В своей проповеди игумен Алипий раскрыл глубинную суть этого праздника:

«Женщины, которые следовали за Христом, – самоотверженные. Презрев условности мира и оставив свои имения, они пошли за Христом. Когда же Господь был осуждён на распятие, эти женщины последовали и на Голгофу. На третий день они пришли ко гробу и принесли миро (поэтому и мироносицы), чтобы помазать тело Учителя, и обнаружили отброшенный от входа в пещеру камень. Ангел сообщил им, что Спаситель воскрес. Именно женщинам была дана возможность удостовериться в воскресении Христа. Мария, Божия Матерь, первая смогла осязать воскресшего сына, и сердце её наполнилось радостью. А первой благовестницей Христова воскресения стала Мария Магдалина, потому она признана святой равноапостольной. Наследницами этих женщин являются все христианские женщины, служащие Господу, в первую очередь – монахини. Кто сидел на гробе Господнем? Ангелы, вестники Божии. Монахини тоже посланники Божии в современном мире, они молятся о людях. Здесь, в Комаровском монастыре, всё содеяно трудами монахинь, прежде всего – трудами предстоящей здесь игумении Магдалины, чьи именины мы сегодня празднуем».

Праздничный крестный ход. Женский монастырь Архангела Михаила в Комаровке

Игумен Алипий поздравил настоятельницу монастыря матушку Магдалину с именинами от имени митрополита Симбирского и Новоспасского Лонгина и от себя лично, к поздравлениям присоединились присутствующие члены Ульяновского регионального отделения Императорского православного палестинского общества.

Причастие

К этому дню летописец Симбирской епархии Нафанаил Николаев подготовил документальный фильм «Матушки России». В этом фильме – рассказы матушек о счастье и боли, утратах и скорбях, о том, как они прошли через все испытания. Автор так говорит об этих женщинах: «Они воссоздают вокруг себя уголки святой Руси, увлекая за собой тысячи людей, вопреки злу, равнодушию, лицемерию. Несут в себе чистоту, живут по заповедям Христовым и поступают по совести. В них сила жизни, веры и святости. Они не ждут помощи, сами приходят к тем, кто нуждается в ней. Поразительно, с каким достоинством они несут свой крест за Христом!»

Ольга Шейпак,
Нафанаил Николаев
Фото Нафанаила Николаева

Записки паломника

В этом году традиционный крестный ход из Жадовской пустыни в Симбирск с чудотворной иконой Божией Матери Жадовской Казанской начался 10 мая. В Симбирск крестоходцы прибыли 4 июня.

Свято Богородице Казанский Жадовский мужской монастырь

Митрополит Прокл благословил возобновление исторических крестных ходов, начавшихся в 1846 году. Они были запрещены в июне 1920 года решением председателя губисполкома Гимова, но продолжались вплоть до закрытия Жадовского монастыря в 1927 году. По моим подсчётам, нынешний крестный ход – сотый!

Наш крестный ход, как передвижной храм, входит в каждое селение, освящая всё на своем пути.

Провожали святую икону в Казанском храме Жадовской обители. По традиции, крестный ход молитвенно напутствовал настоятель монастыря – епископ Барышский и Инзенский Филарет и говорил, как важно это шествие для каждого православного жителя нашего региона.

Первый день, 10 мая 2022 года. Моя камера снимает очень многое, но не может отразить сокровенных духовных переживаний паломников, поэтому я стараюсь записать рассказы-исповеди своих спутников и сложить их в единое целое, как тело Христово. Мы едины и неразделимы.

Какой распорядок дня паломника? Подъём в шесть утра. Через несколько минут нужно отправляться в дорогу. В течение всего дня передвижной храм паломнического отряда посещает пять-шесть селений с участием в литургиях, молебнах, панихидах. Читают акафист Богородице, поют песнопения, в каждом приходе произносят имена о здравии и упокоении в книгах-помянниках – синодиках. Это традиция нашего крестного хода: мы по очереди выполняем данное нам послушание и молимся о добрых людях, заказавших требы на весь крестный ход, в каждой церкви, молитвенном доме. Вымаливаем других – спасаем себя.

Люди идут в крестный ход добровольно, по зову сердца, чтобы быть ближе к Богу, к Богородице. Молитвы отсюда доносятся легко, и каждый паломник получает духовную помощь от высших сил.

Во время пути нашему взору открываются созданные Богом красоты: холмы и долины, берёзовые и дубовые рощи, озёра и реки. Когда идёшь по этой земле, не замечаешь накопившейся усталости – чувствуешь поддержку матери-природы, сливаешься с ней, и душа переполняется радостью и парит над миром.

В первом этапе крестного хода 2022 года по плану – 139 пунктов, включая Ульяновск (28 храмов в областном центре), во втором этапе – 130.

Прибыли в **Барыш**. Видим масштабную реконструкцию Троицкого собора.

В глубинке – я убеждаюсь из года в год – крепче и глубже вера и духовная чистота народная. Люди знают историю своего края, помнят и передают друг другу рассказы о бывших священниках. Миром собирают средства на ремонты храмов, издают подручными средствами газеты, книги об истории края.

Отец Николай Леванов встречал нас дважды: в Октябрьском и Радищеве. Оба раза сельчане ждали нас ещё на трассе и опускались перед образом Пресвятой Богородицы на колени. Батюшка очень ласково отзывается о своих прихожанках: «На них вот и держится, ими живёт вера наша православная».

До поздней ночи после всенощной настоятель, иеромонах Никодим, и я с чудотворным образом объезжали окрестные сёла, навещая разных людей, которые желали встречи со святыней, но не могли прийти сами. В соседнем селе Адоевщина навестили 92-летнюю Екатерину Ивановну Червякову. Столько в ней молодого оптимизма и энергии! Вся её большая комната в доме уставлена живыми цветами. Она заботится о них сама, вытирает каждый листочек на двухметровых фикусах и пальмах. Екатерина Ивановна рассказала

мне о старой церкви, которая сейчас закрыта. Белостенная церковь имела большие медные купола и чудесные колокола. Баба Катя помнит, как народ ревел, когда тросами зацепили и сорвали купола.

Отец Николай сам собирает воспоминания старожилов об истории местных храмов. Вот одно из них. Анна Сергеевна Сорокина, жительница села Соловчиха, помнит стоявший в центре села Никольский храм. Стены были из красного кирпича. В 1929 году его закрыли, коммунисты-активисты вынесли иконы, сложили их перед главным входом и подожгли. Толпа окружила костёр, плакали все. Удалось спасти только несколько икон. Потом безбожники стали сбрасывать колокола. Их было 12. Когда сбросили самый большой, он, тяжело ухнув, врезался глубоко в землю.

С трепетом и радостью ожидаю приход в **Павловку**. Там трудами настоятеля протоиерея Андрея Филькина восстанавливается большой, каменный храм. Во время ремонтных работ под алтарём были найдены и бережно подняты останки десятков священнослужителей. В советское время в здании церкви устроили Дом культуры, а в алтарной части над усопшими находился танцевальный зал.

За годы посещений Павловки я познакомился со многими хорошими людьми. Краевед Александр Иванович Панферов рассказал, что в Павловке до 1930-х годов существовала Воскресенская церковь. В 1827 году на средства, выделенные князем Николаем Оболенским, по проекту местного архитектора Александра Левина был возведён каменный трёхпрестольный храм. До сих пор сохранилась часовня в честь императора Александра II, сооружённая в 1890 году на средства прихожан. Несколько лет назад она пережила второе рождение и была освящена в память Александра Невского.

Подвижническое участие в краеведческих поисках проявляет Ирина Владимировна Колесникова. Её дед был дьяконом в местной церкви. После закрытия храма он был призван в армию. Отслужив, вернулся с наградами и в 1935 году был направлен настоятелем в храм села Озерки Павловского района. В 1937 году он был невинно осуждён по 58-й статье и тройкой ОГПУ приговорён к расстрелу.

Храм Святителя Николая. Село Новая Ханинеевка

Отец Андрей не раз рассказывал мне, каким красивым был раньше храм, какие замечательные священники здесь служили. Сердце пронзила история о протоиерее Владимире Пиксанове. Это был добрый наставник, образованный человек. Он вёл службу, когда в храм вошли вооружённые люди. Ему не позволили даже снять епитрахиль. Гнали по улице у всех на виду и глумились над ним, избивали. Прихожане до сих пор помнят имена его мучителей и передают подробности этого дня. Изверги даже садились верхом на священника и велели их нести. Народ следовал за карателями. Женщины плакали, люди кричали, чтобы батюшку отпустили. Настоятель храма встал к ним лицом, перекрестился, произнёс: «Господи, прими душу мою». Раздались выстрелы – и облачение обагрилось кровью.

Сейчас храм обретает новое рождение. Воздвигнуты купола и кресты.

Село **Беклемишево**. Настоятель прихода иерей Сергий Мизинов – человек жизнерадостный. Вспомнили с ним почившего отца Адриана Шитова, бывшего благочинного, как он навещал приход, наставлял, помогал.

В селе Беклемишево в 1858 году был построен храм Сретения Господня. Сохранилась лишь средняя его часть. При полном отсутствии средств молодой священник сумел покрыть старое здание церкви новой кровлей. Отец Сергий показал мне картину, написанную акварелью около 150 лет назад, с изображением этого прекрасного храма. К нам подошёл сельчанин Александр Лесов. Это он подарил приходу картину – её сохранила прабабушка Антонина Захарова.

В селе **Измайлово** после прибытия чудотворного образа в храм я поехал к Нине Александровне Спиридоновой. Она была близкой подругой Галины Семёновой, мамы схиигумена Жадовского монастыря Агафангела. Мы долго вспоминали отца Агафангела, она рассказала, каким добрым и чутким был Саша, какое тяжёлое у него детство. В конце беседы баба Нина сказала: «Были, есть и будут такие люди, потому что Господь нашу землю не бросит».

Знаменитое село **Оськино** связано с именем архимандрита Адриана (Николая Шитова). Вечная память.

Как-то я спросил его: «Ваша жизнь прошла в одной церкви, на одном приходе. Жизнь удалась?» Ответил с улыбкой: «Всякое было. Но считаю, что удалась. Было и трудно, и хорошо. Самое главное – поддержка народа. Много раз мне представлялась возможность служить в Ульяновске. И ребятишкам моим было бы лучше жить и учиться в городе, но народ ко мне очень хорошо относился, и я не смог уйти отсюда».

Сегодня Никольский храм в селе Оськино красив и величественен. В нём собраны уникальные иконы, внутреннее убранство выглядит празднично и благолепно. Архимандрит очень любил чистоту и идеальный порядок во всём, старательно сохранял и благоукрашал храм. Никольская церковь – образец деревянного зодчества старой Руси, это и своеобразный памятник отцу Адриану. Сюда стоит организовывать паломнические экскурсии.

Расскажу удивительную историю одной женщины – Татьяны

Николаевны Ребровской, которую я встретил на крестном ходе. Её маме было 19 лет, когда она оказалась в положении и в разводе. В те годы было очень стыдно рожать без мужа, а аборты запрещены. Договорилась она с бабкой-повитухой, которая делала аборты на дому. Происходило это накануне Николы зимнего. Мама её была женщина верующая. Узнав о планах дочери, упала на колени, стала просить дочку не делать аборт, хотя бы в этот святой день, но та через неё перешагнула и ушла. А бабушка в церковь побежала. Стояла перед Николаем Угодником и молила спасти младенца. Дома она узнала, что дочь аборт не сделала: в тот вечер она долго кружила вокруг дома повитухи, а когда дёрнула за верёвочку в калитке, тут её сила какая-то оттолкнула. Вот так родилась Татьяна. Она выросла, стала руководителем крупной компании. Она помогла восстановить храм Архистратига Михаила в селе Поддубном.

В **Тушне** у стен старой церкви я встретил Клавдию Павловну Зотагину. Она сочиняет духовные стихи. Родилась и всю жизнь женщина прожила в Тушне. *«Родилась я в 34-м. Жили плохо, бедно. Здесь церкви не было, меня в Криуши носили. Мама осталась с нами четверыми. Как пришёл 41-й год, отца тут же взяли на фронт, а в 42-м уж его убили. Мама одна нас воспитывала. Я нисколь не учёна, ни грамма. Мама конюшила, она 17 лет за лошадями ухаживала. Не тока лошади были, быки были. На быках ездили, пахали. Лошадей-то ведь на войну брали. Ну вот, я с мамой стала работать, воды возить. Мама запрягёт лошадь, а я поеду на речку с бочкой на телеге за водой. Лейка была на черену, я поддену кружки две, сколько я стою в водето. Стою ногами-то, ну вот, ноги и не ходят у меня. Налью, везу. Из бочки – в чан. Чан огромный в конюшне стоял. Надь лить в него. Потом мама скажет: поезжай за отходами. Это летом, а ток был за три километра, на стрелке. Вот где пруды у нас, вот там был ток. Отходы давали колхозным лошадям, быкам, что уж негодно. Приеду на ток-то, лошадь ест отходы. А женщины тогда вручную всё делали: и веяли, и сеяли. Ладно, я бёру мётлу, давай с вороха смётать! Бабы: вон как хорошо, глянь-кась, вона как хорошо она! А тогда проса сеяли, пшеницу в хозяйстве молотили. Шесть цепов я умела молотить. Девчонкой, небольшой девчонкой».*

Спрашиваю бабу Клаву, верил ли народ в Бога в то время. Она машет рукой: *«Верили, верили! Прятались, огонь-мигушок тока включали! Моя мать накормит лошадей и уходит, где старухи собираются в дому, там прятались. Ну вот, мать украдкой туды дойдёт, простоит там, пропоёт – и опять на конюшню. Она дома-то мало бывала. Все в Бога верили. И муж мой верил, читал Библию и Иисуса Христа жизню. Он на все руки был у меня. Но помер вот… А про источник наш так говорят, и мама моя говорила, что там, на источнике, Божия Матерь показалась. И стала явленна! Да, да, да. И люди исцеляются, ходят к Ней. Я и то за лето три раз купалась. Вылезешь из воды – вода, ой, ледяная-ледяная, и ровно сразу в жар тебя – легко телу».*

Клавдия Павловна показала мне рукой на стену церкви, прислонясь к которой мы стояли: *«Вот это крыло было Михаила Архангела, а то крыло – Божия Матерь. Мне в старину сказали: как у тебя спина и ноги заболят, встань к этому самому месту, прислонись. И всё пройдет у тебя! У меня и акафист есть про Михаила Архангела. Мама мне рассказывала: церковь, когда работала, красива была! И всё обломали! Тут хлеб принимали в войну. Потом клуб устроили, танцевали. Теперь вот стало радостно, идёшь с душой…»*

К зданию церкви пристроили алтарь, на алтарь установили купол. Настелили кровлю, сколько хватило профлиста. Заканчивают устройство иконостаса. Поставили недавно Царские врата.

Село **Лава** Сурского района. Здесь давно строится храм Введения Пресвятой Богородицы. И делает это местный житель Николай Григорьевич. Он не разрешил сделать своё фото: и сам он, и все пришедшие поклониться святой иконе – в масках: в селе сто человек больны ковидом. Богородицу допустили в село, чтобы помолиться о воинах. С Николаем Григорьевичем меня познакомил 1 июня 2010 года настоятель Никольского храма в Сурском протоиерей Георгий (Шенгур). Он разбудил нас в пять утра, чтобы поехать за 30 километров в село Лава, где местный житель строит храм, опираясь на силы нескольких оставшихся в деревне мужиков. Когда мы познакомились, глубоко верующий храмостроитель никак не хотел беседовать со мной. Пришлось сказать, что я от владыки, приехал запечатлеть всё происходящее для истории Симбирской епархии.

Когда Николай Григорьевич задумал строить церковь в селе, никто из местных не верил, что такое возможно. И одна старушка написала кляузу в епархию, что некий 64-летний житель их деревни «строит храм уже 15 лет, и конца и краю этой стройке нету, и толку мало видно». 22 мая 2010 года приехал сам владыка Прокл разбираться. Оказалось, народ одобряет восстановление храма на месте разобранной в 1955 году старой церкви, и люди помогают, чем могут. Здание почти готово, есть и кровля, и купол ладный высится. Проект похож на прежний, утраченный храм Введения во храм Пресвятой Богородицы. А ещё выяснилось, что тот старый храм строил прадед нынешнего строителя Блинкова Николая Григорьевича, и звали его Михаил Петрович Блинков.

Разгорячился он со мной в разговоре и обмолвился: *«Видел бы ты, как работаю порой на крыше: падает у меня молоток от усталости из рук и летит не вниз, а вверх, к небу – и опять мне в руки! Вот такие чудеса здесь! Уж не знаю, от кого они! Но было такое несколько раз!»*

Сейчас храм практически готов к освящению. Три больших купола с золотыми крестами, просторный алтарь, стены внутри обшиты шлифованным деревом, свет от него разливается по храму.

Крестный ход прибыл в р. п. Карсун. Чудотворную икону приветствовала большая толпа людей. Все чинно прошли под святым образом в храм иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость».

После всенощной я встретился с Марией Дмитриевной Подгорновой, духовной дочерью иеромонаха Виссариона Бурдасова, последнего монаха

Жадовской пустыни. Марии Дмитриевне 92 года. Она с любовью вспоминает отца Виссариона и его последние земные дни, когда ему приходилось скрываться от властей.

«Я четыре раза ходила к нему пешком в Русскую Хомутерь. Из Карсуна доеду до Коченяевки, а потом 12 километров пешком. Мы с ним много пели. Какой у него голосина был! Эх, а один раз мы пели у него на могиле акафист Животворящему Кресту Господню. Не мы одни пели – тыщи голосов! Ангелы с нами пели – вот какое чудо.

Потом стали петь канон по усопшим – уже никаких голосов не было. В последнюю нашу встречу он стал настойчиво просить старшую сестру проводить нас до развилки, а это километров пять. Мы отнекивались, мол, хорошо дорогу знаем, не заблудимся, а он настаивает. Дошли до леса, и я старуху назад отправила. И мы заблудились! Ох и поплутали! А он прозорливо знал, что заблудимся. Вот какие люди были».

Из Языкова в Сурское

18 мая 2022 года состоялся двойной крестный ход. В дороге мы встретились с крестоходцами, шедшими из Языкова в Сурское на Никольскую гору.

18 мая 2022 начало крестного хода из Языково в Сурское на Никольскую гору.

Во время прибытия в Языково я познакомился с 86-летней жительницей посёлка Натальей Алексеевной Рытовой, которая рассказала, что последний подобный крестный ход был в 1956 году, когда ей было 20 лет. Много паломников тогда собралось. Икон и хоругвей не было, потому что в советское время подобное не допускалось, а вот инвалиды-колясочники держали в руках небольшие иконы. Священник местной церкви предупреждал прихожан о дате прохождения крестного хода, и многие верующие присоединялись к нему.

И вот с 18 по 22 мая, по благословению митрополита Симбирского и Новоспасского Лонгина, состоялся крестный ход к Никольской горе посёлка Сурское, посвящённый дню памяти святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского. Специально для этого была изготовлена икона: с одной стороны на ней – образ святителя Николая Промзинского, с другой – Спаса Нерукотворного. Крестный ход прошёл по маршруту Языково – Теньковка – Белозерье – Большая Кандарать – Никольская гора.

В Языковском храме иконы Божией Матери «Взыскание погибших» состоялась Божественная литургия. После службы паломники и местные жители направились в парк, где когда-то стоял большой храм Владимирской иконы Божией Матери с приделами во имя Святителя и Чудотворца Николая и преп. Сергия Радонежского. Вместе со всеми шёл митрополит Лонгин. Владыка после совершенного молебна сказал паломникам напутственное слово: *«…Хотел бы вам пожелать, дорогие братья и сестры, чтобы святитель Николай своим предстательством перед Богом укреплял ваши силы. Господь да благословит в путь шествие тех, кто собрался почтить святителя и чудотворца Николая».*

Погода выдалась холодная и дождливая. Дороги, большей частью грунтовые, превратились в скользкие и грязные ручьи. Не у всех паломников были зонты и дождевики, резиновые сапоги. Но даже после пройденных 10–12 километров ни от кого не было роптаний – напротив, царил духовный подъём. Весь путь звучали духовные песнопения. Шли довольно скоро, единой большой группой.

Во время наших небольших привалов после молебнов я беседую с моими путниками.

Прекрасное рядом

Людмила, уроженка Языкова, сейчас живёт в Нижнем Тагиле, приехала в отпуск и услышала о крестном ходе. Дело это для неё привычное, она участвовала во многих крестных ходах, в том числе в честь царских страстотерпцев на Ганину Яму, место убийства царской семьи.

Баба Катя из Димитровграда рассказала, как после крестного хода она с ездила с верующими на святой источник Божией Матери под Мелекессом, и после ночных молитв в небе над родником появилась Богородица в ослепительно белых одеждах. Она прижимала к себе младенца, который припал к её груди, а на людей смотрела строго, будто с упрёком. Все, не сговариваясь, упали на колени, а парень, попавший туда случайно, всё повторял в сильном душевном волнении: «Вот же Она, а говорят, что Бога нет. Есть Бог!».

После прибытия в село Заречное разговорились с паломницей, прошедшей десять крестных ходов, – Ниной Захаровной Суята. Ей 79 лет, но она бодра и полна молитвенных сил. У неё высшее образование – институт культуры. Нина Захаровна работала директором домов культуры и руководителем творческих коллективов и отделов в Ульяновске, Омске. Пела в церкви. Всю жизнь она с Богом. Призналась мне, что только молитвы, обращённые к святителю Николаю, помогли ей решить серьёзные проблемы. Нина Захаровна самый веселый и самый отзывчивый наш паломник, душа нашего походного отряда.

Ещё одна добрейшая наша паломница – Татьяна Борисовна Ястребова. Она прошла 16 крестных ходов. Собирает требы, торгует в походной лавке, читает синодики. Вспомнили с ней поимённо всех наших паломников, отошедших в мир иной, и тех, кто по состоянию здоровья сейчас уже не может быть с нами.

Я вспоминаю весь путь, сотни людей, с которыми общался, и продолжаю мысленно беседовать.

Дорогие мои братия и сестры, мы видели присутствие нашей Заступницы в двойной радуге в Заречном, в солнечной короне над старомайнским храмом, в двойном солнечном диске над Никольским храмом в Сурском, в шёпоте ангелов над могилой старца Антония в Ундорах, в первой летней грозе с громом, похожим на раскаты гигантского колокола над железнодорожной Майной… Что это значит?

…Идёт по Симбирской земле Царица Небесная, воздвигая храм под открытым небом размером с губернию. Мы идём вслед за Ней. Все мы во время крестного хода находимся в одном большом храме, под единым куполом. Всех нас Она осеняет своим Божественным омофором. Она ведёт нас, наблюдает за каждым нашим шагом, слышит каждое слово и понимает молитву, произнесённую на любом языке. С Ней приходят первые благодатные тёплые дожди, расцветает земля. Она видит все наши скорби и печали и плачет вместе с нами. Её слезы, как благодатные дожди, проникают в погрязшие в грехе души, в заброшенную и опустошённую землю. И прорываются к свету новые ростки надежды и веры, поднимает голову российский народ, возрождается Русская земля! Нет у нас и не может быть иной истины, веры и иного пути, иного крестного хода!

22 мая на Никольской горе состоялось праздничное богослужение.

Нафанаил Николаев

Фото автора

Весенний пейзаж. Б., акварель. 1982

Олюня

Ольга Львовна Нецветаева (27.02.1965–23.04.2021) талантливый художник. Талант юной художницы развивался на глазах родителей – художника-архитектора отца и мамы, которая тоже с детства рисовала и занималась в изостудии у Ю.В. Павлова.

В 1988 году Ольга окончила художественно-графическое отделение Чебоксарского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. Постепенно она увлеклась шитьём и освоила более сложную, замысловатую технику – пэчворк. В этой технике художница сумела создать настоящие шедевры – сюжеты из сказок, библейские мотивы, затейливые композиции, погружающие зрителя в тонкий, удивительный мир – мир чувств, переживаний, грусти и радости.

Прошёл год, как художница ушла из жизни. Воспоминания о талантливой дочери прислал художник, поэт, почётный архитектор России, лауреат золотой Пушкинской медали Лев Нецветаев.

15 марта 2022 года в Квартире-музее семьи Ульяновых Ленинского мемориала открылась выставка «Многогранность Ольги Нецветаевой. Живопись, графика, пэчворк».

Грандиозные по замыслу рукотворные композиции открывают тайны сложнейшего ремесла – «пэчворка», в котором творчество обретает особую «вещность», роднящую художника с мастерами Средневековья. Погружая взор в пэчворк, невольно думаешь о чуде преображения.

Воздушные замки. Пэчворк

Самовар. К., м. Январь 1981

Ужасно тяжело писать о дочери слово «была», тем более о таком солнышке, каким она осталась в памяти всех, кто её знал. Я в своей долгой жизни вообще не встречал столь открытого и доброжелательного человека. Уже год, как её нет с нами, а я всё больше нахожу чудесных Олиных работ и так жалею, что не додал ей моих эмоций по поводу её творчества. И совсем обыденно воспринимал её большие пэчворки, а ведь это адский труд. И какой талант в них раскрывается!

Поражает живопись ранних работ, которые писались лет с 15. Тоже не высказал. Тогда нас всех потрясла Света (теперь она матушка Зосима) своим ранним даром и как-то отвлекла от старшей, Ольги.

Дочь, обращаюсь к тебе, твоей чуткой и, я верю, бессмертной душе.

Фотография, воспроизведённая здесь, сделана на моём 75-летии в кафе парка Свердлова. Ты оглянулась на щелчок фотоаппарата, и он повторился. Вся ты в этом взгляде и повороте: здесь и грация, и чуткость, и любовь…

Когда у нас с Мариной родилась вторая дочь – Света, тебе было всего годик и девять месяцев. Но ты уже

получила звание старшей сестры, удвоенное через год, когда добавился Дима. Для обоих ты стала идеальной нянькой. Я тогда записал твою фразу: «Папа, как я люблю, когда они чистенькие, накупанные… У меня прямо вот тут любовь появляется…». При этом ты упирала пальчики в свои щёки.

В сложнейшей ситуации моего второго брака ты стала «мягким буфером» между мной и Светой, и Димой. Спасибо тебе. Трудно представить более светоносного человека. Недаром к тебе так любили приезжать институтские подружки. А как ты любила бабу Катю с дедом Колей, и они тебя!.. Тебя любили все, кто тебя знал…

А теперь о художнице. Рисовать Оля полюбила с самого раннего возраста. Вот портрет подруги, сделанный в 13 лет. Сколько в нём мягкости и психологической ясности!

Автопортрет. К., м. 1982

Всенощная. Пэчворк

Иллюстрации к роману Ч. Айтматова «Плаха». Граттаж. 1986

Натюрморт с самоваром. Б., акварель. 1980

А крупная (50х47 см) акварель с самоваром выполнена, когда Оле было 15 лет и 1,5 месяца. Но на самоваре – «живая» медь со всеми переливами цвета. И это – работа акварелью на весьма заурядной (помню) бумаге!.. Она поражает меня всё сильнее и чаще.

Следующие две работы написаны маслом. Впервые взяв в руки кисть и палитру с красками, Оля, словно давно этим занималась, сразу ищет верный цвет, памятуя и о верном рисунке.

И вот именно сейчас, спустя год после её ухода, я осознал свой огромный промах как отца и педагога: я не накупил ей масляных красок!.. Ведь она была буквально рождена для масляной живописи! Правда, вскоре она стала готовиться к поступлению на худграф Герценовского пединститута в Питере (акварель и гуашь), но там как раз перестали принимать иногородних. И по совету дедушки Коли, не теряя год, она сдаёт на все пятёрки экзамены на худграф в ЧГПИ (Чебоксары). Так же на отлично она защищает диплом – это были иллюстрации к роману Ч. Айтматова «Плаха».

Думая о детворе, она купила в Белом Яре домишко-развалюху и построила на этом участке двухэтажный дом по моему проекту. Потом они с мужем Борисом купили машину. Оля быстро освоила вождение – и с началом лета она уже хлопотала над грядками с восходом солнца (это всегда меня поражало). А детворе – в дружбе с соседскими – какое раздолье: и лес, и Волга рядом!.. Но с её уходом ехать туда – это травить душу, вот дом и пустует…

Портрет подруги. 1978. Автору 13 лет

Оля вырастила троих славных детей. Средняя, Лиза, унаследовала и развивает художественный талант (оканчивает Суриковский, недавно дала две работы на межвузовскую выставку – эти работы заняли первое и второе места).

Беззаветно в борьбу с недугом сестры включился её брат Дмитрий. Он её, почти бесчувственную, возил в Москву. Пробился к главврачу института нейрохирургии, Олюне сделали операцию. Это нас обнадёжило. Дочь заново расцвела, но только на полгода. Вторичная попытка спасти Олюню уже не помогла. Но она остаётся с нами…

Они знали цену мирной жизни

«Мономах» – подлинная «машина времени», переносящая читателей в прошлое нашей малой родины. Несравнимое наслаждение доставляют публикации, рассказывающие о наших земляках.

Совет ветеранов Ульяновского моторного завода, рубеж 1970–1980-х. Крайняя справа в первом ряду сидит Мария Кузьминична Малыгина (прабабушка автора). Крайняя справа во втором ряду стоит Мария Григорьевна Ромбовская. Фото из архива семьи Малыгиных-Семеновых

На одном дыхании прочитал статью «Жить, чтобы трудиться» про семью Юрия Александровича Ромбовского, опубликованную в «Мономахе» № 2-2022. И случилось чудо! Я перенёсся в счастливое детство – 1980-е годы.

Автор статьи во дворе дома № 25 по ул. Локомотивной, июнь 1982 года

Передо мной уютные малоэтажные хрущёвки, протянувшиеся аккуратной линией по проспекту Гая перед забором очаровательно-таинственной Винновской рощи. А вот родной серо-кирпичный трёхэтажный дом № 25 по улице Локомотивной. Среди кустов ароматно цветущей сирени приютилась лавочка со столиком, пожилые соседи сидят и рассказывают друг другу истории из жизни. Это старики-заводчане, долго и честно трудившиеся на Ульяновском моторном заводе. Большинство было эвакуировано из Москвы леденящей осенью 1941 года в товарных вагонах вместе со станками «1-го государственного автомобильного завода им. И.В. Сталина». Много тягот и лишений они перенесли. Запредельным счастьем было получение в начале 1960-х квартир со всеми удобствами в только что построенных домах Киндяковки. Забылись довоенные московские коммуналки, сырые ульяновские землянки и душные бараки. Для комфорта жителей открылись новые магазины. В «Домовой кухне» можно было купить готовые первые и вторые блюда, полуфабрикаты и выпечку. Застал я это удивительное поколение, когда ветераны уже вышли на пенсию и с утра выстраивались говорливой очередью с алюминиевыми бидончиками в магазин «Молоко» за 20 минут до его открытия. В полдень они рассаживались по лавочкам и до позднего вечера говорили, говорили, говорили…

Старики-москвичи отличались благородными чертами лица, манерами, выговором и оригинальными фамилиями: Малыгины, Смоляновы, Акульшины, Райковы, Злобины… Фамилия Ромбовские казалась мне какой-то аристократично-заграничной и звучала как удар церковного колокола. В годы войны семьи моего прадеда – москвича Ивана Дмитриевича Малыгина и Ромбовских были размещены в разных частях Ульяновска. После войны в районе современных улиц Трудовой и Строителей

Автор статьи и его дедушка Генрих Иванович Малыгин, апрель 1982 года

для заводчан создали посёлок из нескольких кирпичных двухэтажных домов, финских щитовых и немецких репарационных домов. Когда посёлок начали застраивать хрущёвками, многие заводчане получили квартиры у переезда (пересечение Локомотивной и проспекта Гая). Здесь Малыгины и Ромбовские оказались в соседних домах по улице Локомотивной, 25 и 27.

С Юрием Александровичем Ромбовским мне близко общаться не приходилось – видел его, когда он навещал своих родителей. Его другом был младший брат моего дедушки Вячеслав Иванович Малыгин, дружили они с самого детства и всю жизнь. Супруга Юрия Александровича Тамара Марковна помогла устроить меня в ближайший к нашему дому детский сад № 46, в котором я чудно проводил время в окружении вековых дубов Винновской рощи.

С родителями Юрия Александровича – Александром Петровичем и Марией Григорьевной – я общался часто и тяжело переживал их уход из жизни. Александр Петрович Ромбовский (02.09.1911–20.04.1993) был подтянутым и интеллигентным мужчиной, из кармана его пиджака частенько выглядывала аккуратно сложенная газета. Сидеть на лавочке он не любил. Старался найти занятие с пользой для души и тела, регулярно ходил за водой к родникам Винновской рощи. Ближайшим родником был Лоточек – вода в нём имела приятный, чуть горьковатый привкус серебра, но была излишне жёсткой – в момент закипания становилась белой как молоко. Для чая она не годилась. Александр Петрович предпочитал ходить в дальний от нас родник Сахарный, вода в нём была намного мягче. Иногда мы с моим дедушкой составляли ему компанию. По пути я часто донимал их расспросами про то, как они жили до войны в Москве. Кажется, эти воспоминания доставляли удовольствие всей нашей компании.

Намного чаще и ближе я общался с Марией Григорьевной Ромбовской (12.04.1913–11.03.1992). Запомнилась она весёлым нравом, громким голосом и тем, что слово «хочется» шутливо произносила как «хотца». Заходила к нам измерить давление – оно у неё часто было повышенным. Мария Григорьевна была большой любительницей посидеть на лавочке и пообщаться. Когда я пробегал мимо неё со своими дворовыми друзьями, она непременно старалась подмигнуть или улыбнуться.

Постепенно поколение москвичей-зисовцев ушло в вечность и стало частью ульяновской истории. Молодость их была наполнена тяготами и лишениями, только под конец жизни они обрели желанный покой в уютной Киндяковке. Когда разваливался СССР, они говорили: «Всё можно пережить, только бы не было войны!»

Дмитрий Семенов

На службе истории родного края

6 июня свой юбилейный день рождения отметила краевед, заведующая отделом развития, туризма и информационных технологий Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова **Ольга Егоровна Бородина**.

С журналом «Мономах» её связывает плодотворное сотрудничество на протяжении более четверти века. Ольга Егоровна – бессменный член редакционного совета, идейный вдохновитель и активный участник реализаций многих тематических выпусков «Мономаха». На её счету – сотни статей в журнал и двухтомник Симбирской-Ульяновской энциклопедии.

Ольга Егоровна Бородина связала свою жизнь с работой в областном краеведческом музее – сначала зав. отделом природы, затем на протяжении долгих лет была заместителем директора УОКМ по научной работе. Она заслуженный работник культуры Ульяновской области.

Основная тема исследований О.Е. Бородиной – природа Ульяновской области и особо охраняемые природные территории. Но она не только защитник природных богатств земли Симбирской. Ольгу Бородину интересует всё, что связано с историей родного края и её выдающимися земляками. При её непосредственном участии и руководстве вышли десятки краеведческих сборников: «Гений места», «Симбирский-Ульяновский край в истории России», «Ульяновская область: путеводитель», «Уникальные места земли Ульяновской» и другие книги.

Ольгу Егоровну Бородину знают и ценят в нашем городе как энтузиаста-общественника, защитника экологии и исследователя уникальных природных богатств, инициатора музейных выставок и идейного вдохновителя современных проектов. Такова её гражданская позиция: быть за всё в ответе!

Редакция журнала «Мономах» поздравляет Ольгу Егоровну Бородину с юбилейным днём рождения, желает здоровья и жизнестойкости и выражает надежду на продолжение сотрудничества на благо родной земли.